

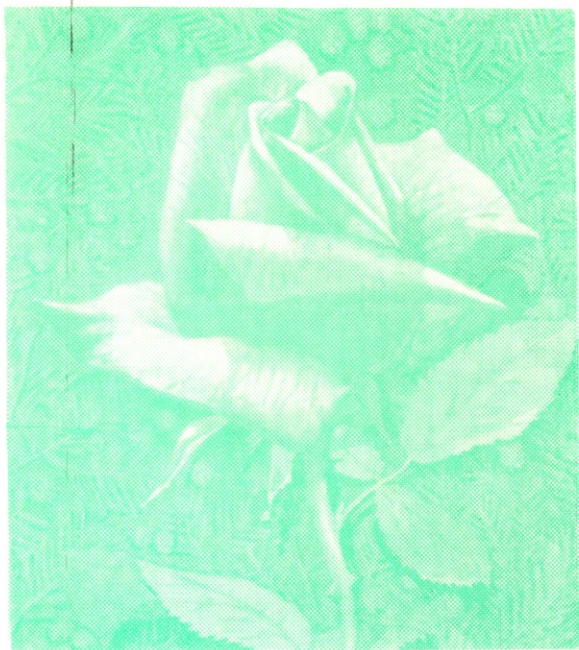

ლიტერატურა

ტრუზია

3

1977

Слава советским женщинам

— В Е Р Н Ы М

Д О Ч Е Р Я М

Н А Ш Е Й

Р О Д И Н Ы !

Литературная Грузия

*Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал*

Орган Союза писателей Грузии

3

МАРТ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

ქართველი
წიგლიერთა
კავშირი

(რუსულ ენაზე)

ქველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან № 3

მარტი 1977 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

*Издается
с июня 1957 года*

Главный редактор
Георгий ЦИЦИШВИЛИ

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

Редакционная
коллегия:

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

- Тенгиз БУАЧИДZE,
- Гиви ЖВАНИЯ,
- Марк ЗЛАТКИН,
- Исидор КОЗАЕВ,
- Георгий ЛОМИДZE,
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
- Гурам ХАРАИДZE
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),
- Эммануил ФЕЙГИН.

- Приемная — 99-06-59
- Главный редактор — 93-65-15
- Заместитель главного редактора — 93-13-57
- Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

- Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43
- Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
- Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19

Ручписи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПОЭЗИЯ

- ИЗ ГРУЗИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА. Пшав и юноша из Шаони. Девушка из Ахади. А вы-то зачем? Георгий и смерть. «Себя ты, грузин молодой...». Песня мяхевца. «—Горе мой помутило взгляд...». Черный ворон. Перевод Наума Гребнева. Тапараванская баллада. Дали рождает в скалах. «Звалась Шрошани...». «Каркала ворона...». «Никому не приведись испытать...». Что это, матушка? Охотничьи песни. Перевод Яна Гольцмана 4

ПРОЗА

- РАМАЗ КОБИДЗЕ. Листья папоротника. Роман. Продолжение. Перевод Викторией Зининой 10
ЭЛГУДЖА МАГРАДЗЕ. Стенание. Роман. Перевод Анаиды Беставашвили 32

ОЧЕРК

- ВЛАДИСЛАВ ПЕТЕРС. Скала Мужества 47

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГУРАМ АСАТИАНИ. Галактика Галактиона 51
ГУРАМ БЕНАШВИЛИ. Прекрасные просторы гуманизма 61

60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

- СЕРГИ ЧИЛАЯ. Великий Октябрь и грузинская литература 67

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ЭЛГУДЖА ХИНТИБИДЗЕ. Литературные связи древней Грузии 75

НАУКА

- ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Баски и грузины 83

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ. Молод душой и творчеством 91

В МИРЕ КНИГ

- ЛИЯ ТИХОНОВА. «Свободную сущность свою я спасаю..» 94

БОГАТЫЙ и своеобразный мир грузинского фольклора мало известен широкому русскому читателю. Несмотря на ряд прекрасных переводов, грузинский фольклор в целом еще ждет своего переводчика, ждет мастера, который сумеет постичь и раскрыть русскому читателю этот самобытный поэтический мир. Мир, не только вскормивший и на протяжении тысячелетий питавший своими корнями духовную культуру грузинского народа, но во многом определивший и обусловивший мироощущение Руставели, Гурамишвили, Важа Пшавела, Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе и многих, многих других.

На страницах этого номера «Литературная Грузия» широко открыла двери новым переводам грузинского народно-поэтического творчества. Здесь представлены переводы такого признанного мастера, как поэт Наум Гребнев; наряду с ним впервые печатаются переводы грузинского фольклора, принадлежащие перу поэта Яна Гольцмана. Работа обонх идет сейчас в русле большой деятельности Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей Грузинской ССР.

Читатель оценит в этих переводах не только высокое мастерство переводчиков, но в ряде случаев глубокое постижение внутреннего звучания грузинского народного стиха, бережное отношение к тексту оригинала, не мешающее однако переводчикам создавать превосходные русские стихи.

Среди переведенных стихов есть и такие архаичные песни-гимны мифологического характера, как сванские «Дали рождает в скалах», «Лилео», рачинские — «Женщину некую звали Шрошани», как обрядовая «Иавнана», где божества, наделенные земными страстями, спускаются к людям с небес или с вершин гор, вступаая с ними в общение; есть здесь полные суровой героики горские баллады, где люди ведут себя, как боги, владея своими чувствами и подчиняя свои страсти непреложным законам воли, братства и мужества. Своеобразен цикл охотничьих стихов, где стирается грань между миром природы и человеком, богато представлена изысканная любовная лирика и величественные застольные песни афористического, философского характера.

Помимо стихов, созданных в центральных районах Грузии — Картли, Кахети, Месхети, — здесь представлена поэзия грузинских гор. Заслуживает внимания тот факт, что Яну Гольцману удалось передать ее многообразие. Хевсурские, мохевские, пшавские, рачинские и сванские песни сохраняют в его переводах своеобразие колорита, мелодики и инструментовки.

Будем надеяться, что читатель с интересом ознакомится с новыми переводами из грузинской народной поэзии.

Елена ВИРСАЛАДЗЕ,
доктор филологических наук, профессор

Из грузинского фольклора

Переводы Наума ГРЕБНЕВА

Пшав и юноша из Шаони

<p>Юный пшав спешил домой</p> <p>Вдоль реки Шавцкали.</p> <p>Молодой шаонец шел,</p> <p>Тропы их совпали. Уступать друг другу путь</p> <p>Юноши не стали, И скрестились их мечи</p>	<p>Из булатной стали. Рядом не было друзей,</p> <p>Чтоб врагов разняли, Оба смелых на траву</p> <p>Замертво упали.</p> <p>Там, где пали два врага, У реки Шавцкали,</p>	<p>Черный ворон пировал,</p> <p>Прилетев из дали. Думал ворон: «Эх, беда, Ни за что пропали. Будь бы хоть один умней,</p> <p>Им не знать печали. Но и сам бы я тогда Сытым был едва ли».</p>
---	---	--

Жизни наши —
 мгновенья,
Подброшенные
 каменья.
Могилы для нас
 для всех
Готовы со дня
 рожденья.

Хоть весел ты,
 хоть беспечен,
Чем бы ни был твой
 путь отмечен,
Наш мир — это
 суши клочок,
Вокруг океан
 бесконечен.

И все адамовы дети,
Равны мы на белом
 свете.
Татарин, грузин,
 армянин —
Единое солнце нам
 светит.

Девушка из Ахади

Твой лик наподобье
 луны,
Лучи его с неба
 струятся.
Горницы в доме
 тесны,
Весь день женихи
 толпятся.
Но все женихи
 должны
Ни с чем по домам
 возвращаться.

Красавица, ты
 смотри,
Как бы не
 просчитаться,
Как бы на склоне
 дней
Тебе одной не
 остаться,

Как бы в конце
 концов
Тебе старику
 не достаться.
Среди твоих
 женихов
Есть тот, чьи стада
 золотятся,
И тот, кто храбрей
 других,
Кого все враги
 боятся.
Есть юноши из
 семей,
Которыми люди
 гордятся.

Красавица, оглядись.
Нам всем дано
 ошибаться.

Тебе не век и не два
Красавицей
 оставаться.
Гляди ты,
 не предпочти
Ленивца и
 святоотатца.

Придется тебе
 тогда
Слезами весь день
 обливаться.
Горем твоим пред
 людьми
Станет твой муж
 похваляться.
Будет кто-то тебя
 жалеть,
А кто-то другой
 смеяться.

А вы-то зачем?

Огонь сушняка, ты по праву нас
 жжешь.
А вы-то куда, поленья сырые?
Жена моя, ты меня, плача, клянешь.
А вы-то зачем, друзья и родные?
Ты ранишь, острая сабля, ну что ж.
А вы-то зачем, языки людские?

Георгий и смерть

С Георгием борется смерть,
Но он ее не боится.
Та, что взрастила его,
Может сыном гордиться.
Вот смерть взмахнула мечом,
Отрубила ему десницу,
Но герой из последних сил
Поднял меч и смерть разрубил
От плеча и до поясицы.

* * *

Себя ты, грузин молодой,
Достойно вести способен ли?
Самым первым ринуться в бой,
Последним уйти способен ли?
Если ранен товарищ твой,
На помощь прийти способен ли?

Песня мохевца

Дай, красой твоей наслажусь,
Ты красой не дашь насладиться.
Пересохло от горя во рту,
Дай мне пить, не дашь напитокся.
Ты в упор на меня глядишь,
Все в моей голове мутится.
Все слова, что знал я, забыл.
Что мне делать, моя царица?
Ты молчишь: ни «приди!», ни «уйди!».

Ни погнубнуть, ни снова родиться,
И клянц я судьбу свою,
Что случится со мной, пусть случится.
До чего ты меня довела.
Ты стоишь, стройна, белолица,
Что тебе: ведь не ты, а я
Должен ждать, и страдать, и томиться.

* * *

— Горе мой помутило взгляд,
Где моя прежняя сила?

— Стоит ли удивляться, брат,
Горе и горы смутило.
Видишь, этот пологий скат
Складками избородило.
Горе в горах, — так говорят, —
Цветы и те погубило.

Черный ворон

— Черный ворон, скажи, куда
Ты направил свой путь воинственный?

— Радость мне — случилась беда:
Пал у матери сын единственный.
Я над мертвым буду летать,
Я глаза ему буду клевать,
Совершать свой обряд таинственный.

Сына матери потерять —
Как печальна участь плачевная.
Стало небо плакать-рыдать,
Слезы неба — роса вечерняя.
Стала с горя рога ломать
И луна пятнадцатидневная,
Сникло доброе все, душевное,
Только ворону благодать.

Переводы Яна ГОЛЬЦМАНА

Тапараванская баллада

Был он из Тапаравани,
Аспана дочь любил.
Ночью пускался в

плаванье,
По морю к милой плыл.
Теплит свечу любимая —
Светит издалека.
Что круговерть глубинная?
Тяжесть ему — легка.
Сердце стучит размеренно.
Юный, одной рукой —
Волны крушит уверенно,
Жернов несет в другой.
Светит свеча заветная
На берегу другом

Так, что на этом—светлая
Полночь — видать кругом!

Только старуха
властная —
Злобен нечистый дух —
Дует на пламя ясное,
Чтоб огонек потух.
Тушит свечу, проклятая!
Гаснет, заветная...
Вот она, непроглядная,
Ночь беспросветная!
Крепнет волна крученая.
Темь. Потерян брод.

Тянет пучина черная,
Пенный водоворот.

...Словно глаза
безгрешные,
Тихий рассвет пришел.
Влажные пески
прибрежные,
Красен рубахи шелк.
Ворон при виде красного
Каркал и ликовал.
Падал на грудь
несчастливого,
Сердце клевал, клевал...

Дали рождает в скалах

Дали рождает на белой скале,
Дали рождает.
Владычица, ты уронила дитя,
Дитя уронила.
Волк караулит под белой скалой,
Волк караулит.
Пастью дитя ухватил на лету —
Кинулся в поле.
По хребтовине охотник идет,
Стрелок Мепйса.
Все приметил, зорко глядит

Стрелок Мепйса.
Подкараулил, опередил
Быстрого зверя.
Подкараулил и выстрелил в лоб
Серого зверя.
Выронил серый добычу свою —
Первенца Дали.
Поднял охотник живое дитя,
Первенца Дали.
Серую шкуру к ремню привязал,
Серую шкуру.

К белой скале подошел потом,
Прямо к подножью.
Мать причитала на белой скале,
Скалы кричали.

— Мама, спусти мне косу твою,
Светлая Дали!
— Благословенье да будет с тобой,
Я — одинока:
Того, кто матерью называл,
Зверь похитил.
— Косу спусти, я — твое дитя!
— Кто же спаситель?
— Вот он рядом спаситель мой —
Стрелок Мепіса.
— Пусть выбирает одну из трех
Себе награду:

Звалась Шрошáни, звалась Шрошáни
Женщина эта.
На среднем пальце, на среднем пальце
Кольцо надето.

Лазурный камень, лазурный камень
Кольца Шрошáни
Цветы и травы, цветы и травы
Украшали.

По-над травую, по-над травую
Ветра звенели.
Гнездилися коршун, гнездилися коршун
В вершине ели.

В гнезде шелковом, в гнезде шелковом
Яйцо блистало.
Красней рубина, красней рубина,
Алее лала!

Разбил скорлупку, разбил скорлупку,
Предел послушный —
В гнезде высоком, в гнезде высоком —
Щенок жемчужный.

Взрасти мне, боже, возрасти мне, боже,
Его! Тогда лишь —

Каркала ворона: «Птенец,
Наберись ума, наконец.
Поумней хотя бы к зиме.

Никому не приведись испытать
То, что выпало на долю сестры:
Повстречала я на Пáрсми-горе
Брата, пулею простреленного..

Хочет, дам ему в каждый день
Козла нагорий,
Хочет, дам ему в сентябре
Девять туров,
Хочет, стану его любить —
Рядом ляжет.
— Лечь с тобой не посмею я —
Дай мне туров!
Девять старых она привела,
Девять старых.
Золоторогий девятым был,
Золоторогий.
Зачем Мепіса в него стрелял?
Вернулась пуля:
Стрелку ударила прямо в лоб —
Пропал Мепіса!

Другим без счета, другим без счета
Таких подарить.

В горах откроешь, в горах откроешь
Ему проходы.
Убьет оленя, убьет оленя —
Примчит с охоты.

Оленья шерстка, оленья шерстка
Меня согреет.
А ну-ка чоху, а ну-ка чоху
Сучи скорее!

Нежнее шерстки, нежнее шерстки
Пушок олений.
Сладь ноговицы, сладь ноговицы —
Прикрыть колени

Супруг отважный, супруг отважный,
Характер львиный,
Сломи скорее, сломн скорее
Сук тополиный.

Поставишь терем, поставишь терем
Высокий, крепкий,
И двор просторный, и двор просторный
Из белой щепки.

Голову пустую заполни.
Человек склонился к земле —
Значит, камень бросит. Запомни!».

Все пытался камнем рану заткнуть..
В изголовье прыгало воронье.
Только глаз его достать не могли —
Руку правую держал на мече.

* * *

А теперь — несу к вершине
Стрелы Хатутидзе...

— Где гулял, олень прекрасный?
Где омылся кровью красной?
Далеко от дома?
— Ах, батоно, пожалейте!
Я иду с реки Алгёти,
Худо мне, батоно!
Пролетал подобно птице
В предрассветной сини,

* * *

Охотник высоких гор,
Прекрасно твое ремесло!
Нынче не повезло —
Завтра пойдешь к вершинам.
Вернуться с пустым хурджином
Охотнику — не позор.

* * *

По горам синее
лед,
Снег холодный
вáлится.
Тур копытом в
камень бьет —

Сердце обрывается!
— Из рогов твоих
не пить,
Дьявол круторогий.
Не могу тебя убить—
Не найду дороги.

Не вскарабкаюсь
по льду
Крутизною птичьей.
У селенья на виду
Равнодушно
не пройду
С гордою добычей.

* * *

Хватит по полю гулять —
Над моей работой сжался,
Заяц! Гончие скулят.
Выпущу — не обижайся.

* * *

Ехал черным берегом — камень да
песок.
Тетерева черного подстрелил стрелюю.
Только сел на камень, откусил кусок —
Горло переполнилось сыростью и
мглою.

Оглянулся, вижу: скачут от реки
Девять иноверцев, изготовясь к бою.
Девять раз по девять щелкнули курки—
Полетели пули тесною гурьбою.

Я ответил, выстрелил. Приложился
с толком.
И поток ударил, ярк и багров —

Кровь на камни черные хлынула
потокѳм.
И слетались голуби сизые на кровь.
Весточку прощальную написал скорей.
Подвязал посланье к грудке
голубиной.
— Донеси, крылатый, до родных дверей,
Передай записку матери любимой.

Написал: «Утешься! На родной порог
Не придут неверные, — позабуди
обиды.
Пусть жена выходит, как минует срок,
За того, кто будет лучше, чем убитый».

Листья ПАПОРОТНИКА

● Роман

Иринэ уперлась подбородком ему в плечо, ее темные, раскосые, так восхищавшие Джибраила глаза были полны тревоги.

— Почему ты не сказал мне об этом вовремя? Тетя Дареджан и дядя Каихосро думают, что ты инженер. Что же мне теперь делать?

Джибраил не знал, что ответить. Но сама Иринэ решила за него.

— Хорошо, теперь слушай меня: получишь аттестат и закончишь горный техникум. Это обязательно! А там будет видно... Обещаешь мне?

— Обещаю.

— Дай мне честное слово.

— Честное слово.

Джибраила обнимала его Иринэ, его прекрасная Иринэ, с удивительными, неповторимыми глазами и пылкими губами. И в эту минуту он был согласен на все.

— Так вот... Слушай меня... У нас будет ребенок... Да тише... Сумасшедший... Угомонись... А теперь отпусти меня.

Иринэ выскользнула из его объятий.

* * *

Джибраил был хозяином своего слова. Он обещал Иринэ получить аттестат и сдержал бы свое обещание, но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает.

На участке, несмотря на трудность работы, все шло гладко. Весной Иринэ родила ему девочку — и счастью Джибраила не было предела.

Джибраил все никак не мог урвать время, чтоб съездить в деревню и собрать необходимые документы.

Но не в этом ведь было дело. Просто Джибраилу, человеку уже уважаемому и известному в городе, страсть как не хотелось садиться за парту с мальчишками и девчонками и учить алгебру и геометрию. Он воочию представлял себе, как смешно будет он выглядеть рядом с ними. Джибраил пережил бы и это. Но когда он думал о том, что директор школы, экзаменаторы, члены комиссии будут подозревать его в корысти, в том, что аттестат необходим ему, чтоб подняться по служебной лестнице, злость душила его. Ну нет, не выйдет, он из другого теста. Он сумел поднять запущенный участок и вот уже три года удерживает первое место. Он сумел сделать это, не имея диплома! А что, собственно говоря, в этом плохого. Неужели какая-то бумажка может когда-нибудь серьезно повлиять на его судьбу?! Неужели его могут когда-нибудь упрекнуть в том, что у него нет диплома? Что ж, если у руководства шахты нет больше ума, пусть поступают, как им заблагорассудится, он, Джибраил, не пропадет, у него золотые руки — это все знают, и он сможет работать всюду!

Продолжение. Начало в № 2.

Так и не сдержал Джибраил слова, данного жене. Да и сама Иринэ замолчала. Ребенок, дом, работа, гости отнимали у нее много времени и сил. К вечеру она так уставала, что мечтала только об одном — поскорее добраться до постели. К тому же она понимала, каково Джибраилу сейчас садиться за парту и хотя и не хотела признаваться себе в этом, но оправдывала мужа, считала, что на шахте должны гордиться таким начальником участка. Прошло три года, а участок работает размеренно, без срывов. Хорошая работа участка сказывалась на успехе не только шахты, но и всего треста. Иринэ понимала, что не время затевать новые разговоры об аттестате, и так уж получилось, что разговор об аттестате сам по себе заглох.

* * *

Беда пришла именно тогда, когда ее никто не ждал.

На участке Джибраила к концу весны в кратчайший срок необходимо было прорубить новый конвейерный штрек. С согласия начальника шахты, главного инженера и маркшейдеров решено было провести тоннель так же, как некогда провели Ципский тоннель, что находится между Имерети и Картли. Работы велись тогда одновременно с двух сторон, и, спустя время, строители встретились в середине тоннеля. По этому же принципу решено было прорубить конвейерный штрек, который должен быть чуть выше человеческого роста, и работать шахтером было здесь, конечно, значительно труднее.

Джибраил разделил шахтеров на две бригады по семь-восемь человек. Одна шла из верхнего вентиляционного штрека вниз, к главному штреку, другая, наоборот, снизу, из главного штрека к вентиляционному. Они должны были встретиться на середине пути.

За сутки каждая бригада расчищала участок в полтора-два метра. Каменноугольные слои взрывали аммоналом, затем вывозили уголь и укрепляли гровлю крепежными столбами. Группы поддерживали между собой телефонную связь. Работу планировали закончить к середине августа.

Группой, ведущей работу по направлению к главному штреку, руководил Дианос Голетиани, человек осторожный и осмотрительный. Тридцать лет проработал он под землей без всяких происшествий. Тем более удивительно было то, что произошло с ним перед завершением работ.

День за днем приближал ту минуту, когда должны были встретиться две бригады, все больше сокращалось расстояние между ними, и шахтерам следовало быть особенно внимательными и осторожными, прежде чем взорвать последний пласт. Двенадцатого августа Джибраил уточнил с маркшейдерами оставшееся между группами расстояние. Они успокоили его — не меньше четырех-пяти метров. Джибраил знал, что маркшейдеры, случается, ошибаются, и во избежание всяких недоразумений собрал обе группы и объявил, что с завтрашнего дня тоннель будут вести только с одной стороны — со стороны главного штрека. Шахтеры одобрили решение Джибраила.

Какой бес попутал в тот день Дианоса Голетиани? То, что он сделал, не сделал бы даже малый ребенок.

Когда шахтеры пришли к месту работы, крепежные столбы еще не были доставлены. На другой стороне тоннеля работа, наверное, была в самом разгаре. Голетиани велел пока не сгружать столбы с вагонеток, подошел к самому краю, наклонился, сунул голову в темную пасть тоннеля и стал прислушиваться. Видимо, хотел проверить, не слышен ли шум с той стороны.

— Что ты делаешь? — окликнули его шахтеры. — Ведь там в любую минуту могут взорвать. Позвони сначала.

— Э-э, — Голетиани махнул рукой, нагнулся еще больше и почти приложил ухо к угольному пласту. — Неужто мне...

Не успел он докончить фразы, как содрогнулась земля, раздался взрыв, оглушивший шахтеров. Штрек заволкло густым белым дымом. Когда дым чуть рассеялся, шахтеры увидели распластанного на земле Голетиани, засыпанного углем и чистой породой. Он слабо стонал.

Ошиблись маркшейдеры, расстояние между бригадами было не больше метра. Надо же было бригаде наверху взорвать угольный пласт именно в ту минуту, когда Голетиани приложился к нему ухом. Что стоило Голетиани поднять телефонную трубку и узнать, что намерена делать другая бригада?

Тоннель был готов, в него прорвался прохладный чистый воздух. А врач констатировал, что у Дианоса закрытый перелом правой голени. По общему мнению шахтеров, Голетиани легко отделался. Взрывной волной его вообще могло разорвать на куски.

* * *

Этот случай послужил поводом для увольнения Джибраила.

Не прошло и часу с момента взрыва, а на шахте уже появилась «Волга» начальника районной горнотехнической инспекции Дамиана Чкониа. Полнова-

тый, угрюмый на вид Дамианэ вышел из машины и, не поздоровавшись ни с кем, поспешил к лестнице. В кабинет Сардиона он вошел, не постучавшись. Сел на стул и молча уставился на Сардиона. Наконец выдохнул:

- Ну?
- Маришейдеры ошиблись...
- Ох! — Дамианэ поморщился, как от зубной боли. — Я тебя не об этом спрашиваю... Ну как, уволишь?
- Да... уволю...
- Когда?
- Сейчас же...
- Правильно сделаешь!

Сардион нажал на кнопку. В кабинет вошла Маргарита. Сардион продиктовал ей приказ, гласивший о том, что Джиграил Хелтуплишвили уволен с работы.

III

Иорам Носелидзе никак не хотел примириться с мыслью о том, что Джиграила сняли. Правда, Герасиме, Юло, Архипо и другие шахтеры тоже переживали это, но Иорам... Ведь Джиграилу он был обязан всем. Джиграил раньше других поверил в него, и Иорам, чувствуя заботу старшего товарища, старался не ударить лицом в грязь. Рядом с ним работали опытные шахтеры, и ему надо было расти, чтоб стать с ними вровень. Скажите, на каком, к примеру, участке не были бы рады Герасиме Цнобиладзе? Второго такого крепильщика во всей Грузии не найти. Ему достаточно лишь взглянуть на кровлю, и он так приладит рудстойку, что комар носа не подточит. А Архипо? Или Юло?

Иорам же на шахте всего полтора года. Поначалу дали ему лопату и велели убирать в забое остатки угля — если ты в самом деле надумал стать шахтером, надо начинать с азов. Иорам самолюбив и горд, не о такой работе мечтал он, придя на шахту, но раз нужно, будет орудовать лопатой. Он так вычищал забой, что трудно было после его работы найти в нем хоть огрызок каменного угля. И если задуматься, так Иорам за несколько месяцев своей работы сдал государству несколько десятков тонн угля. Мало? Вовсе нет. Потом его прикрепили к лесогонам. Это уже работа потруднее. Огромные, толстые, сырые и тяжелые, словно набитые свинцом бревна приходится волочить в такие просеки и штреки, где не то что выпрямиться во весь рост нельзя, а даже полусогнувшись не пройти.

Иораму пришлось нелегко. Но не было такого случая, чтоб крепильщики пожаловались, что Иорам не успел вовремя доставить столбы. Когда шахтеры становились на ударную вахту, леса им требовалось чуть ли не вдвое-втрое больше. Иорам никогда не подводил. А потом на Доске почета появлялась фотография шахтера, добывшего угля больше нормы, а бедного Иорама никто и не вспоминал. Но ничего, он молод, успеет еще покрасоваться на Доске почета. Зато в деньгах ему везло больше других. Почти в конце каждого месяца — сто, сто сорок, а бывало и сто восемьдесят рублей премии! Это не шутка. Иорам приоделся сам, одел-обул своих младших братьев и сестер. И, как бывалый шахтер, несколько раз пригласил своих новых друзей в ресторан. Одним словом, он может считать себя настоящим шахтером. Теперь же...

Иорам сам знал, да и от старших своих товарищей не раз слышал, что трудно приходится шахтерам, если не годится начальник участка. Лавросий Абжандадзе был неплохим человеком, сердечным и честным, но при его имени шахтеры по сей день только пожимают плечами. Разве это был начальник?

Джиграил — вот кто рожден быть начальником участка. Знает дело, смел, честен, уверен в себе и шахтерах, добр к людям.

И такого человека уволили! Иорам собственными глазами видел приказ, и никто уже не властен вернуть Джиграила обратно. Кто же будет вместо него? Антимоз Чахунашвили? Не дай бог! Да и сам Антимоз наверняка не захочет этого. Неглуп, хитер, как лиса, знает, что не выдюжит. Тогда кто же? К концу лета из Тбилиси, бывает, приезжают молодые инженеры. Но никто не назначит новичка сразу на должность начальника участка. Новоиспеченный инженер должен сперва как следует ознакомиться с шахтой, а там видно будет... Так кого же? В чьих руках с завтрашнего дня судьба Иорама Носелидзе?

А они с Иамзэ решили пожениться... Иораму очень нравится эта смешливая, беспокойная девчушка. Но... если дела на участке пойдут хуже, как быть?.. А ведь на попечении Иорама большая мать и младшие братья и сестры. Нет, с женьбой, видимо, придется подождать. Иамзэ девушка понятливая, не обидится... И все же беспокойно, ох, беспокойно на душе у Иорама.

В тот день, когда Сардион подписал приказ об увольнении Джибраила Хелтуплишвили, он допозда сидел в своем кабинете. На душе у него кошки скребли. Сардион предпочел бы сейчас пойти домой, принять душ, пообедать и завалиться спать, крепко, долго, чтоб ни о чем не думать — ни о делах, ни о Дамианэ, ни о Джибраиле, ни о чем, что было связано с углем, планом и вообще с шахтой. Но он не мог уходить, начинался диспетчерский час по тресту и Сардион должен был доложить руководству о результатах прошедшего дня. Так было ежедневно, ровно в шесть часов вечера. Сардион, разумеется, знал: управляющий трестом сделает вид, что он не знал о том, что Джибраил не имел диплома. Во всем будут обвинять его, Сардиона, такова уж участь начальника шахты.

Но не в этом беда. Сардион уже привык держать ответ за все происходившее на шахте, главная беда — впереди: вместо Джибраила надо найти нового начальника третьего участка. Это уже посложнее. Ведь если донные шахта за сутки выдавала восемьсот тонн угля, то четыреста из них — третий участок Джибраила. Кто заменит его?!

Дверь кабинета приоткрыла Маргарита.

— У телефона управляющий...

Сардион взял трубку.

— Слушаю вас, Акакий Доментьевич.

— Сардион? Ну, докладывай.

— Все в порядке. Дневной план, как вам известно, — восемьсот тонн, **до**быто восемьсот двенадцать, отгружено шестьсот.

— Добро. Далее?

— Пожалуй, все...

— Говорят, на шахте у вас есть пострадавший?..

— Да, есть.

— Приняли меры?

— Да, он в больнице.

— Что с ним?

— Перелом голени.

— Да... неприятно... Что же поделаешь, бывали случаи пострашнее. Кто пострадал?

— Голетиани.

— Ого, Дианос?

— Да.

— Как это его угораздило?

— Не знаю... Известное дело, риск — участь опытных людей...

— Это верно. Смелеют с опытом и забывают об осторожности. У меня самого был десятилетний стаж работы, когда я повредил себе руку. Есть еще новости?

— Освободили начальника участка.

— А может быть, он не виноват, ты разобрался?

— В том-то и дело, что есть доля и его вины.

— Да-а, коли так... Это который?

— Джибраил. Хелтуплишвили.

— Жаль. Хороший парень. И что же, нашли замену?

— Пока нет.

— Что же ты думаешь?

— Ищу.

— Выходит, в данный момент участок без начальника?

— Выходит...

— Эге... Сардион, как же так — корабль без капитана...

— Я ищу, Акакий Доментьевич.

— Нет, дорогой Сардион, так дело не пойдет... Немедленно, слышишь, немедленно найди замену! На нашу помощь не надейся, ищи у себя на шахте. У нас нет никого, кого я мог бы тебе рекомендовать. Ищите на месте, понятно? Слыханное ли дело — участок без начальника!..

— Я понимаю, понимаю... Трудно нам... Вот если бы вы помогли нам... поговорили с Чкониа...

— С Чкониа? О чем?

— Чтоб до того времени, пока найдем замену, оставить Джибраила...

— Не понимаю...

— Дело в том, что Джибраил не имеет диплома. Он практик.

— Да как я могу просить в таком случае Чкониа? Ведь он тут же поставит этот вопрос на бюро райкома. Раз он был без диплома, чего ты держал его?

столько времени? Что, законов не знаешь? Нет, дорогой Сардион, не могу, не проси. Ищи на месте замену, понял?

— Понял.

— Ну, к делу.

— Акакий Доментьевич...

— Да?

— Благодарю вас... за своевременные и деловые указания. В жизни я...

— Нашел время для шуток!.. Гляди-ка на него!.. Слушай... Сардион!

— Слушаю...

— Тэолинэ некогда отменно готовила рыбу с ореховой подливой...

— Да... Только вот рыбы...

— А если рыбы хочет управляющий трестом?

— О, тогда... Постараемся. Что-нибудь сообразим.

— Буду рад навестить вас... Ну, всего доброго.

В трубке раздались отрывистые гудки. Сардион облегченно вздохнул.

Вот уже десять лет руководит Сардион шахтой. Сюда его направил сам управляющий трестом — ты, мол, счастливчик, стоит тебе взяться за работу, как дела идут на лад. Может быть, повезет и на этот раз. Нелегко пришлось Сардиону на новом месте, не одну бессонную ночь провел он. Но прошло время, он убедился — на шахте отныне будет порядок. Скоро шахта, которой он руководил, вышла в число передовых.

Вряд ли Сардион добился бы таких результатов, не назначь он тогда начальником участка Джибраила. Это ясно всем, и сам управляющий знает это лучше других. Нет, Сардион ни в чем не винит Акакия. У того тоже свои права и обязанности... Вот хотя бы дело Джибраила. Акакий отлично знает, что, освободив Джибраила, Сардион сам подводит себя под монастырь. Когда Сардион назначил Джибраила начальником участка, Акакий знал: Сардион нарушает закон и рано или поздно ему придется отвечать за это. Тогда Акакий закрыл на это дело глаза, а нынче умывает руки. Все понятно. Откровенно говоря, какое дело управляющему до того, кто работает начальником участка на шахте? Был бы выполнен план, сдана норма государству, а там не все ли равно — с дипломом начальник участка или без диплома — это пусть волнует дирекцию шахты и начальника горнотехнической инспекции. Пусть договариваются сами.

Одним словом, час тому назад Сардион подписал приказ об увольнении Джибраила, тем самым собственной рукой подписал себе приговор.

Эх, на все надо иметь счастье! Ведь может случиться, что какой-нибудь опытный инженер устанет от канцелярской работы и его потянет на настоящее дело. Приедет он к ним, придет на шахту и попросит: дайте мне работу. Как бы Сардион встретил сейчас такого человека! Но такое случается редко. Чаще бывает наоборот — приезжает к управляющему трестом юнец с дипломом, с кучей рекомендательных писем, в которых черным по белому написано, что-де такой-то закончил горный факультет и желательнее определить его на соответствующую должность (а под соответствующей должностью подразумевается нетрудная, не вьельная работа). Вот и направляет управляющий такого на шахту и предупреждает — у молодого специалиста есть теоретические знания, помогите ему набраться практического опыта. Легкое ли дело обучить такого! Он боится темноты на шахте, от самого легкого взрыва чуть не теряет сознание. И пока такой трудяга наберется опыта, у Сардиона несколько раз сорвется план! И тогда не сдобровать ему, сам управляющий сдерет с него шкуру. Вот и выбирайся теперь из такого заколдованного круга.

Стоит август. Молодые специалисты именно сейчас приступают к работе. Конечно же, кто-нибудь приедет на шахту, которой руководит Сардион. И что же? Может Сардион кому-нибудь доверить участок Джибраила? Нет, пожалуй, лучше обходиться вовсе без начальника, чем иметь в начальниках участка желторотого птенца.

И сидит начальник шахты в одиночестве в своем кабинете, сидит, скрепя руки, думает, думает...

Сардион потер лоб... Что с ним происходит?... Кажется, он разговаривает сам с собой?... Да, плохи его дела... Пожалуй, лучше всего сейчас ему поехать домой, отдохнуть, ведь сказано, утро вечера мудренее. Может, что-нибудь и придумает...

Два года назад Джибраил решил как-то пойти в отпуск. Участок принял его заместитель Антимоз. Он смертельно не хотел этого, но что поделаешь!.. Не отказываться же! К тому же он подумал, что, если участком в течение многих лет может руководить недоучившийся Джибраил, почему бы ему не удержать участок в течение каких-то шести недель? Он подписал акт о сдаче и приеме дел и приступил к обязанностям начальника участка. Три-четыре дня дела шли как по

маслу, на четвертый день даже добыли угля на двадцать тонн больше обычного. А на шестой день... Ой-ой-ой!.. При воспоминании о той адовой ночи Антимоз за передергивает и сейчас. Хорошо еще, что Джибраил был в городе (кажется, он собрался на море). Как только ему позвонили, он примчался на шахту. В нижнем штреке кровля трещала, как разошедшиеся доски. По какой причине, никто не может объяснить и по сей день. Немедленно были направлены в этот штрек крепильщики, доставили лес, меры были приняты самые срочные. Ведь под обрушившимся сводом могли остаться семеро шахтеров. Ну и натерпелись они тогда страху! Никаких законов в ту ночь Антимоз не нарушал. Должны были снять третий пласт каменного угля и, по правилу, укрепить потом забой. В технологии участка именно так и записано, но подземные работы не всегда ведутся строго по технологии.

Тогда Джибраил и Сардион не выходили из шахты в течение трех дней. Нелегко им пришлось, даже призвали на помощь вспомогательную бригаду. На пятый день, наконец, все облегченно вздохнули, хотя страх все же не покидал их. Когда вновь включили комбайн, чтоб снять третий пласт, у комбайнера Ило Сопромадзе дрожали руки и пот градом стекал по лицу. Сардион и Джибраил о чем-то шептались. Потом Сардион позвонил Маргарите и велел напечатать приказ о том, что ввиду аварийности участка отозван из отпуска Джибраил Хелтуплишвили.

С того самого времени Джибраил и не бывал в отпуске.

Тогда все обошлось. Когда перешли за опасную зону, за две-три смены добыли то количество угля, которое они не смогли добыть из-за аварии. А ведь могла случиться беда! Нет, упаси бог, не хочет Антимоз Чахунашвили быть начальником. Именно потому, что хорошо знает: от работы под землей можно ждать самого неожиданного.

V

— Сардион, мы не ошибаемся? — Минаго Чарквиани нервно потер левую бровь.

— А? — Сардион сидел за своим столом, уткнувшись в какие-то бумаги, и даже не поднял головы.

— Не ошибаемся, говорю я?

— В чем?

— Да в том, что такой огромный участок вручаем Антимозу.

— Нет.

— нет?! Ты в самом деле так думаешь?

— Ошибаться, мой друг, это значит не знать, что ты делаешь. Мы же с тобой с самого начала все отлично знаем.

— То есть?

— Это на словах участок будет закреплен за Антимозом, а все заботы лягут на мои плечи.

— Понятно. Только вот Антимоза что-то не видать...

— Появится. Он сбежал от ответственности, испугался, что назначат его начальником участка. Посидит немного в деревне, потом струсит, что снимут его за прогул и... появится.

— Ха-ха ха!.. Ну и начальника мы подыскали!

— А ты не волнуйся, Минаго. На участке дела налажены. Все будет хорошо.

— Я не волнуюсь!

Сардион Рачвелишвили и Минаго Чарквиани сидели в просторном кабинете начальника шахты.

Третий день не видать Антимоза.

Никто не знает, где находится сейчас чета Чахунашвили. Что касается Мариам, жены Антимоза, ее отсутствие не так уж волновало начальство, в общекити как-нибудь обойдуся без коменданта, а вот Антимоз был необходим на участке, хотя бы для того, чтоб заниматься распределением шахтеров и подписывать наряды. В его отсутствие Сардион и главный инженер шахты Кахабер Гурасашвили в каждую смену выходили на работу и уже едва держались на ногах. В то же время никто из них не имел права подписывать наряд, его подписывает обычно только начальник участка. Сардион знал это и потому нервничал.

— Думаю, он вот-вот появится. — Сардион встал из-за стола. — Я его знаю как облупленного. Ты не подумай, что этот черт проклятый не может работать. Как-никак тридцать лет спускается под землю. Может работать, во всяком случае, лучше, чем иные безусые мальцы из Тбилиси. Но на него нельзя положиться... Подожди-ка... — Сардион выглянул в окно. — Что я тебе говорил?! Гляди, легок на помине. И с каким деловым видом вышагивает, ты

только взгляни! Можно подумать, что возвращается с совещания министров иностранных дел. Ну, Минаго, надо к нему подойти с умом, убедить, упростить, иначе мы не добьемся ничего.

Вошедшего в кабинет Антимоза Чахунашвили Сардион встретил с улыбкой и распростертыми объятиями.

— Антимоз, дружище, где ты пропадал?

— Эх, и не спрашивай, дорогой Сардион, не спрашивай.

Минуту спустя все трое сидели в углу кабинета за низким журнальным столиком. Антимоз вытирал пестрым носовым платком вспотевшее лицо, удобнее устраиваясь в кресле.

— И не спрашивай, Сардион... — вздыхая, продолжал Антимоз. — Сидим мы с Мариам дома после обеда, отдыхаем. Вдруг — звонок. Открываю двери и вижу: стоит передо мной какой-то незнакомый паренек, в руках пустые корзины. Приглашаю войти. Нет, говорит он мне, некогда. В чем же дело, спрашиваю я. Так-то и так-то, я из вашего родного села Чапиеги, вам просили передать... Из Чапиеги, доложу я вам, я уехал тридцать лет назад, все, что было у меня там, оставил колхозу... Уже и не думал, что меня там еще помнят. Оказалось, помнят. Там у меня была дальняя родственница... Эквирина... Любила она меня, малыша, баловала. Потом я уехал... Много воды утекло с тех пор... Теперь она, оказывается, постарела, слегла, и врач выписал ей какое-то редкое лекарство. Но разве его достанешь на селе? Тогда сама Эквирина сказала, обратитесь к моему Антимозу, он поможет, и скажите, что жду его, хочу увидеть перед смертью. Вот и поехали мы с Мариам в деревню...

— Правильно сделал, — сказал Минаго. — Очень трогательная история.

— В самом деле, — закивал головой Сардион. — И что же?

— Да вот в том-то и дело, что захворал я там... Бюллетень, правда, я забыл, вечером съезжу, привезу...

— Ох, Антимоз, о каком бюллетене может идти речь... Ты скажи лучше, как твоя тетя Эквирина?

— Представьте себе, выздоровела. Я обещал еще раз приехать... Да, Сардион, это верно, что Джибраила уволили, а?

— Верно. Дамианэ велел.

— Эх! — Антимоз поморщился и махнул рукой. — Ох, этот Дамианэ!..

Я маленький человек, но скажу ему прямо в лицо, что ему наплевать на нашу шахту... Да, это так. Это кто-то должен сказать ему. Что, он плохо работал? Или не был предан делу? — Это Антимоз говорил уже о Джибраиле. — Другой будет работать лучше?

— Это-то все верно, мой дорогой Антимоз, но начальник участка должен иметь диплом, необходимы и знание дела, и диплом, ничего не поделаешь.

— Конечно, знания необходимы, — тотчас согласился Антимоз, — но...

— Вот и ты говоришь, что необходимы знания! А Джибраил? За столько лет не удосужился даже аттестат зрелости получить... Ты знаешь, мы с Минаго даже думали, что Джибраил вряд ли справился бы, не будь рядом с ним такие надежные люди, как ты, например.

— А?... — Антимоз наострил уши.

— Сам посуди, много ли может один начальник участка? Он распределит работу и уходит домой. Главное — выполнить работу. Именно здесь, на этом участке работы вы все и поддерживали Джибраила. Без вас он не стоил бы и гроша, что скажешь, Антимоз?

— Ясное дело, — согласился тот.

— Я должен признаться, Антимоз, что начальство шахты, к сожалению, недостаточно ценило работу заместителя Джибраила, его рабочих. Я не боюсь самокритики и даю слово, что исправлю свою оплошность.

— Я вот что скажу вам... — Антимоз снова достал из кармана пестрый платок, неторопливо вытер вспотевшее лицо, так же неторопливо сложил платок, спрятав его в карман и уставился в одну точку на стене. — Я вот что скажу... Конечно же, рабочие на шахте — это сила, но без хорошего руководителя участок вряд ли добьется успеха. Без хорошего руководителя, доложу я вам, могли быть совсем обратные результаты.

— Ты думаешь?

— А как же? А как же?

— Да, конечно, ты прав, роль руководителя на участке очень велика, верно, Минаго?

— О чем речь!

— Так вот, Антимоз, а ваш участок без начальника.

— О, трудно, очень трудно, когда нет начальника... — сокрушенно покачал головой Антимоз.

— Не только трудно, но и запрещено законом. — Сардион встал, пропелся по кабинету, остановился и посмотрел Антимозу прямо в глаза. — Оставлять участок без начальника я не имею права. Я вот руковожу всей шах-

той, а не имею права лично вмешиваться в дела участка. И никто не может, кроме начальника участка. Таков закон. За работу участка отвечает начальник участка, с него и спрос. Вот мы обращаемся к тебе, старому, опытному работнику: скажи, кто может быть начальником вашего участка?

Антимоз кашлянул, долго потирал руки, уставясь в одну точку, потом посмотрел на Сардиона и начал неуверенно:

— Как быть?.. Нельзя этот вопрос решать с ходу... Может быть, Тадеоз Бочоришвили, а?

— Ну что ты! Разве у Тадеоза есть диплом?! Нам необходим человек с дипломом. Чего ради мы тогда освобождали Джибраила?!

— Да!.. С дипломом!.. Верно... Вам нужен инженер, техник, человек с дипломом.

— Ну хотя бы человек, закончивший курсы горных мастеров, вот как ты...

— Не согласится Дамианэ на такое, — покачал головой Антимоз.

— Пусть тебя это не волнует, с Дамианэ это уже согласовали.

— Коли так... Можно найти такого человека...

— Ты так думаешь?

— Конечно...

— Эх, Антимоз, хочешь ты того или нет, участок, видимо, придется принимать тебе... Работаешь ты давно, опыта у тебя больше чем достаточно, людей знаешь...

— Кто, я?.. Я?..

— Ты, ты! — кивнул головой Сардион.

— Да, как раз о тебе речь, — подтвердил Минаго.

Антимоз весь покрылся испариной.

— Что я сделал плохого тебе, а, Сардион Рачвелишвили? — Он в упор посмотрел на начальника шахты. Сардион, признаться, сначала даже растерялся, потом, обменявшись с Минаго взглядами, проронил:

— О чем ты, Антимоз? Я что-то не понимаю тебя.

— Эх, что поделаешь, воля ваша... Назначайте.

— Мы не назначим тебя без твоего согласия, — Сардион пожал плечами, подошел к своему столу, сел и стал перелистывать какие-то бумаги.

Минаго закурил.

Чахунашвили понял, что и в самом деле никто не думает насильно возлагать на него обязанности начальника участка. Ну и слава богу! Вообще-то ему вовсе не лень работать. За день хоть десять раз готов он надевать брезентовую спецодежду и обходить шахту, может дневать и ночевать там, только бы не отвечать ему ни за что, пусть черта боялся Антимоз ответственности.

— Что ж, я пошел, а?.. — Антимоз нерешительно поднялся со стула и тануто улыбнулся.

— Всего хорошего! — Сардион не поднял головы.

Антимоз вышел и осторожно прикрыл за собой дверь.

VI

Теймураз Арджеванидзе ехал в купейном вагоне в полном одиночестве. Он занял нижнюю полку, устроился поудобнее, но никак не мог уснуть. Мысли, одна беспокойнее другой, мучили его. Что ждет его на новом месте, как его встретят, какую предложат работу? К тому же в соседнем купе кто-то так безбожно храпел, что казалось, храп этот разнесет в щепки стенки старого вагона. Теймураз встал, оделся, вышел в тускло освещенный коридор и стал у окна, пытаясь что-то разглядеть в темноте, но ничего, кроме собственной тени, в окне не увидел. Но и здесь его безжалостно преследовал храп, доносившийся из соседнего купе. Он вернулся к себе, разделся, зарылся головой в сырую подушку и снова попытался уснуть. Все напрасно.

Перед ним всплыло лицо Натии... Да, конечно же, ей стало скучно, и она решила немного поразвлечься им. Это очевидно. Она вовсе и не думала связывать свою судьбу с судьбой Теймураза, она всего лишь немного развлеклась. А теперь она, наверное, и не вспоминает его и в скором будущем выйдет замуж за того же самого Бесарциона Маграквелидзе, которого она дразнила дружбой с Теймуразом, или же за другого, похожего на него. Зато будет богато одета, увешана драгоценностями.

Теймураз вспоминал мать, худенькую, изнуренную заботами Мелано, вспоминал, как стояла она с опухшими от слез глазами на перроне Тбилисского вокзала. Нет, отныне она не должна жить в нужде. Поначалу, правда, ей придется рассчитывать на свою пенсию и те деньги, что она подработает, переплетая книги, но когда Теймураз устроится на работу, все изменится. У горного инженера ведь большая зарплата, он будет посылать матери часть своей зар-

платы, а может быть, она вообще переедет к нему, ну и что с того, что он будет жить не в Тбилиси, а в провинции?!

Странно устроены люди! Есть такие, что как чумы боятся провинции. А ведь и здесь можно жить не хуже, чем в любом большом городе. А захочется побывать в Тбилиси, походить по театрам, что ж, садись в поезд или на автобус, приезжай в столицу, побывай в театрах, навести друзей и знакомых — и возвращайся к себе. Главное, чтоб работа была интересная, главное, как говорится, обрести самого себя, а где это произойдет, в столице или в провинции, не все ли равно?

Теймураз лежал с открытыми глазами и тщетно пытался не обращать внимания на хrap, доносившийся из соседнего купе.

Интересно, что ему предложат в тресте? Наверное, учтут, что у него диплом с отличием...

Натия... Что ей надо было от него? Неужели она издевалась над ним? Теймураз почему-то не хотел верить в это. Зачем ей надо было дразнить Бесариона? Он ведь и так травой стелется перед ней... А сколько раз, когда они гуляли в Окрокана, он замечал, как Натия старалась скрыть грусть и казаться беспечной и беззаботной. Когда шутят и издеваются, не смотрят такими грустными глазами. Почему же она смолчала, не открылась Теймуразу? Постеснялась? Или не захотела? Кто знает?.. И еще одно терзало Теймураза: неужели они расстались навсегда?

VII

Город шахтеров встретил Теймураза дождливым серым утром. Вершины скрестных гор были укутаны плотным туманом, стены деревянных домов пропитанные влагой, казались мрачными. По шеробатому асфальту перрона бежали ручейки. В зале ожидания было прохладно. Теймураз вышел на перрон, поинтересовался у дежурного, где находится трест. Оказывается, он был совсем близко, на соседней улице.

Разумеется, рано утром в тресте еще никого не было бы. Теймураз сдал чемодан в камеру хранения и, хотя лил дождь, решил пройтись по городу.

Здесь Теймураз уже бывал, три года назад, на практике. Он проходил тогда практику на шестой шахте, хорошо помнил все забои, штреки, бремсберги этой небольшой шахты. Он спускался в шахту вместе с шахтерами и не поднимался до самого конца рабочего дня. Шахтеры сразу заметили, что этот практикант не похож на других, мечтающих только об одном — поскорее избавиться от работы под землей. Правда, он тогда почти не бывал в городе, только раза два пошел в кинотеатр и однажды решил пойти на стадион, но почему-то остался дома. Незаметно прошел месяц, отведенный на практику, и Теймураз возвратился в Тбилиси, так и не посмотрев как следует город.

Теперь же Теймураз приехал сюда не на практику, приехал жить и работать. И наверное, надолго.

Он не спеша шел по главной улице города и внимательно рассматривал дома, канатные дороги, протянутые от холма к холму, мост через неширокую, но быструю и шумливую реку.

Это был характерный для Западной Грузии город. Рядом со старыми домами возвышались современные кирпичные и блочные здания, трех- и четырехэтажные. Признаться, старые дома лучше вписывались в ландшафт, но Теймураз знал, что жить все-таки лучше в новых, со всеми удобствами, нежели в этих старых, уютных на вид, но лишенных удобств.

Побродив по городу, Теймураз снова вернулся на вокзал, позавтракал в буфете и, взглянув на часы, решил, что теперь, наверняка работники треста будут уже на месте.

* * *

Управляющий трестом Акакий Доментьевич Нишнанидзе пришел в тот день на работу в хорошем настроении. План во всех шахтах выполняется, никаких срывов и чрезвычайных происшествий. Что еще может желать управляющий?

Не успел он сесть за стол, как вошел Лаврентий Вардосанидзе, начальник отдела кадров.

— Как поживаешь, Лаврентий? Судя по твоему виду, ты пришел ко мне с радостной вестью.

— Спасибо, живу неплохо. А тебе, Акакий Доментьевич, я в самом деле принес довольно приятную весть.

— Ну что же, говори!..

— Я думаю, нашему Сардиону наконец повезло.

4619369330
312 000 1101933

Лаврентий достал из папки диплом Теймураза и протянул его Акакию.

— Теймураз Арджеванидзе, — прочитал Акакий и поднял глаза. Я что-то не понимаю тебя, Лаврентий.

— Наконец-то нам повезло! Красный диплом, отличник!.. Я беседовал с ним больше часу. Спокоен и сдержан, внимателен, немногословен...

— А?

— Вот повезло Сардиону Рачвелишвили. И нам, разумеется. По всем статьям, появился у нас начальник участка с дипломом.

— Насколько я понимаю, ты предлагаешь нового инженера на место Джибранла Хелтуплишвили. Так?

— Разумеется.

— Вот что значит, дорогой мой Лаврентий, что ты, в должности начальника отдела кадров треста за много лет (сколько ты здесь работаешь? Небось перевалило за десять?) ни разу не спустился в шахту. Тогда бы ты не советовал мне назначать начальником участка мальчишку, едва окончившего институт.

— Акакий...

— Повремени, дай сказать... Инженера мы все-таки направим, разумеется, к Сардиону, на его усмотрение. Он найдет ему работу...

— Понятно...

— Что ж, всего доброго. Смотри, не забудь: на усмотрение самого Сардиона!

VIII

В три часа Сардион и Минаго снова вместе сидели в кабинете начальника шахты. Сардион только недавно поднялся из шахты. Переодеваясь, он жаловался Минаго, что вот уже больше недели они со старшим инженером Кахабером Гурасашвили заменяют Джибранла, а с Антимоза как с гуся вода; он делает вид, что не имеет к делам участка никакого отношения.

— Привлекут меня к ответственности, — вздохнул Сардион и наклонился, чтобы снять резиновые сапоги.

— Если узнают о твоих проделках, непременно привлекут, — подтвердил Чарквиани.

— Смотри, не проговорись, — подмигнул Сардион.

— Разумеется, — мрачно ответил Минаго.

В это время в дверь постучали.

В кабинет вошла Маргарита и, остановившись в дверях, сказала, что из Тбилиси приехал инженер и хочет повидать начальника шахты.

— Кто приехал?

— Инженер. Из Тбилиси.

Сардион ничего не понимал. Только недавно на шахту приезжали инженеры из Тбилиси, проверяли документацию, вентиляционные штреки. Кого же еще черт принес?

— Пусть входит.

В кабинет вошел скромно одетый молодой человек, выше среднего роста, хорошо сложенный, с довольно привлекательной внешностью горожанина. Остановился в дверях.

Теймураз плохо понимал, что произошло за эти несколько часов его пребывания в городе. Из разговора с начальником кадров Лаврентием Вардосанидзе он понял, что его направляют на какую-то шахту начальником участка. Сам Лаврентий сказал ему об этом и велел прийти для оформления документов в двенадцать часов.

Когда Теймураз пришел к нему в назначенное время, Вардосанидзе встретил его несколько обескураженный, почему-то отводил от него взгляд, платком вытирал стекла очков и то и дело поглядывал в окно.

— Так вот, дорогой мой Теймураз, ваш вопрос уже решен, только вот я упустил. Э-э, старость, старость... будь она неладна, я совсем упустил из виду, что мы не имеем права приказывать начальнику шахты. На шахте свой отдел кадров, и начальник шахты сам решает, куда послать нужного ему человека. Вас направляют к Сардиону Рачвелишвили.

— Значит...

— Все в порядке... Получите направление, а там Сардион сам решит, куда вас определить.

Разумеется, сейчас, при встрече с Сардионом, Теймураз волновался. О должности начальника участка он уже и не мечтал, опасаясь, как бы ему не предложили такую работу, где он с дипломом инженера в кармане чувствовал бы себя неловко. Он волновался потому, что знал, здесь, в кабинете начальника шахты, в течение нескольких минут окончательно решится его судьба.

Теймураз вежливо, но довольно сдержанно поклонился. Сардион ответил на приветствие, встал, пошел ему навстречу.

— Сардион Рачвелишвили, начальник шахты.

— Теймураз Арджеванидзе.

Они пожали друг другу руки.

— А это наш парторг Минаго Чарквани.

— Очень приятно.

— Присаживайтесь.

Спустя минуту все трое сидели за столом Сардиона.

— Когда вы приехали?

— Сегодня утром.

Ненадолго воцарилась тишина, потом Теймураз достал из кармана документы и протянул их Сардиону.

При виде красного диплома Сардион поднял голову, внимательно посмотрел на Теймураза и снова стал просматривать документы:

— Так-так... понятно... Значит, на наше усмотрение... Ясно... Скажите, где вы проходили практику?

— Здесь... и в Чиатура.

— Хорошо... Все ясно... — Сардион встал, прошелся по комнате. — Еще один вопрос, если можно.

— Пожалуйста, — Теймураз улыбнулся и пожал плечами.

— Почему вы не остались в аспирантуре?

— В этом году не было мест.

— В будущем?

— В будущем я теряю право на аспирантуру... К тому же... Одним словом, раз приехал, значит, хочу работать!

— Понятно... Но... — Сардион задумчиво покачал головой.

— Я слушаю вас.

— Ничего, все в порядке, — ответил Сардион и нажал на кнопку звонка. По всей видимости, он принял какое-то решение.

Теймураз по-прежнему ничего не понимал и с нетерпением ждал решения начальника шахты. А Минаго понял все и, удивленный, не спускал глаз с Сардиона.

Вошла Маргарита.

— Садись и пиши, — обратился к ней Сардион. — Начальником третьего эксплуатационного участка с двадцать шестого августа сего года с месячным испытательным сроком назначить горного инженера Теймураза Арджеванидзе. Основание: заявление Арджеванидзе и резолюция начальника шахты. Все ясно?

— Да...

— Так вот... Вы, Теймураз, — Сардион подошел к Теймуразу и взял его за локоть, — вы сейчас пойдете с Маргаритой и напишете заявление на мое имя. Маргарита отпечатает приказ, потом оба зайдите ко мне.

Теймураз и Маргарита вышли.

Сардион сел, перелистал какие-то бумаги, лежащие на столе, и наконец поднял на Минаго глаза.

— Ты что уставился на меня?

— Что ни говори, а я все-таки твой парторг...

— Не парторг ты, а душегуб мой, вот ты кто.

— Ну и скажешь!

— В самом деле. Помощи от тебя никакой, а как критиковать, ты тут как тут.

— Я не проронил ни слова.

— Знаю, что ты думаешь...

— А ты?

— Что я?

— Ты что думаешь?

— Ничего! — Сардион посмотрел Минаго прямо в глаза.

— Ты думаешь, что поступил правильно?

— Как знать...

— Мальчик еще шахты не нюхал...

— Нашей не нюхал, зато на других уже побывал...

— Ты сам твердишь, что надо знать все уголки на шахте.

— Ничего, узнает...

— А пока узнает?

— Будет все-по-прежнему.

— Да...а. Но согласается ли шахтеры?

— Шахтеры? — Сардион мизинцем почесал бровь. — Сомневаюсь.

— И что же?

— На то ты и парторг, чтоб помочь мне.

— Хорошо, постараюсь, сделаю все, что в моих силах. Но ты ведь знаешь, если шахтер надумал уходить, его не удержишь.

— Знаю. И что же?

— Ничего.

— Спасибо!.. — Сардион сердито отшвырнул от себя какую-то бумажку и взялся за другую.

Минаго откинулся на спинку стула и замер, скрестив руки на груди.

Спустя несколько минут вошла Маргарита с отпечатанным приказом. Следом за ней шел Теймураз.

Сардион пробежал приказ глазами и подписал его, потом, положив ручку на место, исподлобья долго и внимательно смотрел на Теймураза.

— Поздравляю вас. Надеюсь, вы понимаете, на какую серьезную работу вас посылают. Минаго! — обратился он к парторгу. — Не грех и тебе поздравить нового начальника участка.

— Поздравляю, дружище, — Минаго сердечно улыбнулся молодому инженеру. — Поздравляю.

— Спасибо.

— Так вот. — Сардион встал. — О шахте и делах поговорим после. Тебя, Маргарита, я освобождаю сейчас от всех дел, займись, пожалуйста, нашим новым инженером. Прежде всего позаботься об авансе. Далее — об общежитии. Сама знаешь, что надо ему предоставить.

— Ясно...

— Ну что ж, счастливо!

IX

Теймураз уезжал из Тбилиси в среду. Натия не провожала его, почему — и сама не знала, а в четверг какая-то неведомая ей сила подхватила ее, не владя собой, она помчалась на вокзал, взбежала на переходной мостик, остановилась и окинула взглядом поезда, стоящие на железнодорожной линии.

На первой линии возле старых зеленых вагонов суетились люди, громко переговаривались, смеялись, что-то кричали друг другу на прощание. Наверное, вчера Теймураз уехал этим поездом. Помнится, он сказал ей по телефону, что поезд отходит в половине восьмого. Почему, почему она не пришла проводить его, почему не поборолась в себе гордыню, чтоб сейчас не стоять вот здесь, на мосту, и не сожалеть о том, чего уже не вернуть?

У вагонов народу становилось все больше и больше. Незаметно стемнело. Натия подумала, что, приди она вчера сюда, она все равно с этого мостика ничего не увидела бы.

Неожиданно поезд тронулся. Натия вздрогнула. Под мостом один за другим пронеслись зеленые вагоны. Наконец промелькнули красные огоньки последнего вагона и исчезли в сумерках. Натия почувствовала, как от волнения ей перехватило горло. Она еще долго смотрела в серую мглу, поглотившую состав, потом медленно стала спускаться по ступенькам.

Внизу, возле самых ступенек, она увидела Бесариона Маграквелидзе с друзьями.

Натия остановилась.

— Приветствуем вас! — Бесарион приложил правую руку к левой стороне груди. Друзки его в вежливом поклоне склонили головы и улыбнулись.

В нескольких шагах, возле тротуара стояла черная «Волга». Натия поняла, что машина ждет ее. Она подошла к машине, открыла дверцу и села. Бесарион сел за руль и включил мотор. Друзки Бесариона устроились на заднем сиденье.

— Куда прикажете? — Бесарион вежливо склонил голову перед Натией.

Натия не ответила. Она сидела, отвернувшись, и бессмысленно рассматривала прохожих, снующих мимо окон машины.

— Сердитесь? — ехидно улыбнулся Бесарион.

Натия по-прежнему молчала.

Будь Бесарион немного умнее и проникательнее, он давно бы уже понял, что от Натии ему никогда ничего не добиться. Он считает себя рыцарем, день и ночь пропадает в ресторане и не знает себе равного в драке. Но перед Натией он до того робеет, забывает о своем достоинстве и превращается в какого-то заискивающего раба, что Натии просто противно.

Интересно, у кого он одолжил эту «Волгу» на сей раз. У самого Бесариона нет машины, хотя семья Калистратэ Маграквелидзе одна из самых богатых в городе...

Вот уже несколько лет Бесарион все обхаживает Натию, добился того, что постепенно от нее отошли все ее друзья, особенно однокурсники. Никто не осмеливался даже провожать ее. И когда ее стали встречать с Теймуразом, многие даже удивились.

Видимо, сам Бесарион не принимал Теймураза всерьез. Он не мог даже представить себе, что этот худенький, скромный и бедный студент — какой-то там отличник! — может стать его серьезным соперником.

Бесарион по-своему смотрел на дружбу Натии с Теймуразом. Он считал, что Натия дружит с ним, преследуя только одну цель — подразнить, раззадорить его, Бесариона. Что ж, Натия, ваша воля! Поступайте как хотите, но Бесариона вы не проведете! Только странно, что Натия выбрала этого заморыша. Правда, случается и такое: сегодняшний заморыш спустя время может опериться и стать выдающимся человеком. Но какая красивая женщина будет ждать, пока бедный студент превратится, скажем, в известного ученого? Нет, разумеется, лучше си-ница в руках, чем журавль в небе. За деньги все можно купить, всего можно добиться — в этом Бесарион уверен!

— Может быть, поедем в «Самадло»?

Натия снова промолчала. Тогда кто-то сказал:

— Можно было бы, но...

— Что но? — обернулся Бесарион к друзьям.

— Поздно, там уже нечего будет есть...

— Тогда, может быть, в «Интурист»? Там лучший джаз-оркестр. А что прикажет Натия?

— Фуникулер!

— Что ж, поехали, только...

— Что только?

— Только даже с фуникулера, милая Натия, вы не увидите тот поезд, он уже давно в Гори. — И сам обрадовавшись своему остроумию, Бесарион загоготал: — Ха-ха-ха!

— Поехали! — коротко отрезала Натия.

X

Они заняли в ресторане на фуникулере столик на восемь человек. Натия села лицом к залу и огляделась. Как всегда, почти все столы заняты... В основном — мужичками. А ведь у большинства есть семьи, их, наверное, ждут дома дети, жена, а они сидят с друзьями и в пьяном угаре несут всякую околесицу...

Натия перевела взгляд на своих соседей.

Напротив нее сидел худенький, тщедушный, всегда глядящий исподлобья, мрачный Тезо Булескириа. Натия слышала, что в стычках он неумолим, нередко прибегает к нечестным приемам, раза два у него видели даже оружие. С Бесарионом Тезо, пожалуй, как и все остальные, был вежлив и, чтоб угодить ему, даже несколько раз попытался улыбнуться Натии, но от этого его лицо становилось еще более отталкивающим.

Справа от него сидел Анзор Купатадзе, над которым собутыльники всегда подтрунивали. А он робко переносил все издевки, потому что зависел от них — он был из бедной семьи и никогда не имел денег. Это был рыжий парень с веснушками на лице, со странными красновато-карими глазами и бесцветными губами.

Остальные двое — красивый, статный, сдержанно улыбающийся Мирза Чиракадзе и смешливый, полноватый, беспокойный как ртуть Тенгиз Джавелидзе — были студентами медицинского института. Правда, Натия что-то не замечала, чтоб кто-либо из них думал об учебе. Да и по возрасту им давно пора было уже получить диплом. Зато их часто можно было увидеть в компании Бесариона, и, в отличие от Купатадзе, у них никогда не переводились деньги.

Натия не раз задумывалась над тем, что заставляет ее водить знакомство с ними. Есть ли ей оправдание? Может быть, она их терпит потому, что они друзья Бесариона? А сам Бесарион? Он что, лучше них?

В ресторане сидели завсегдатаи, и потому отовсюду Бесариона приветствовали его знакомые.

Прежде чем сесть, он долго вежливо кланялся, отвечая на приветствия, наконец сел и протянул Натии меню.

— Прошу вас...

Натия отложила в сторону меню и сказала:

— Я хочу жареный сулгуни.

— Ох! — Тенгиз Джавелидзе всплеснул руками. — Это слишком дорогое блюдо!

Все дружно засмеялись.

— Будет, будет сулгуни, Натия, — постукивая по столу вилкой, сказал Бесарион и склонил перед ней голову. — А вообще-то... как это... Должен сказать вам, что мне не стоит сюда заходить. Здесь всегда кутят знакомые моего отца, и я не помню случая... как это... чтоб отсюда я ушел трезвым... Вот началось... Как это... Этот идет к нам...

Низенький усатый с глазами навыкате официант с трудом пробивал себе дорогу. На подносе у него было не меньше двадцати бутылок вина.

— Это «Гурджаани» прислал вам Кокинна, — сказал он, подойдя к их столу.

— Ну что я говорил вам? — Бесарион гордо оглядел собутыльников, потом повернулся к официанту. — Это твой стол?

— Мой.

— Ну тогда сам знаешь... — Официант вытащил блокнот.

— Да убери ты эту книжку. — Бесарион вытащил из кармана кипу смятых десятирублевых. — Вот видишь... из этих денег... Как это... Я эти бутылки должен оставить здесь... А теперь сам знаешь... Постарайся... Как это... Все самое лучшее...

— Понятно! Сию минуту! — Официант поспешно спрятал блокнот, понимающе закивал головой и побежал.

— Все будет в порядке! — повернулся Бесарион к друзьям. — А ты, Анзор... Как это... Если мы опьянем, ты выйди... Как это... И сдай машину Джишиашвили... Вот тебе пятерка... Скажи... Как это... я сам утром зайду за ней...

— Эту пятерку Анзор положит в карман и сам будет стеречь машину, — засмеялся Тенгиз, довольный своей шуткой.

Друзья покатались со смеху. Купатадзе покраснел, бросил на Натию быстрый взгляд, но потом решил, что лучше ему самому засмеяться и обратить все в шутку.

Спустя время стол был уставлен яствами. Чего только на нем не было! Официант оглядел стол, довольно потер руки и сказал Бесариону:

— А теперь я пошел на кухню. Скоро будет и остальное.

— Ну... Как это... Сам знаешь... Хо-хо-хо!.. — Бесарион взял бутылку «Энисели», налил Натии коньяку. — Это отменный коньяк, дорогая Натия.

— В самом деле?

— Как это... Прошу вас...

В это время другой официант подошел к их столу с подносом, на котором была дюжина бутылок, цыпята-табака и арбуз.

— Это прислали вам друзья Калистратэ Ермолаевича, — сказал он, кивая головой в сторону столика напротив.

— Спасибо, дорогой... — Бесарион гордо оглядел своих друзей. — Ну что я говорил... Как это... Здесь весь ресторан... Как это... друзья отца...

— Погубит он тебя, погубит, помяни меня... — снова пошутил Тенгиз и захохотал.

— Ну, друзья, за нашу встречу! — Бесарион поднял рюмку с коньяком. — Как это... Пусть нам всегда будет хорошо... и пусть... Как это... мы не знаем горя...

— Амины!

Друзья залпом осушили бокалы. Бесарион оглядел сидящих за столом.

— Слушай... Купатадзе... Как это... Если ты будешь так... хлестать, то плакала наша «Волга».

— Да ты не беспокойся, — Анзор поднял обе руки. — Я не опьянею, даю честное слово!

— Ну... Как это... сам знаешь... — Бесарион встал. — Так... друзья... наш стол... как это... наш стол украшает одна из прекраснейших девушек Тбилиси, дорогая Натия... Мы обязаны... как это... оказать ей все почести... Но ее ничем не удивишь... Все мы знаем, из какой она замечательной семьи... Икрой к тому подобным... как это... Натию не удивишь... Мы должны удивить ее нашим красноречием, нашим рыцарским поклонением... Не так ли?... Так вот... Нам нужен хороший тамада... Им может быть сегодня наш Мирза Чиракадзе... Дорогой Мирза... Будь здоров...

— Дорогой Бесарион... — Мирза с почтением приложил руки к груди. — Рад услужить тебе...

— За тебя, Мирза...

— Будь здоров, Мирза! — послышалось отовсюду.

Мирза наполнил бокал вином, встал и вдохновенно начал:

— Я не знаю, как благодарить вас, друзья мои... Это для меня большая честь... И большое доверие... Думаю, вы со мной согласитесь... Только тот факт, что за нашим столом сидит Натия, обязывает нас ко многому. Наверное, сегодня в Тбилиси многие мечтают посидеть вот так, как сидим мы, около такого божества, как Натия, но счастье улыбнулось только нам, друзья мои. И если сейчас она почему-то грустна, долг наш — рассеять эту грусть, чтоб на лице ее не осталось и тени печали. Благодарю за доверие, друзья.

Чиракадзе, не переводя дыхания, осушил бокал.

— Ох-ох-ох, — промывчал Бесарион, жуя зелень. — Ну прямо Цицерон. Будь здоров, дорогой Мирза. Я не ошибся, выбрав тебя тамадой!

— Почему вы решили, что я грустна? — улыбнулась Мирзе Натия и поднесла к губам бокал с вином. — Я пью за вас, Мирза...

Мирза Чиракадзе подошел к Натии и, склонившись, поцеловал ей руку.

— Хочу напомнить вам, друзья, известное изречение: кто не видел печальной красавицы, тот не видел ни печали, ни красоты!..

— О-о-о-о!

Натия Авалишвили не помнила отца. Она помнит, что совсем маленькой, ей было года два, не больше, она любила убежать от бабушки, сначала на кухню, потом в коридор, где пряталась за большой книжный шкаф. А бабушка искала ее по всей квартире и звала:

— Натия, где ты, деточка? Интересно, куда она могла деваться? Ни в комнате ее нет, ни в коридоре. Где ты, Натия? Выходи, маленькая, обрадуй свою бабулю!

А Натия стояла затаив дыхание, потом, когда бабушка уходила, она выскальзывала из своего укрытия и с радостным криком бежала за ней следом.

— Ох! — удивлялась, бывало, бабушка, всплеснув руками. — Кто это? Ох, Натия, это ты, детка? Разве можно так пугать бабушку?

Она подхватывала девочку на руки, укладывала на тахту и покрывала поцелуями свою баловницу.

В тот день Натия по привычке выбежала в галерею, когда увидела вдруг каких-то мужчин, поднимающихся по лестнице. Они несли какой-то черный ящик. В тот же миг из комнаты выбежала бабушка Эка, подхватила ее, прижала к груди и вбежала в комнату.

Только когда Натия подросла, она узнала, что в том черном ящике лежал ее отец. Он работал горным инженером в Ткибули. На шахте у него случайно взорвалась капсула. Спасти его не смогли.

О смерти отца Нино рассказала Натии только через несколько лет.

— Мамочка! — воскликнула в ужасе Натия. — Почему вы не сказали мне об этом раньше?

— Берегли тебя, деточка, ты была маленькой...

— А я ведь всем говорила, что мой папа в отъезде и скоро придет!..

У Нино задрожал подбородок, но она пересилила себя и спокойно продолжала:

— Что поделаешь, девочка моя, на свете много детей, у которых нет отца. Зато у тебя есть я, бабушка, много родственников. Мы всегда будем вместе. А ты расти, будь умницей!..

В ту ночь перед сном Натия вошла в комнату к матери. Нино лежала в постели, устремив влажные глаза в одну точку. Натия легла рядом, крепко обняла ее.

— Мама!

— Да, девочка моя!

— Расскажи мне о папе.

— Что?

— Все равно что, только рассказывай.

Нино повернулась к дочке лицом, положила на руку Натии теплую щеку и стала тихо, не торопясь рассказывать. Рассказывала, как они с отцом познакомились, как он провозжал ее домой... Натия слушала затаив дыхание. Она и не заметила, как уснула, помнила только, что слышала, как отец с матерью пожеглись...

Натии грешно жаловаться на свое детство. Дни ее протекали беспечно и спокойно в большой, хорошо обставленной квартире. Она училась легко и хорошо. Была веселой, доброй, независтливой. К ней все вокруг сердечно относились, зная, что она дочь очень известного, уважаемого всеми Джамбакура Авалишвили. Мать была мягкой, сдержанной, всегда уравновешенной. А бабушка Эка, так та вообще боготворила свою красавицу-внучку.

Однажды, когда Натия пришла домой после занятий, ей никто не открыл дверь. Где же бабушка? Она в это время всегда бывала дома, и Натия ждал готовый обед! Натия долго стучала, потом поднялась со двора и стучала в окна галереи. Собрались соседи, все заволновались. Тогда старый дядя Петре выбил стекло в галерее, с трудом проник через окно в квартиру и, спустя время, совершенно растерянный бросился к двери и распахнул ее.

Бабушка Эка лежала посреди комнаты, уставясь в люстру остекленевшими глазами.

С тех пор Натия боялась одна оставаться дома. После занятий она шла к кому-нибудь из подруг, но чаще всего торопилась на работу к Нино, сидела у нее до конца рабочего дня. Вечером они вместе возвращались домой, вместе обедали, вместе ложились спать.

Прошло еще четыре года. Однажды вечером к ним в гости пришел хорошо одетый мужчина в очках, с сединой на висках. Натии показалось, что Нино при виде гостя недовольно нахмурила брови. Но гость этого не заметил, потому что Нино улыбнулась, протянула ему руку и потом обратилась к Натии.

— Познакомься, доченька, это дядя Андро, старый друг нашей семьи, он часто бывал у нас.

Натия протянула гостю руку, не вставая. Так учила ее мама. Когда с женщиной здоровается мужчина, говорила она, женщина, если она сидит, не должна вставать, но вот руку она должна протянуть первой.

Дядя Андро ласково ей улыбнулся и сказал, что, судя по всему, она скоро будет такой же красавицей, как Нино. Натия, довольная, взглянула на свою мать.

С того самого вечера все и началось.

Дядя Андро стал приходить каждый день. Без него они уже даже не обещали. Андро никогда не опаздывал. Приносил с собой фрукты, пирожное, вино. Рассказывал интересные истории. А потом он водил Натию в цирк, в оперу. Натия привыкла к нему и даже полюбила. Прощаясь, Андро целовал ее в щеку. И снова приходил на следующий день.

Измученная сомнениями, Нино все не могла решиться на окончательный шаг, не зная, что он принесет с собой. Но все случилось совершенно непредвиденно. Когда Нино, замершая в теплых объятиях Андро, увидела вдруг в открытых дверях совершенно растерянное лицо и широко раскрытые глаза Натии, она в ужасе вскрикнула и выбежала в соседнюю комнату. Андро оглянулся, нервно поправил ворот рубашки и виновато опустил голову перед двенадцатилетней девочкой.

Натия не помнит, как дошла она до тахты, села и, скрестив руки, устала бессмысленно в одну точку на стене. Ведь ей говорили, что дядя Андро — лучший друг ее отца!..

Натия не разговаривала с матерью. Теперь они обедали порознь. Нино, накрыв на стол, сама уходила на кухню. Однажды в школе собирали на что-то деньги. Натия, не спрашивая, взяла из сумки Нино три рубля, хотя Нино сидела тут же в комнате. Отчуждением веяло теперь от всех поступков Натии.

Нино и Андро встречались уже вне дома. Наконец Нино пришла к выводу, что лучший выход из положения — расписаться. Андро и сам мечтал об этом, только не решался сказать первым.

Прошло еще несколько недель, пока Андро развелся с первой женой. К счастью, у Андро с первой женой не было детей, и это облегчило им бракоразводный процесс. После этого Нино и Андро расписались, пообедали в ресторане «Интурист» и вечером пришли домой с шампанским и цветами. Внешне Натия приняла весть о замужестве матери совершенно спокойно.

Натия первая заговорила с матерью, причем совершенно неожиданно и равнодушно. С Андро она здоровалась по утрам довольно холодно, но вежливо. Нино не давали покоя именно это внешне равнодушное и спокойное, невозмутимое вежливое поведение дочери, она понимала, как глубоко и серьезно ранена дочь и как трудно тринадцатилетней девочке держать себя в руках, не показывать своей боли.

И если порой она все-таки выходила из себя, то не думайте, что грубила матери и отчиму, наоборот, она сознательно и целенаправленно совершала поступок, который, она знала это заведомо, не мог понравиться Нино. Причем делала она это невозмутимо и спокойно.

Андро как-то попросил Нино ежегодно отмечать в «Интуристе» день, когда они расписались. Прошел год. Нино попросила Натию обязательно прийти в ресторан.

— Мы ведь одна семья. Будет неплохо, если ты уважишь просьбу Андро, — мягко сказала она дочери.

— И больше ничего вам не надо?

— Нет, хотя...

— Что?

— Если ты сможешь, относись к нему с большей теплотой, он заслужил это.

— Я к нему неплохо отношусь...

— Натия...

— Я обязательно приду сегодня в «Интурист», — прервала ее Натия.

И вышла.

В ресторан она пришла — ровно в шесть часов вечера. Вошла в освещенный зал, огляделась. Андро просиял. Вскочил, пошел ей навстречу, подвел к столу, усадил. Нино счастливо улыбалась. Натия была предельно вежлива, даже что-то рассказала, посмеялась над анекдотом, рассказанным Андро. Внешне все было в порядке. Но ничто не ускользнуло от взгляда Нино. Натия не упустила случая еще раз доказать взрослым, что она хорошо воспитана и

может не проявлять своих чувств, хотя ничего общего у нее с матерью и отцом быть не может. К еде она почти не притронулась. Когда Андро подозвал официанта, чтоб расплатиться, Натия встала, извинилась — меня ждут в гостиной — и вышла.

— Ей пока только тринадцать лет, — произнесла печально Нино, — что же будет потом?

— Успокойся, дорогая, все образуется...

— Нет, я знаю, Натия никогда мне не простит, никогда...

Натия закончила школу с хорошими отметками, вообще учеба давалась ей легко. Тетя Натуся, давняя подруга Нино, в прошлом довольно хорошая певица, считала, что у Натии просто сказочное контральто и ей грех не поступить в консерваторию. Да и Нино мечтала о том, чтоб Натия стала певицей.

— Ни о чем другом не может быть и речи! — запальчиво воскликнула тетя Натуся. — Натия рождена для сцены! Я уже говорила о ней с Дмитрием. Да и говорить не надо. Такой талант днем с огнем не сыскать. Поверьте мне, пройдет несколько лет, и вся страна будет знать ее. Завтра ровно в двенадцать часов я жду тебя около консерватории...

Где была Натия в двенадцать часов на следующий день, этого никто не знает. Во всяком случае, в консерваторию она не пришла. Тетя Натуся была в отчаянии. А Натия вернулась домой в пять часов вечера и невозмутимо сообщила, что сдала документы в политехнический институт. Решила, как отец, стать горным инженером.

— Хотя бы посоветовалась со мной! — сокрушенно покачала головой Нино.

— А зачем?

— Отец твой не обрадовался бы...

— Что поделаешь!.. Значит, я не смогла угодить ему. Хотя трудно всем...

— Натия махнула рукой и, не договорив, пошла к себе в комнату.

Вступительные экзамены Натия сдала блестяще.

Для преподавателей института Натия Авалишвили с первых же дней занятий стала загадкой. Многие помнили известного горного инженера Джамбакура Авалишвили, и никто не удивился, что дочь решила идти по стопам отца. Правда, для женщины профессия горного инженера не из легких, но желанье продолжить семейную традицию, безусловно, надо приветствовать. Преподаватели, помня, как Натия блестяще сдала приемные экзамены, думали, что она будет учиться отлично и у них будет возможность оставить ее в аспирантуре. Но Натия не оправдала их надежд. На первой же сессии она получила две тройки.

— Как это могло случиться? — удивленно спросил декан факультета доцента Отара Кахабришвили, когда увидел тройку.

— Что я мог поделать? — доцент так покраснел, словно не Натия, а он получил посредственную оценку. — Я чту память уважаемого всеми нами Джамбакура... Но студентке, не знающей предмет, я не могу поставить хорошей оценки. По моему глубокому убеждению, дочь Джамбакура не хочет учиться. Я даже предложил ей отложить экзамен, прийти через несколько дней. Не захотела. Не ответила ни на один вопрос, тройку я поставил ей с натяжкой. Конечно же, она уже сожалеет, что поступила на этот факультет, я уверен в этом.

— Но кто заставлял ее поступать к нам?

— Этого я не знаю...

Такие истории случались с Натией почти каждую сессию. Бывало, ответит предмет на отлично, удивит всех знаниями, общей эрудицией, а на другой день, по другому предмету, более легкому, не ответит ни на один вопрос, уставится на преподавателя с ничего не выражающими глазами и всем своим видом словно говорит: ради бога, оставьте меня все в покое.

И все-таки Натию в институте уважали. Считали, что она хорошо воспитана, начитана, красива. Не раз пытались вовлечь ее в общественную работу, но добиться от нее толку было трудно. Она могла загореться, заинтересовать, увлечь студентов, а в другой раз вообще не придать никакого значения поручению комитета комсомола и вообще пройти мимо секретаря комитета комсомола так, словно вовсе не знакома с ним.

Прошло время, и в институте махнули рукой — пусть поступает как хочет.

Натия окончила институт, ни разу не задумавшись над тем, что она будет делать в дальнейшем. Об аспирантуре не могло быть и речи.

Дочери Джамбакура Авалишвили вручили диплом, и теперь она вольна была сама решать свою судьбу.

Было одиннадцать часов ночи, когда внонец захмелевший Чиракадзе поднял традиционный заключительный тост — за все святое. Тенгиз Джавелидзе, который в начале застолья был разговорчивее и веселее своих друзей, давно

уже спал, уронив голову на стол. Купатадзе исчез, наверное, пошел посмотреть за машиной. Бесарион наклонился к Натии и прошептал:

— Я вижу, вы утомились. Разрешите, я провожу вас.

Было прохладно. Натия не захотела идти пешком, и они решили спуститься по «канатке». Десять минут спустя они были уже на Руставели, перешли улицу и пошли по спуску Элбакидзе.

Надо признаться, Натия намеренно выбрала для увеселительной прогулки фуникулер. Она решила, что там сможет отвязаться от дружков Бесариона и тогда они с Бесарионом пойдут по той самой дороге к Окрокана, где Теймураз впервые поцеловал ее. Натия и сама не понимала, что с ней происходит. Всем ее существом владела необъяснимая тоска по Теймуразу и злость, раздражение на того сытого, жирного борова, который сейчас как покорный раб следовал за ней. Он вот может позволить себе кутить с ней, а Теймураз неизвестно где, и она ничего о нем не знает. И чем больше думала она о Теймуразе, тем больше чувствовала угрызение совести — почему она не проводила его?

Потом, уже сидя в ресторане, Натия подумала, что не очень-то приятно прогуливаться с Бесарионом по тем местам, где они бродили с Теймуразом, и выкинула эту затею из головы.

Теперь она молча шла рядом с Бесарионом, удивляясь тому, что Бесарион, выпив столько вина, не опьянел. Шла она рядом с ним и думала: интересно, чем завершится их сегодняшняя встреча. Натия была почему-то уверена, что именно сегодня он попросит ее стать его женой. Что ж, решила она, надо все доводить до конца, пусть свершится все, что должно было произойти за сегодняшний день.

— Кажется, сегодня прохладно... — прервал молчание Бесарион.

— Да, прохладно...

— Не бойтесь простудиться?

— Нет.

— Тогда... может быть, посидим немного в саду?

— Посидим.

Они вошли в сад, нашли свободную скамейку, сели. Натия инстинктивно чувствовала, что Бесарион готовится к решающему шагу. Он закурил, затянулся раз, другой, нервно покусывая кончик сигареты, потом швырнул ее в кусты.

Натия хранила молчание.

Бесарион вытащил вторую сигарету, стал мять ее в пальцах.

— У меня... к вам... — Бесарион почему-то оглянулся.

— Что?..

— Я хочу поговорить с вами.

— А кто вам мешает?

— Это... как сказать... Это не так уж легко сказать...

— Неужели? Что же вы хотите сказать такое особенное?

— Да так... ничего особенного, но...

— Да говорите же!

— Вообще...

— Ну!..

— Вообще дружба двух молодых людей... как это... в жизни двух людей наступает момент, когда... одним словом... когда нельзя отступить...

— Что вы имеете в виду?

— Нет, ничего особенного... — Бесарион замаялся, снова выкинул так и не зажженную сигарету в кусты. — Я... в общем, перед собственной совестью...

— Я ничего не понимаю, Бесарион!

— Неужели?

— Да говорите, что вы все мямлите!..

— Хорошо, я скажу. Тогда... одним словом... Натия, никого, кроме тебя, я не хочу в жены...

— Ох!..

— Ну вот, я сказал...

— Очень приятно слышать.

— Идешь?

— Нет. Вовсе нет. Это же очень приятно, когда мужчине никто другой, кроме тебя, не нравится...

— Так и есть.

— Я буду знать об этом.

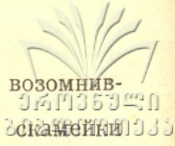
— И все?

— А что еще?

— Я... нет...

— Пойдем, Бесарион!

Бесарион вскочил, склонился в низком поклоне перед ней. И тут в какой-то миг исчез куда-то смущенный, застенчивый парень, теперь перед Натией сто-

ял прежний Бесарион Маграквелидзе, довольный собой провинциал, возмивший себя влюбленным рыцарем.

— Вы очень спешите с ответом? — Натия встала, взяла со сумку.

— Нет... Конечно... Но знайте, вы абсолютно свободны. Я не буду принуждать вас...

— Спасибо...

Они вышли из сада. «А вдруг он, прощаясь, захочет поцеловать или обнять меня?» — с ужасом подумала Натия.

Но ничего подобного не произошло. До самого дома Бесарион не проронил ни слова.

У подъезда они остановились. Бесарион снова почему-то огляделся. Улица была безлюдна. Натия взбежала по ступенькам, остановилась перед подъездом и протянула Бесариону руку.

Бесарион взял в свою руку теплую руку девушки, поднялся на ступеньки и встал рядом.

— Теперь... теперь ты все знаешь, — его серые глаза смотрели на Натию надменно и грозно. — Знай также, что с Бесарионом Маграквелидзе шутки плохи. Поняла?

— Отпусти руку!

— Поняла?

— Да!

— То-то же! — Бесарион выпустил руку Натии, спустился, повернулся и привычным жестом театрально приложил правую руку к груди. — А теперь до свидания, дорогая Натия!

XI

В тот вечер, ожидая Натию, Нино и Андро долго не ложились спать. Их беспокоило не только то, что за последнее время Натия стала приходить домой чуть ли не за полночь, но и то, что многие знакомые говорили Нино, что Натию часто видят в компании подозрительных ребят. По глубокому убеждению Нино, Натия не нуждалась в надзоре. Она и не могла представить, что ее девочку — гордую и непреклонную — может кто-нибудь оскорбить. Но ведь Натия пока что дитя, неопытное, неискушенное дитя, которое не ведало, что честь надо беречь смолоду, и доброе имя тоже. Нет ничего проще запятнать свое доброе имя. Нет, Нино ошибалась. Именно сейчас, как никогда, Натия нуждалась в добром совете. Это во-первых. А во-вторых, подошло время подумать о будущем. После окончания института Натия уже достаточно отдохнула. Пора было приниматься за работу.

Все знали, что Натия с трудом закончила институт, с грехом пополам защитила диплом. Нино мечтала об аспирантуре. И надо было искать подходящую для дочери работу, чтобы она могла набраться опыта, познакомиться с жизнью и подготовиться к аспирантуре, которая, по мнению Нино, проторит дочери дорогу к счастью. Натии в уме не откажешь. Было бы желание, а экзамены Натия сдаст всем на зависть, тем более Нино не преминет напомнить всем, что Натия дочь известного, почитаемого всеми Джамбакура Авалишвили. Да, конечная цель — аспирантура, думала Нино, и для этого надо делать все возможное.

Андро уже встречался кое с кем. Натии обещали подыскать хорошую, перспективную работу. Андро считал, что дело уже сделано, оставалось только сказать об этом Натии.

В дверях щелкнул ключ.

Нино вышла в столовую, где был накрыт ужин, и села на диван.

— Я не буду ужинать, — Натия прошла через столовую, даже не взглянув на мать, и вошла в свою комнату. Бросила на комод сумку, зажгла свет и присела на пуфик перед зеркалом.

— Ты у меня красива, дочь, — услышала она за спиной голос матери.

— Я знаю, — коротко ответила она.

Из полутемной спальни донесся скрип пружин. Это Андро повернулся на другой бок.

Нино вошла в комнату дочери. Натия не повернула головы. Она по-прежнему сидела перед зеркалом и с интересом разглядывала себя.

Нино опустила в кресло.

— Скоро уже час, — проронила она.

— Знаю.

Андро в спальне снова повернулся на другой бок.

— И моя кровать так скрипит?

— Не знаю... Не замечала... — Неожиданный вопрос дочери смутил Нино.

— Если и моя кровать так скрипит, надо смазать пружины подсолнечным маслом. Говорят, помогает.

— Натия!..

Натия повернулась к матери и спокойно, скрестив руки на груди, посмотрела ей в глаза.

В это время послышались осторожные шаги. Андро подошел к двери и прикрыл ее. Когда он лег, через закрытую дверь все равно было слышно, как скрипнула кровать.

— Обязательно надо смазать... — вздохнула Натия.

— Натия...

— А?..

— Я сказала, что уже скоро час ночи.

— Я слышала.

Нино вздохнула.

— Натия, я не хотела говорить тебе об этом, но... Но, девочка моя, о тебе болтают всякое.

— Обо мне?!

— Да!

— Боже мой, видно людям делать нечего!

— Мне не нравятся ребята, с которыми ты дружишь.

— О-о-о!

— Я говорю с тобой серьезно!

— А я и не шучу! Те, с кем я бываю, не нравятся мне самой!

— Так в чем же дело? Почему тебя всегда видят с ними?

— Мама! Я прошу тебя!.. Помолчи! Не могу я сейчас выслушивать нотации! Прошу тебя, оставь меня в покое!

Натия бросилась на кровать. Нино в отчаянии махнула рукой и встала. С Натией сейчас в самом деле не было смысла говорить...

— Может быть, что-нибудь поешь?

— Не хочу, спокойной ночи!

Нино вышла в столовую, села на диван.

Вскоре в комнате Натии погас свет, а Нино еще долго сидела в столовой, прислушиваясь: а вдруг Натия выйдет, захочет все-таки поговорить с матерью. Но нет... Из комнаты Натии доносилось спокойное дыхание.

XII

Минаго Чарквиани приехал в город из деревни восемнадцать лет назад, после демобилизации. Тогда его назначили контролером в инспекции технического контроля.

Минаго по сей день хорошо помнит, как он впервые спустился в шахту.

Начальником инспекции технического контроля был Сидамон Мереклишвили, человек довольно крутого нрава. Узнав о том, что Минаго назначили контролером, он пришел в ярость: как это приняли новичка в инспекцию без его ведома, ведь им поручается контроль за качеством угля—это дело нешуточное, к тому же их инспекция не подчиняется администрации шахты. (И в самом деле, у инспекции было свое непосредственное начальство при тресте). Сидамон долго бубнел, уверенный в том, что, как он говорил, администрации шахты, видимо, хочется иметь своего человека в инспекции. В самом деле же Минаго послали туда только потому, что он был слаб здоровьем и работать шахтером ему, конечно, было бы нелегко.

Поворчав, Сидамон приказал новичку:

— Завтра утром спустить в шахту, обследуй поначалу нижний забой в западной части, потом перейди в восточную часть. В главном штреке будут стоять вагонетки с добытым за ночь углем, проверь его влажность. Понятно?

— Да.

— Хорошо... Скажи-ка, что ты должен сделать в первую очередь?

— Что вы сказали?

— Я спрашиваю, что ты должен сделать в первую очередь?

Минаго растерялся. Сначала он хотел ответить, что в первую очередь он должен надеть резиновые сапоги и спецодежду, но раздумал, вдруг начальник решит, что он издевается. Минаго недоуменно пожал плечами и обвел взглядом сидящих в комнате инспекторов. Те сидели, уткнувшись в бумаги, и хитро улыбаясь, никто и не думал помочь ему. Видимо, свидетелями подобной сцены они уже бывали не раз.

— Когда готовишься спуститься в шахту, — Сидамон Мереклишвили поднял вверх указательный палец, — в первую очередь и прежде всего надо найти товарища. Ясно? По существующему закону категорически запрещено спускаться в шахту одному. Догадываешься, почему?

— Догадываюсь...
— Ты не знал этого?
— Нет.
— О-о! Запомни, запрещено всем, вплоть до начальника шахты... Понятно?
— Да.
— Вот почему мне не понравилось, что тебя назначили в инспекцию. Сначала надо научить, потом уже посылать на работу. Запомнил задание?
— Да!
— Ну, сам знаешь. Никогда не спускайся в шахту без напарника. Знаю я вас, молодых. Если никого не встретишь, попроси кого-нибудь из наших. Я никому не позволю сказать, что мои работники нарушают закон. Ну, до свидания!

На следующее утро Минаго пришел на шахту в восемь часов. Переоделся, споясался ремнем, взял шахтерскую лампу. Оставалось только найти товарища. Но вдруг он почему-то раздумал и пошел один по галерее, ведущей к спуску. Почему он это сделал, трудно сказать, то ли назло Сидамону Мереклишвили, то ли по юношеской задиристости.

Он легко нашел конвейерный штрек, ведущий в нижний забой в западной части, прошел шагов двадцать и остановился.

Кругом было темно. Трудно вообразить, что такое темнота шахты, если ты не был под землей. Но самую большую неприятность доставляла в шахте стекающая с кровли вода. Каждая капля, падая, гулко отзывалась в тишине. Минаго не ожидал этого. Он тогда и не подозревал, сколько трудностей доставляет шахтерам эта вода. Он узнал об этом спустя некоторое время. Теперь же, осветив дорогу перед собой, он увидел, что штрек сворачивает вправо. Он пошел вперед и через несколько шагов заметил поодаль желтый глазок фонаря. Вскоре до него донесся стук топора.

Подойдя поближе, Минаго увидел двух шахтеров, вежливо поздоровался с ними и поинтересовался, где находится нижний забой. Пожилой шахтер поднял голову и показал рукой куда-то наверх. Второй шахтер, молодой, даже не оглянулся.

Минаго пошел по направлению, указанному пожилым шахтером.

Справа, один за другим, на расстоянии одного метра друг от друга стояли одинаковой толщины столбы. В двух метрах от столбов тянулся сверкающий черный угольный пласт высотой в человеческий рост, а справа, за рядом столбов, Минаго заметил глыбы пустой породы, обрубки столбов и куски досок.

В это время первая смена выполняла подготовительные работы. Поэтому людей здесь было мало. Минаго шел, никого не встречая на пути. Оглянувшись, он не увидел даже слабо мерцавший недавно огонек.

«Где же тот забой?» — подумал он, все еще идя вперед.

Закончился ряд столбов. Впереди возвышалась лишь черная угольная стена.

«Где же забой?»

Он осветил лампой стену и в самом основании стены на высоте полметра от земли увидел узкую скважину.

«Наверное, забой за этой щелью. Но как в эту щель пролезают шахтеры?» — недоуменно пожал он плечами.

Минаго поправил шлем, повернул пояс так, чтоб аккумулятор оказался на спине, и полез в щель.

Он полз, держа лампу в зубах. Страха он не чувствовал. Ведь скважина явно пробита людьми, если они здесь прошли, значит, и он пройдет. Только вот в темноте он то и дело натывался на выступы породы, да дышать становилось все труднее. Скважина была настолько узка, что нечего было и думать повернуть обратно. Поэтому Минаго собрал все силы и полз вперед.

Неожиданно у него погасла лампа. Страх охватил его. Вокруг неопишущая словами тишина и темень. А он застрял в этой щели: ни вперед, ни назад!

Холодный пот прошиб его. Несколько минут он лежал недвижно, стараясь успокоиться. Потом — другого выхода не было — пополз назад.

Он прополз немного, остановился и перевел дух. Нельзя было сказать, что он вконец успокоился. Но твердо знал, что назад ползти надежнее, во всяком случае, дорогу назад он знает.

Ползти назад было труднее. Но вот наконец он почувствовал, что воздух стал прохладнее и чище и понял, что выбрался из скважины. Он осторожно пошарил вокруг себя руками и ни на что не наткнулся. Значит, он в самом деле наконец вылез.

Минаго осторожно поднял правую руку и снова почувствовал вокруг себя пустоту. Тогда он осторожно приподнялся и глубоко вдохнул свежий воздух. Несколько минут стоял, жадно вдыхая прохладный воздух, и тогда впервые в жизни подумал, что нет на свете ничего приятнее свежего воздуха!

Но еще не скоро нащупал он рукой столбы и, сделав два шага вправо, отыскал пласт угля и осторожно стал спускаться. И только тогда облегченно вздохнул, когда снова увидел вдалеке слабый огонек.

Шахтеры удивленно уставились на бледного, испачканного углем Минаго.

— Где ты был, парень?

— Шел в нижний забой и... У меня погас фонарь...

— В нижний забой?

— Да.

— Хм! — шахтеры, переглянувшись, улыбнулись. Потом пожилой шахтер сказал ему: — Покажи-ка мне этот аккумулятор.

Он наклонился, отыскал на поясе у Минаго плоскую коробочку аккумулятора и нажал на нее ладонью. Лампочка тотчас загорелась.

— Поврежден контакт. А теперь ты куда?

— Теперь мне надо в главный штрек в восточной части.

— Ясно. Пройдешь здесь, потом сверни налево и иди напрямик. А нижний забой — вот он, где ты сейчас стоишь, куда же ты ходил?

— Я пошел в самый конец.

— И влез в скважину, да?.. Так ведь это вентиляционная скважина. Хорошо еще, что она не обрушилась. В следующий раз в шахту не спускайся один. Я постарел здесь, но видишь, без напарника не работаю. Ну, будь здоров! Запомни, налево и напрямик.

Минаго, вконец растерянный, направился к конвейерному штреку.

В главном штреке на востоке он в самом деле вскоре увидел нагруженные каменным углем вагонетки. Но и здесь его ждали неприятности.

Штрек был очень сырой. С кровли непрерывно капала вода, блестели влажные столбы, под ногами хлюпала грязь. Минаго направил луч света на вагонетки и увидел, как разбиваются капли воды о сверкающий уголь. И решил, что уголь этот, конечно, должен быть очень влажным.

— Был на шахте? — спросил к концу дня Сидамон новоиспеченного контролера.

— Был.

— Успел все обойти?

— Да.

— Ну и как уголь?

— Очень влажный. Ну прямо-таки мокрый.

— В самом деле?

— Я только что оттуда.

— Говоришь, мокрый?

— Да.

— Взгляни-ка! — Сидамон бросил на Минаго сердитый взгляд, наклонился, вытащил из-под стола довольно большой кусок угля и положил его на стол. — Вот уголь, добытый в восточном штреке. Более сухого угля я еще и не видывал.

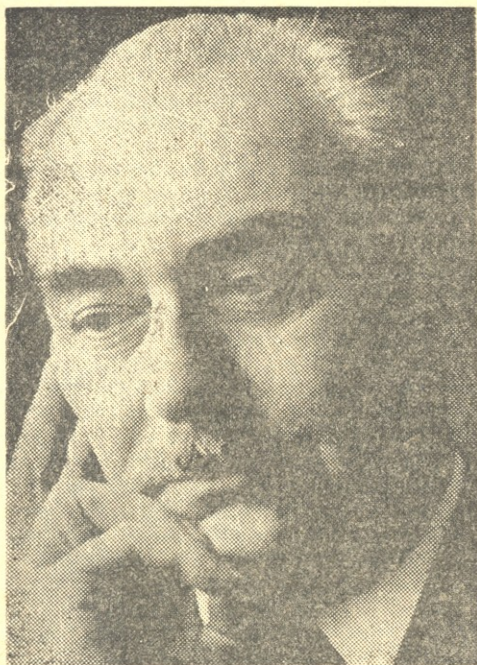
Минаго растерялся. Не знал даже, как оправдаться. Мереклишвили, недоверяя новичку, послал, оказывается, на шахту другого контролера. Как же теперь ему быть? Ведь Сидамон может и не поверить, что Минаго добросовестно обошел все участки!

Перевод Викторин ЗИНИНОЙ

Окончание следует

НА СЛУЖБЕ

Исполнилось 50 лет видному грузинскому писателю, литературоведу и общественному деятелю Элгудже Маградзе. Правление Союза писателей Грузии направляет юбиляру следующее приветствие:

Дорогой Элгуджа!

Правление Союза писателей Грузии, Ваши друзья—литераторы сердечно поздравляют Вас, известного грузинского писателя, с 50-летием со дня рождения и 25-летием литературной деятельности.

С одинаковым рвением и самоотдачей служите Вы как науке, так и литературе. Ваша монография, посвященная жизни и творчеству классика грузинской поэзии Григола Орбелиани, признана значительным вкладом в изучение его наследия. Этот труд, за который Вы удостоены степени доктора филологических наук, отличают научная аргументированность, основательность, глубокое проникновение в художественный мир

Элгуджа МАГРАДЗЕ

СТЕНАНИЕ

● Роман

СЛУХ пронесся, будто грузинский царевич находится в ставке фаворита Екатерины II. Желанная сердцу весть вовсе лишила его покоя и сна, и прежде тревожного. Всю жизнь он провел в тоске и печали по утерянной боготворимой родине, сетуя на свое одиночество, стеная и ропща. Однако коварной судьбе этого показалось мало, и она беспощадно развеяла по ветру плоды его тяжких усилий, порожденные вдохновением в сырой камере Магдебургской крепости, и ему, уже ступившему за порог старости, снова пришлось взяться за перо, чтобы запечатлеть на пергаменте пережитое. Перенесший неисчислимые бедствия и закалившийся в долготерпении негибаемый дух и на

Печатается журнальный вариант.

поэта. Научный подход в сочетании с художественным воплощением дал прекрасные результаты и в другой Вашей монографии—о Давиде Гурамишвили, в которой с присущей Вам глубиной раскрыты мировоззрение замечательного грузинского поэта, его патриотизм и интернационализм.

Большой любовью к объекту описания проникнуты и Ваши книги о таких выдающихся представителях грузинской советской прозы, как Константинэ Гамсахурдиа, Леван Готуа, а также статьи о Вальтере Скотте, Уолте Уитмене, Шарлотте Бронте и других. Плодотворно трудитесь Вы и в области перевода. Благодаря Вашим усилиям в этом направлении лучшие произведения Голсуорси, Конан-Дойля, Майн Рида, Марка Твена, Мак-Гиверна и других представи-

телей зарубежной литературы стали достоянием грузинского читателя.

В течение многих лет Вы энергично трудились на посту главного редактора журналов «Нианги» и «Мнатоби», избирались секретарем правления Союза писателей Грузии, а сейчас столь же деятельно руководите одним из крупнейших издательств республики — «Сабчота Сакартвело».

Еще раз горячо поздравляем Вас с знаменательной датой, желаем долгих лет жизни, новых творческих побед и большого счастья!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

«Литературная Грузия» присоединяется к этим сердечным поздравлениям и добрым пожеланиям.

сей раз выдержал испытание и на счастье потомству торжествовал победу. Глубоко усомнившийся в существовании загробной жизни и царствия небесного, поэт думает остаться на этой грешной земле хотя бы благими деяниями и творениями ума своего. Бездетный и «бесплодный», он удочерил книгу своих стихов и этой издавна лелеемой надежде доверил заветные чаяния сердца, и этой издавна лелеемой надежде доверил только плодами разума своего он сможет продлить существование среди потомков, а грядущие поколения смогут проникнуть в тайны его физического и духовного бытия, воспринять перечувствованное и пережитое им только с помощью его сочинений. Все это он создал прекрасно и никак не мог привыкнуть к мысли, что с этой последней надеждой — с надеждой на бессмертие, на жизнь в памяти потомков, на вечную славу, подобную славе великого Шота, — с этой надеждой придется проститься навсегда. И вынужден он был отпустить крылатую ласточку в свою отчизну, надеясь, что там будет она щелкать и петь, а самому, одинокому и отчаявшемуся, ничего другого не оставалось, как с последним вздохом обреченного покинуть этот коварный и переходящий мир. Он прекрасно сознавал и то, что путь в Грузию не был безопасным, да и не надеялся, что отчизна пребывает в отдохновении от бесчисленных врагов. И только потому он колебался и никак не мог решиться на поездку в Кременчуг к царевичу Мириану. Но с другой стороны, кто лучше него, оторванного от родины, мог знать, что его детищу, его надежде на бессмертие нужна была отчизна... Книга вне народа, вне родного языка представлялась ему трупом безродного скитальца. Она была добрым ростком, нуждающимся в тепле, плодородии и запахе родной почвы. А принявшийся и расцветший саженец можно пересадить куда угодно, ему уже не страшны ни мороз, ни зной.

Больше тянуть было нельзя. Он собрал рукописи, сшил их в одну книгу, сел в двуколку и отправился в Кременчуг. С большими мытарствами он добрался до места, до самого царевича. Пришлось похлопотать, побегать, вспомнить былую обходительность и сноровку. И когда предстал он перед царевичем, сердце его размякло, горло перехватило, хотя рыдание он вовремя сдержал — подошли несущие облегчение слезы. Слезы омочили и незрячий глаз. Слезы, которых он не осушил и не обронил: изборожденный чередой прожитых годов, исполненный благоговения и мольбы, опаленный огнем страстей лик сам впитал в себя сиротливые жемчужины. Поэт преисполнился верой, что его творение

отныне и впредь не сгинет безродно и бесследно в холодных степях, а вместе с его родным народом будет жить вечно. Впервые за всю жизнь его не подвела судьба-гонимельница, осуществилась заветная мечта: «Давитиани», его любимое, единственное детище, возвращается на родину.

ТУМАННАЯ ВЕСНА

Биографические сведения о Давиде Гурамишвили крайне скудны и немногословны.

Происхождения княжеского. Место рождения — Сагурамо — бывшее Тезмисхеви. Год рождения — 1705. Исследователи и эту дату установили благодаря единственному свидетельству, единственной обмолвке, которую, к счастью, на склоне лет обронил сам поэт. В «Споре человека с бранным миром» бранный мир говорит человеку:

Я живу семь тысяч двести
Восемьдесят третий год,
Ты зовешь меня мгновенным,
Но не близок мой уход!
Ты ж, семидесятилетний,
Окачурисья вот-вот!

Семь тысяч двести восемьдесят два (7282) — дата грузинского короникона, соответствующая 1774 году нового календаря, когда, как выясняется, поэту пошел семидесятый год.

И все же, несмотря на это убедительное свидетельство самого поэта, ученые много спорили и после долгих дискуссий наконец пришли к соглашению, что поэт действительно родился в 1705 году.

Д. Гурамишвили — первый грузинский поэт, который основной темой своего творчества сделал собственную биографию. Однако это не дает нам основания думать, что жизненный путь Гурамишвили детально известен. Напротив, очень важные эпизоды его биографии и целые десятилетия его жизни окутаны густым туманом.

Отец поэта, князь Георгий Гурамишвили, в свое время был одним из самых богатых и уважаемых людей во всей Кахетии. Гордому потомку именитых и высокородных, ему не раз приходилось участвовать в сражениях с пришлыми врагами — лезгинами, персами, турками. Он снискал славу непревзойденного стрелка и непобедимого героя сабельных схваток. Георгий своей отвагой и доблестью если ничего не прибавил к прежней громкой славе рода Гурамишвили, то, во всяком случае, несколько ее не уменьшил. Имя его гремело до самых рубежей Дагестана. Выделявшийся своей мужественной внешностью, огромным ростом, красавец Георгий взял в жены нежную, кроткую и набожную Мзевинар, наследницу хорошо известных в Кахетии князей Вахвахишвили, а от этого брака появились на свет Христофор, Георгий, Давид и несколько дочерей.

При рождении Давида никто не узрел вспыхнувшей и ярко заблеставшей звезды на восточном краю неба, и никто не явился на поклонение². Не снился матери его Мзевинар младенец, увенчанный лавровым венком³, и не казалось ей, что девять месяцев она носила во чреве раскаленные уголья⁴.

Родился Давид в верхней части Сагурамо, в Горисубани, на левом берегу Арагвы, откуда смотрят в воду лесистые склоны. Мог ли знать младенец, какая судьба уготована его бедной отчизне! Ведь окрестности Сагурамо в скором времени после его рождения стали местом разгула турецких орд.

Родился он в полдень, когда палящее солнце и зной сжигали и без того разоренную врагом плодородную, но оставшуюся без лесов Карталино-Кахетинскую землю.

¹ Здесь и далее стихи Д. Гурамишвили даны в переводе Н. Заболоцкого.

² В Евангелии от Матфея сказано: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском... пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

«Где родившийся царь Иудейский, ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему».

³ Известно предание, будто матери выдающегося римского поэта Вергилия часто снилось, что она должна родить ветвь благородного лавра.

⁴ Матери Александра Великого (Македонского) Олимпии казалось, что она носит во чреве пылающую головню.

Род Гурамишвили был богатым и влиятельным и даже имел в своем подчинении дворян-азнауров. В доказательство этого достаточно привести челобитную князя Заала Гурамишвили, посланную царю Ираклию Второму в ответ на жалобу подвластного ему дворянина Микелишвили. Как выясняется, Заал отобрал у Микелишвили бычка, чем и была вызвана его жалоба царю Ираклию. Повелитель кахетинцев крайне разгневался, однако Заал оправдался перед царем.

«Пусть все горести богом осчастливленного государя падут на долю Заала Гурамишвили. Мой раб Микелишвили подал Вам жалобу: мол, владыка мой отобрал у меня одного бычка. Вот причина, по которой я взял бычка: преставилась моя матушка, и его черед был нести пожертвование, а он ничего не пожертвовал, будучи человеком зажиточным. Ежели он считает себя дворянином, то обязан предоставить холопа в мое распоряжение, если же он мой холоп, выплачивающий оброк, то почему не служит мне, как служат другие?».

Разбирательство дела Ираклий поручил судьям, а Микелишвили повелел следующее: «Микелишвили! Если в своем донесении в отношении тебя твой господин прав, то примиришь с ним по-хорошему, иначе, коли дело дойдет до судебного разбирательства и суд признает тебя виновным, плохо тебе придется!»¹.

В XV — XVII столетиях Гурамишвили не раз упоминаются в летописях и хрониках. Гурам Зедгинидзе, считающийся родоначальником и основоположником фамилии Гурамишвили, был владельцем Цицамурским².

Князья же Зедгинидзе во Внутренней Картли носили фамилию Амилахори. Амилахори, по Вахушти³, «не есть фамилия». Они считались царскими конюшными, «но фамилия их Зедгинидзе, они пользовались уважением царя, как свидетельствуют их грамоты».

Зедгинидзе - Гурамишвили владели обширными и плодородными землями. «Авчала расположена на берегу реки Куры, место благодатное для отдыха. В конце этой Авчалы есть Хевдзмари, сухой овраг от Лило до самой Куры, где проходит нынешняя граница Карталинии и Кахетии. И доселе эти места называют в честь фамилии Гурамишвили — Сагурамо».

Всем одарила природа эти места: плодородными садами, виноградниками, пашнями, охотничьими угодьями, лесами, полями и горами.

О славе рода Гурамишвили говорит и то обстоятельство, что они находились в родстве с сильным и знатным кланом Ксанских Эристави. Эристави Ксанские в изобилии владели пахотными землями и пастбищами, где паслись неисчислимые тучные стада. Не знали они недостатка ни в хлебе, ни в вине. Благодаря их щедрости и богатству до поры до времени благоденствовала и семья поэта.

По некоторым сведениям, приведенным Вахушти Багратиони, Гурамишвили происходят от Мгвимских Зедгинидзе. Это если не прямо, то косвенно все-таки подтверждает сам поэт в своем завещании — в стихотворении «Надгробная надпись».

Святитель Иоанн в Кахети, в Зедазени,
Заставил слезы течь из стен церковной сени,
Есть в Картли некий храм, где Шио⁴, наш отец,
Являет чудеса для страждущих сердец.

При этих двух церквах имел я по гробнице,
Чтобы в одной из них почить с крестом в деснице.
И каждый этот склеп был выложен из плит,
Оградой окружен и крышей перекрыт.

Названные поэтом родовые усыпальницы князя Зедгинидзе получили дар от царя Георгия Восьмого за преданность и самоотверженность, проявленные их прославленным предком в отношении коронованного помазанника, оказавшегося в тяжелом положении.

¹ Грузинские древности, Тбилиси, 1910, III, с. 503—504.

² Т. Жордания, Хроники. I—II, с. 205.

³ Вахушти Багратиони — известный грузинский историк. Далее цитируется труд Вахушти «Описание царства Грузинского», с. 24, 94.

⁴ Имеется в виду Шио Мгвимели, известный церковный деятель, основатель монастыря; это подтверждает связь рода Гурамишвили с монастырем в Мгвиме.

Один из предков Давида Гурамишвили — Така Зедгинидзе ^{называет} именно эту усыпальницу, которую описывает поэт, родовым кладбищем.

История же пожалования кладбища такова: в пятнадцатом веке в Картли царствовал царь Георгий Восьмой, которому запала в сердце мысль вновь объединить Грузию, раздробленную на мелкие княжества. Прежде всего Георгий Восьмой задумал проучить правителя Самцхе атабага Кваркваре, захватив его владения. Пращур Гурамишвили — Иотам Зедгинидзе в то время был подлинным соратником царя, покорным и беспрекословным исполнителем его воли. Царь со своим войском расположился в Джавахети, на берегу озера Паравани. Кваркваре и его сторонники тайно задумали расправиться с царем руками наемных убийц. Об этом проведал Иотам Зедгинидзе и заранее предупредил царя, — мол, заговорщики замышляют убийство. Благородный и великодушный Георгий Восьмой не поверил в столь низкое коварство своих противников. «Не вины этому царь, — говорит в своей «Истории» Вахушти, — поскольку измена для него была делом невероятным и немислимым».

Иотам Зедгинидзе не смог убедить царя в своей правоте, и тогда он сам решил провести ночь в царском шатре.

Георгий, уверенный, что в самом деле никакого заговора против него нет, согласился и разрешил ему переспать ночь на царском ложе. Заговорщики чуть свет прокрались в царский шатер и тяжело ранили Зедгинидзе. Увидев, что в постели царя оказался другой, они не убили его. Однако рана преданного слуги оказалась настолько тяжелой, что к утру он испустил дух на руках у царя. Царь Георгий «за беспримерную преданность передал в дар сыну Иотаму местность Мгвиме под кладбище и подарил село Ахалцихе в ущелье Арагви, где поселено шестьдесят дымов, и пожаловал пять расписных шатров»¹.

Вполне возможно и вероятно, что предком и основоположником рода Гурамишвили был сын Иотамы Зедгинидзе — Гурам Зедгинидзе, который упоминается в мцхетской жалованной грамоте XV века как владетель Цицамури.

В 1627 году кахетинский царь Теймураз Первый пожаловал Гиви Гурамишвили село Лерцами:

«1627, марта 5.

Волею Христовой и божьей милостью сию дарственную книгу пожаловали тебе мы, царь Теймураз и супруга наша царица Хорешан... Вам, нашим верным и самоотверженным слугам, Гурамишвили Гиви и Заалу и будущим отпрыскам Вашего дома, жалуюм мы село Лерцами... со всеми его горами, равнинами, полями, виноградниками, реками, мельницей, рощей, покосом, кладбищем... Володейте и благоденствуйте... Теймураз».

Ясно, что благоденствие рода Гурамишвили, самого Теймураза и всей Грузии было мгновенным, как сияние падающей звезды, и переменчивым, как мартовский день. Однако для нас интересен тот факт, что достаточно древняя и имевшая заслуги перед отечеством фамилия издавна привлекала внимание царей. У поэта были достойные предки, Гурамишвили и в годы тяжелых испытаний были опорой венцу и престолу Грузии. Отец поэта Георгий Гурамишвили в дорогих нарядах хаживал на царские пиры. Наш славный ученый Вахушти Зедзени называет «Зедадзени»: «А гора эта Кухети или Зедадзени идет к востоку и соединяется в Эрцо с горю, принадлежащей Херки. И между ними находится Херки, а ныне Сагурамо или Тезмис-хеви».

Вахушти особо останавливается на Сагурамо, которое с незапамятных времен являлось вотчиной Гурамишвили. Дымкой древних легенд окутан родной край поэта. На горе монастырь святого Иоанна. Стекает «святая» вода, внизу каменный бассейн, который не переполняется и не опорожняется, воду применяют для исцеления от недугов.

Зедазенская лесистая гора возвышается по левую сторону Арагви и горделиво взирает на окрестности Мцхета. Если в оврагах и лощинах Зедазени лежит густой молочный туман, тогда в двух шагах не видно ни зги. Здесь ветерок является редким гостем, и поэтому вокруг царит могильная тишина. Ее нарушают лишь хлопанье крыльев хищной птицы, выбравшейся на охоту, да жалобные вопли беспомощной жертвы. С Зедазени видны и заснеженные вершины окутанных облаками кавказских гор и зеленеющие поля Мухранской долины — пастбища, сады и виноградники. Столь велики оказались их очарование, прелесть и колдовская притягательность, что еще в юношестве оторванный от родины поэт до глубокой старости не только в поэтических видениях, но и наяву созерцал их внутренним оком, и никакие превратности судьбы, чужие

¹ И. Джавахишвили. История Грузии, IV, 1948, с. 89.

райские кущи, дым и пожар войн не смогли загасить в нем того патристического горения, которое сжигало и терзало душу поэта еще здесь, в Горисубани, на горных склонах Зедазени, в Зеда-Вела, на Ксани и в Ламискана и не покидало его вплоть до кончины, в далеком Миргороде.

На вершине Зедазени сохранились развалины крепости. Вокруг нее разбросаны исполинские камни, словно не удержали их руки богатырей и уронили на землю.

Здесь резвился отрок Давид, так беспечно, точно мир принадлежал ему одному, а на его родине тем временем хозяйничали захватчики всех мастей. Колесница судьбы Иверии вот-вот грозила опрокинуться, и мало кто надеялся на заступничество господ бога.

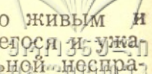
Будущий поэт, согласно тогдашнему обычаю, в раннем детстве был отдан на воспитание в крестьянскую семью. И это тоже отображено им в «Давитиани».

Миха-Громобой оказался тем крестьянином, на долю которого выпала счастливая участь воспитать будущую славу Грузии — выдающегося поэта. Миха был крепостным Георгия Гурамишвили, но как воспитатель господских сыновей он был избалован, и дурно обращаться с ним не решался даже зарвавшийся управляющий — моурави Степанэ Озашвили. Миха — рослый, бледнолицый, но полный сил и здоровья, отличался деловитостью и благовоспитанностью. Несмотря на чрезмерное увлечение охотой, у Миха и домашнее хозяйство шло как по маслу. Усадьбу он имел исправную, а по достатку не уступал некоторым дворянам. Отважного и неустрашимого мужика куда только не забрасывала судьба. Служил он и в личной охране царя, участвовал во многих войнах, имел на лице сабельные шрамы и, подобно своим предкам, обладал громовым, вселяющим ужас голосом, из-за которого односельчане нарекли весь род Громобоями. Своим зычным голосом Миха не раз пугал врагов, но главное — он любил сходить с ними врукопашную. Однажды увлеченного боем царя Левана окружил отряд лезгин в десять сабель, пытаясь взять его в плен. Тут как из-под земли вырос Громобой Миха и, прежде чем взмахнуть саблей, издал боевой клич, от которого два или три лезгина выронили оружие из рук. Воспользовавшись минутным замешательством, Миха яростно атаковал врага. Не подкачал и царь — вдвоем они всех порубили. Вот этому-то молодцу и выпала судьба стать первым воспитателем, учителем и наставником маленького Давида.

Как только Давид подрос, Миха чуть свет стал появляться у его постели, будил, помогал одеться, и целый день воспитатель и его питомец бродили по горам и долам. Давид научился неподвижно стоять на несущемся, как ветер, скакуне, прыгивать на ходу и взбираться обратно в седло, сечь и рубить саблей, на скаку метать камень в цель, в четырнадцать—пятнадцать лет он уже был искусным лучником, фехтовальщиком и безукоризненным наездником. Время требовало своего, и Давид оказался истинным сыном времени. Самым любимым развлечением для него было вызывать на сабельный поединок своих сверстников.

Однако оселком, оттачивавшим разум маленького Давида, все же была природа. На лоне природы своими глазами он увидел и постиг превратные законы жизни. В его чистой душе именно здесь, на лоне природы, запечатлелись живые картины борьбы и противоречий, и на протяжении всей жизни неостановительно терзало и мучило его сознание, насколько беспомощен человек в борьбе с несправедливостью, царящей в природе и среди людей. Именно в природе увидел он, как угнетает сильный слабого, впервые здесь он узрел, какая беспощадная, не на жизнь, а на смерть идет борьба за существование. С одной стороны — неоглядные, покрытые зеленым ковром горы, прозрачные родники, бурные потоки, с рокотом несущиеся с гор, девственная, не затоптанная молодая трава, красивейшие цветы; с другой стороны — мир птиц и животных, пение птах — трели, гомон, свист, стрекотание, карканье, чирикание, воркованье, верещанье. И беспощадная борьба за существование между всем сущим. Потом стоящее над ними существо, соперничающее с богом, — человек, убежденный в том, что он создан творцом как хозяин и властитель природы. Ему принадлежали необозримые эти просторы, пастбища, леса и реки, а также все они — поглощенные враждой птицы и звери, одним словом, — весь мир. Однако, не удовлетворившись властью над миром, это ненасытное дитя природы стремилось поразить и затоптать своего собрата!..

Созерцающему эту несправедливость человеческой породы юному Гурамишвили жизнь представлялась сплошной бойней, где одни, «поелику творец так соблаговолил», располагались в полном довольстве и, уповая на бога, согласно своему «предназначению и закону», истребляли других со спокойной совестью, подобно тигру, который на лугу завидел бычка, ударил его лапой, убил, сожрал и, набив утробу, довольный направился в свое логово.

На любознательного и впечатлительного ребенка, обладавшего живым и восприимчивым умом и сердцем, с одинаковой готовностью отдающегося и ужасу, и восторгу, увиденные собственными глазами картины социальной несправедливости имели огромное влияние, и он с самого же начала встал на сторону угнетенных и бунтующих против несправедливости. Вероятно, от далеких предков унаследовал он неумное желание обрести крылья безграничной мечты и вольно витать в поднебесье, представляя себя непобедимым героем, повергающим драконов, сказочных дэвов, всякую нечисть, а также прочих скрытых недругов человека. Его привлекали страшные, окутанные тайной события, любил он бродить по дремучим, нехоженным дебрям, в поисках приключений отправляясь куда-нибудь, он выбирал темные безлунные ночи, дабы и этим доказать свое бесстрашие и превосходство над другими. Он воображал себя тем героем, которому суждено вырвать у дракона живую воду и поднести ее родному народу для исцеления ран и долгожданного спасения.

Когда Давиду исполнилось девять лет, Миха привел его в отчий дом. Отец своими глазами видел, как его отпрыск заступался за крепостных, но много испытывавший на своем веку Георгий на сей раз не сумел правильно объяснить поведение сына.

Стоял июль. Воздух дрожал от знойного марева, а нескончаемый стрекот цикад делал жару еще более невыносимой. Крепостные крестьяне Георгия обмолачивали зерно. С самого рассвета не слезавшего с молотильной доски, изнуренного зноем Аганию Павлиашвили заменил его сын — мальчик лет одиннадцати-двенадцати. Рослый парень, ничего не скажешь, но по весу, конечно, намного уступающий отцу. Увидев это, прохлаждавшийся в тени управляющий князя Степанэ Озиашвили заорал: «Сейчас же останови лошадей, шенек паршивый, и сойди с молотильной доски, и пусть на нее станет твой отец, иначе я вас обоих плетью исполосую!».

Агания медленно двинулся выполнять приказ управляющего. Мальчик не сразу смог остановить лошадей, а сидевший в тени Степанэ коршуном сорвался с места и предстал перед «провинившимися» как раз в ту минуту, когда мальчик наконец справился с лошадьми. Степанэ, разъяренный тем, что его приказание выполнили не тотчас, огрел ошеломленных жарой и страхом крестьян плетью. По старинке устроившись в беседке Георгий на все это взирал оком безмятежного владыки и ни словом не упрекнул распоясавшегося моурави. Давид же кинулся на управляющего и своими маленькими кулачками стал колотить его в грудь. Георгий Гурамишвили рассердился на сына. Маленький Давид, которого душила накопившая на сердце досада, раскапризничался, раскричался, а затем повалился наземь, как припадошный. Георгий, привыкший к нравам и обычаям крепостничества, никак не мог объяснить беспричинной выходки сына и пожаловался жене:

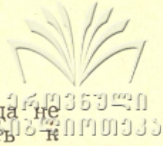
— Как бы не вырос он у нас порченным!

Мзевинар обидели слова мужа, и она произнесла с недовольным видом:

— Не знаю, в нашем роду хворых никогда не было.

Однажды Громобой Миха повел десятилетнего Давида в виноградник, дал ему в руки четырехфунтовую мотыгу и с раннего утра до обеда заставил работать в поте лица. Какой-то услужливый ябедник довел это до слуха Георгия Гурамишвили. Гордый барин, насупив брови, строго отчитал за это Миха, однако в конце концов сказал преданному слуге миролюбивым тоном: «Не подобает так обходиться с будущим господином». Давид прослышал о гневе, обрушившемся на его наставника, отцу перечить не стал, а свое возмущение несправедливым упреком выразил тем, что спустился в большой виноградник, заросший травой, и целый день там мотыжил. Он несколько раз сопровождал в ночное погонщиков, ведущих снот на водопой. Вместе с плугарями поднимался на заре, чтобы увидеть, как запрягают волов, и слышать, как заливается жаворонок высоко в поднебесье. Любил он охотиться в зедазенских овражках за ежами, ужами и черепахами. Вместе с ахатнельскими ребятами ходил он в стадо. Пас гусей и индюшек на берегу Арагви и претендовал на звание пастуха. Любил он ходить на сенокос, кувиркаться в стогах и упиваться ароматом свежего сена. Несколько месяцев он провел с барантой и вкусил суровой пастушьей жизни, изучил ее до мелочей.

На верхней окраине Сагурамо возвышалась фамильная крепость. Здесь в этих «садах, фруктами и всем прочим» изобильных краях, на границе Картли и Кахетии, в самом сердце Грузии, в прибрежных рощах Арагви, на пологих склонах Зедазени и на крутизне Джварского монастыря восприимчивый, охваченный жадной всезнания разум юноши искал выхода, пути к спасению. И тогда он еще не понимал, разумеется, какой трагический отблеск лежал на его родимых окрестностях, сколько поколения предков удобряли своими костями и кровью ту дорогу страданий, которая началась в Сагурамо и завершилась под далеким чужим небосводом.

Громобой Миха был зажиточным мужиком, однако его жена никогда не сажала маленького Давида за обильный стол. Ребенок должен привыкать к нужде, — говорила она. Потому-то нужда и бедность глубоко запали в память поэта, он и в старости бросает упрек бременному миру: «Вырос я в нужде, часто плакал от голода...». Возможно, этот упрек относится ко времени его пребывания в плену, но одно очевидно: за годы, проведенные в деревне, Давид Гурамишвили узнал много полезного, что пригодилось ему на тернистом пути творчества. Чего уж греха таить, Давиду не за что особенно благодарить господ. Правда, он наградил его поэтическим даром, острым умом, красивой внешностью, но закрыл все пути к счастью, сначала уготовил ему лезгинский плен, а потом и вовсе забросил на чужбину. В поэме «Пастух Кацвия» (или «Веселая весна») сын просит отца обучить его наукам. Поэт жалуется: «Да я и сам недостаточно обучен, едва одолел грамоту». Давид получил домашнее образование. Еще в раннем детстве долгими зимними вечерами он выслушивал от сладкоречивой няни грузинские и персидские сказки. Няня юного Давида хорошо знала подвиги прославленных сынов отечества. Затаив дыхание, слушал Давид рассказы крестьянки, и сердце его наполнялось гордостью оттого, что его родина и народ давали отпор грозным захватчикам. Он заставлял няню еще и еще раз рассказывать о тех богатырях, которые больше всех истребляли в битвах «басурман» и «извергов» (так няня называла врагов). Воодушевленный мужеством славных героев, «отрок садился верхом на палочку» и изо всех сил старался, чтобы его джигитовка и воображаемое истребление врагов («бег и скачка на деревянном коне») походила на тот неукротимый натиск, которым отгоняли и крушили супостата его близкие и далекие предки. Он бился с чужеземцами во имя и в память тех героев, о чьих сказочных подвигах он слышал от своей няни. Поэтому он был то Цотнэ Дадияни, то Георгием Блистательным, то Георгием Саакадзе или невинно пострадавшим царевичем Демной. Вечерами возле очага он, затаив дыхание, вновь и вновь впитывал в себя рассказы няни, славословие грузинским героям. Он испытывал счастливое изумление при мысли, что пережившие столько войн его страна и народ до сих пор не уничтожены и не стерт с лица земли. Персы, римляне, арабы, греки, монголы, турки и бог знает кто только не ополчался на его родину, кто только не угонял в плен самых видных и крепких парней и девушек. Кто только не предавал огню храмы, не похищал сокровища, не разорял грузинские жилища, не истреблял в неравном бою стоявших насмерть храбрецов, не покушался на честь жен и сестер, не вырубал цветущие сады и виноградники, не пускал по ветру достаток предков. То, что нельзя было взвалить на мулов и верблюдов, предавалось огню. И как только враг покидал землю грузинскую, неумолимые руки тружеников снова восстанавливали и возрождали из пепла все и вся.

— Может, наши кровные враги угомонятся и оставят нас наконец в покое, няня, — вырвалось однажды у охваченного ужасом отрока, когда он слушал рассказ няни о нашествии орд Тамерлана на Грузию.

— Эх, сынок, если даже и вправду угомонятся враги, не успокоятся все равно наши безбожники-князья, поднимут смуту, развяжут братоубийственную войну! Один мечтает о пожалованных персидским шахом чалме, сабле, осыпанной драгоценными камнями, и халате, а другому снится шуба, даренная турецким султаном...

Тогдашняя жизнь была сурова, никого не баловала, стране приходилось туго, поэтому молодежь для самостоятельной жизни созревала рано. Подросткам, а тем более юношам изнеженность была в диковинку. Их растили в строгом спартанском духе. Оттого и отдал Георгий Гурамишвили Давида и его братьев на воспитание крестьянину Громобою Миха. К счастью, не только один Миха обучал Давида, иначе под руководством такого наставника он приобрел бы лишь умение махать саблей, скакать на коне, охотиться, гнаться за врагом по горячему следу, окружать вражеские укрепления, ходить в атаку, сооружать оборонительные рвы, соблюдать необходимый порядок в бою.

Мать Давида, степенная, благочестивая Мзевинар, духовным наставником сына избрала математика и звездочета, человека, хорошо знавшего латинский и греческий языки, священника Павле Лекурианишвили, нашедшего приют в Зедазенском монастыре св. Иоанна. Отец Павле вскоре убедился, что имеет дело с ребенком живого ума, и наряду с астрономией и математикой стал обучать своего питомца черчению и законам движения воды в трубах (гидравлике).

Ученый священник дал своему ученику немалые познания о небесных телах и тайнах семи небес, но более всего он просвещал его в философии и богословии. Знание теологии принесло свои плоды и сказалось в поэтическом творчестве Давида Гурамишвили.

Глубоко опечаленный смертью своего младшего брата, Давид однажды спросил священника:

34136920
2020000000

— Можно ли наказывать бога, отец?

— Не иначе как гнев божий пал на твою голову, в противном случае, откуда рождаются в ней такие святотатственные мысли? — встревожился священник.

— Тогда почему же бог творит несправедливость, отец? За что он покарал моего маленького брата, зачем преждевременно призвал его душу на небеса? Или почему он гневается на нашу страну, отец? Почему он не бросает в геенну огненную этих безбожников, которые не дают нам покоя и разоряют нашу землю...

— Наверное, он наказывает нас за наши грехи, сын мой!

— Тогда почему же он не затемняет разум нашим врагам, когда те ополчаются против нас, ведь они не веруют в истинного бога, в нашего творца и спасителя, отец?

— Их тоже не минует судный день, сын мой.

— А вдруг возмездие опоздает, отец, и наши враги успеют нас всех истребить?

— Знал ли лично Христа тот художник, который изобразил его в алтаре Светицховели?

— Не знал, сын мой, фреска создана намного позднее.

— Тогда как же я могу поверить, что изображение на самом деле похоже на спасителя, если художник его не знал, отец?

Отец Павле умолк и ничего не ответил.

— Если бог всевидящий и всезнающий, отец, тогда почему он покинул небесные владения и спустился на эту грешную землю? Разве из своих владений он, всевидящий и всезнающий, не смог увидеть, узнать и понять, что творят на земле созданные им грешные люди? Всепредвидящий и всесильный, разве не мог он запретить людям то, что называется грехом и за что вместо царствия небесного люди обрекаются на вечные мучения в геенне огненной? Почему разум человеческий ополчается против воли господней, отец, почему противится? Ведь убеждения человека, как и он сам, созданы богом?

Подобными вопросами (хотя устами младенца глаголет истина!) маленький Давид не раз ставил своего учителя в тупик, и отец Павле всегда горячо молил создателя простить ребенку невольное богохульство.

Отрок незаметно превращался в юношу. В его жилах бурлила унаследованная с обеих сторон «голубая» кровь, и, должно быть, благодаря этой голубой крови глаза у него были светлые. Четырех локтей высоты он достиг еще в юношестве, больше он не рос, и его можно было назвать скорее статным, чем высоким. Широко развернутые плечи, длинные руки и огромные кисти, пригодные большие для того, чтобы сжимать эфес сабли, чем перо. В шестнадцать лет у него уже стали пробиваться усы. Когда он улыбался, открывались белые, крупные зубы. Каштановые волосы, густые брови, нос с горбинкой, длинные ресницы, твердо очерченный подбородок и маленький рот заставляли всякого, увидевшего юношу, тотчас заметить, как привлекательна его внешность.

Однажды в начале мая отец Павле сказал своему воспитаннику, что они отправляются в Мцхета на праздник святого Георгия, и велел распорядиться, чтобы седлали мулов. Давид же поручил слуге оседлать для отца Павле мула, а для себя лошадь; желая покрасоваться и погарцевать на коне, он наотрез отказался сесть на мула, и, несмотря на уговоры духовного пастыря, настоял на своем. В дороге, заметив пролетевшую над ними кукушку, отец Павле сказал, что, когда хищная птица пролетает над головой, это дурная примета, и лучше повернуть назад.

Давид ему тут же ответил:

— Кукушка, отец, на первый взгляд походит на хищную птицу, а если хорошенько всмотреться, то по широкому клюву видно, что она не хищная. Кукушка совершенно безобидная птица, она истребляет вредных насекомых. Перед богом у нее только один грех: она не вьет гнезда; эта негодница яйца кладет на землю, а потом подкладывает в гнездо трясогузке или какой-либо другой птице, которая выводит и выращивает ее птенцов. Самка кукушки живет одна и встречается с самцом только лишь тогда, когда наступает брачная пора.

— Про кукушек ты, оказывается, все отлично знаешь, сын мой, как видно, не зря ты бродил по лесам и долам вместе с этим непутевым Громобоем!

— Конечно, не зря, отец, вчера я поймал в силки такого красивого фазана, что Христорф чуть не лопнул от зависти. На одни пестрые фазаны крылья взглянешь — чудо из чудес! А какой у него хвост! Что перед ним семь цветов

радуги! А вокруг глаз у него ярко-красный пушок. Дальше идет зеленый ободок. А на шейке — словно белый воротничок.

— В таком случае тебе, наверное, известно, почему самка фазана на вид невзрачна, подобно домашней курице?

— Природа создала их такими, отец, потому что самка фазана должна отсиживаться в траве и хорониться от врагов: цвет ее оперения сливается с окружающей средой. Весной, во время таяния снегов, дабы обратить на себя внимание, самец-фазан с клетотом взмывает в небо...

Вдруг до ушей юного Давида донеслись соловьиные трели, и он умолк:

— Вот сейчас он поет для своей милой, отец. Соловей — поистине чудо природы. Так пленяет и ласкает слух пение соловья перед восходом и после заката солнца, на рассвете и в сумерках, днем же он поет редко. Так что не дурная тут примета, а счастливая. Удачным будет наш путь в Светицховели, отец. А соловей тоже невзрачная на вид птица, похожая на воробья, только чуть больше...

Увлеченные беседой путники вскоре достигли Мцхета. Оставили на постоялом дворе лошадь и мула, а сами пешком направились к храму.

Патриарший собор Светицховели Давид и раньше видел не раз, однако впервые видел и слышал самого католикоса, служившего обедню.

Богатые и бедные, имущие и неимущие — здесь все несли дары и приношения.

Давид собственными глазами видел, как стояли грешники у главных врат ограда Светицховели. Пристыженные, робкие, они на коленях просили богомольцев вымолить для них у бога отпущение грехов. Каждый из грешников был приговорен к покаянию, и им было запрещено переступать за церковную ограду.

Торжественно шествующие женщины и мужчины, облаченные в богатые наряды, а рядом с ними крестьяне в бедных одеждах, оборванные нищие и убогие странники произвели на Давида неизгладимое впечатление.

Среди этих попрошайек и нищих в жалких лохмотьях было множество калек, которые беззастенчиво обнажали и выставляли напоказ свои незаживающие гнойные язвы и изуродованные конечности. Смирившиеся и покорные, они стояли и ждали... ждали от сильных мира сего суда праведного и милостыни, уповая на то, что здесь, в храме божьем, богатеи станут милосерднее. Беднякам и нищим хорошо известно, что провидение положило в кошельки имущих и им принадлежащую долю, и вот они, робкие, смиренные и подобострастные, стоят с протянутой рукой, крестятся и бьют поклоны, дабы вынудить сильных мира сего отдать им причитающееся. Отец Павле и Давид с трудом пробрались сквозь толпу, кишащую у входа, и вошли в храм. В храме уже кадили, и запах ладана и воска приятно щекотал ноздри. Множество свечей, зажженных верующими, заливали храм каким-то необычным, дивным светом. Кадильницы источали пьянящий аромат. Все, затаив дыхание, ждали, когда католикос взойдет на амвон, Давид украдкой взглянул на изображение Христа, и ему показалось, что лик создателя тоже выражает нетерпение. Художник изобразил вдохновенного мудреца с глазами, исполненными сомнения, с пронзительным взором... На лице спасителя лежал глубокий отпечаток напряженной жизни, сильных страстей, большой душевной боли. Казалось, будто Иисус выносит суровый приговор именно тем, кто поднял на него руку. В полном согласии с замыслом художника было изображено мудрое лицо богочеловека, погруженного в глубокое раздумье, потрясенного участием простых людей, ради них пожертвовавшего собой и ради них же взошедшего на Голгофу, облегчившего ближнему своему бремя жизни и принесшего себя в жертву, ревностно заступаясь «за униженных и оскорбленных». Вот таким был образ человека-бога, запечатленный мастером.

Художник, не жалея сил, в ярких красках передал тайное, глубоко скрытое в сердце желание, которое заставило его взяться за кисть и создать образ воистину человека-бога, всепредвидящего, всезнающего сердцеведа.

Линии рисунка плавные, с преобладанием успокаивающих глаз голубых тонов, что прекрасно раскрывает представление верующих о творце и спасителе. Живописец вынуждает зрителей трепетать перед мудрым титаном, и этот страх и благоговение переходят в любовь, что полностью соответствовало желанию и заказчика, и художника. Затем взор Давида приковал к себе образ Богородицы. Это была не та икона, где выполнившая божественную волю Мария с улыбкой счастья на лице держит на руках младенца Иисуса.

Здесь изображалась женщина, преисполненная неопикуемой скорби и муки, с лицом, потемневшим от горя, стоящая перед распятым на кресте, истекающим кровью сыном. Она взывала ко всевышнему о помощи и заступниче-

стве, но напрасны были ее мольба, стоны и вопли, ибо враги и друзья распятого нарочно заперли свой слух.

Давида пробрала дрожь от того отчаянного и обреченного порыва, которым дышала вся фигура Богоматери. Его взволновали и потрясли равнодушие и жестокость окружающих распятие людей. Разве мог знать юноша, что ему на роду написано было не только лицезреть образ потрясенной безысходным горем девы Марии, но и услышать музыку, выражающую тоску и печаль Богоматери! И это в далеком Магдебурге! Именно там вызволенный из плена Гурамишвили вошел в церковь, чтобы возблагодарить господина за спасение, и услышал божественную музыку итальянского композитора Джованни Батиста Перголезе «Stabat mater dolorosa»¹.

Давид отвел взгляд от Богородицы. Со стен на него молящими глазами смотрели измученные бледные лики святых, обреченных на смерть всякой нечистью и поганью. Из открытых ран великомучеников сочилась кровь. Но в их глазах Давид вычитал большую душевную стойкость, несломленную волю, готовность сразиться с судьбой.

Вдруг рядом со святым Георгием Давид заметил изображение женщины, облаченной в белое грузинское платье с широким кушаком. Он внимательно посмотрел в нее, однако не узнал в ней ни одной из святых. У женщины были широкие и высокие бедра, и она была очень хороша собой. Нетрудно было догадаться, что художник замыслил ее как символ земной красоты и, вероятно, самовольно пририсовал ее к сонму святых.

До начала литании молитва, возносимая католиком, сопровождалась пением церковного хора. Пение подхватил весь приход, и собор, в котором каждый камень чутко откликался эхом, наполнился музыкой, сладостной для слуха, порождающей сердце и разум. Духовные пастыри для церковных песнопений подбирали такие захватывающие душу и сердце слова и мелодии, что, слушая их, не только богобоязненным православным, но даже и богом забытым бродячим нехристиам казалось, что они попали в чистилище. Что же касается истинно верующих, то их эти песнопения духовно возвышали и после молитвы они покидали храм, твердо уверовав, что владыка земной и небесный на самом деле отпустил и простил все их грехи.

После того как в храме окончилась служба, начался крестный ход. Все высыпали во двор храма и вынесли иконы. С зажженными свечами в руках шествовали вокруг Светицховели. В отношении строителей, зодчих и живописцев этого поистине нерукотворного храма Давид Гурамишвили прежде испытывал только слепое поклонение и глубокое благоговение, но в тот день в его душе словно зародилось какое-то новое чувство, как если бы он впервые увидел и сам храм, и его фрески, и живописные окрестности. Юноша гордо прошелся по двору храма, ибо именно теперь он четко осознал, что это неопишемое благолепие создано руками его предков и является плодом их труда и разума. Упоенный сознанием этим, юноша совсем иными глазами посмотрел на храм, совсем по-иному представил своих замечательных пращуров, тех, которые умели возводить и украшать столь величественные и неповторимые памятники. С этого дня познанное им грузинское зодчество, грузинские фрески, грузинское ювелирное искусство и грузинский стих стали его святыней и гордостью.

Выйдя во двор храма, Давид теперь более настойчиво стал вглядываться в лица убогих, которые на первый взгляд робко и покорно клонили головы долу. В их смиренном, молящем и безнадежном взоре Давид, как ему показалось, уловил луч несгибаемой воли, стойкости и непокорного упорства — некий отблеск того самого света, что он заметил в глазах святых на фресках храма. Ему тотчас вспомнились наставления отца Павле: Христос был богом нищих, убогих и страждущих...

Тут же, во дворе храма, в толпе крестного хода Давид заметил стройную молодую женщину в черном. Красоты ее тела не могла скрыть наброшенная на плечи накидка. Хотя поучения отца Павле всегда завершались беседой о тщете плотских радостей, об умерщвлении плоти и вознесении в царствие небесное, однако возрасту свойственны свои неумолимые потребности. Давиду исполнилось пятнадцать лет, и взор его нет-нет да устремлялся к тугим пазухам девушки. Стройных и широкобедрых он провожал жадным, страстным взглядом. Внимательно вглядевшись в лицо женщины, Давид оцепенел от неожиданности и долго не мог прийти в себя. Наконец он понял, что несказанную красоту именно этой девушки в черном запечатлел художник на фреске позади амвона, рядом с изображением святого Георгия, украшавшим стену Светицхо-

¹ «Stabat mater dolorosa» (лат.) «Стояла скорбящая Богоматерь...» — начальные слова католического церковного гимна.

вели. Потом ему показалось, что и женщина тоже украдкой, но упорно смотрит на него. Сначала он подумал про себя, что человек легко верит в то, о чем мечтает: мало ли чего не померещится! Однако он не сдвинулся с места, решил испытать себя. Обойдя вокруг храма вместе с молящимися, девушка вновь очутилась напротив Давида и посмотрела ему в глаза. Давид опешил и растерялся... «Что это со мной, — подумал он в ужасе, — добрые люди со свечами и образами в руках обходят кругом с молитвой святой храм Светицховели и вымалывают у Спаса отпущение грехов, а мне в голову лезут богопротивные мысли!» Давид поспешно отыскал глазами в толпе отца Павле и решил обратиться к нему. Но как раз в это время девушка в черном снова поравнялась с ним, опять взглянула на него и улыбнулась. Это настолько ошеломило Давида, что он не мог решить, как быть дальше. Поначалу он подумал подойти к красавице и заговорить с ней. Чего только не представлялось ему в ту минуту!.. К этой женщине в черном он почувствовал непреодолимое влечение. Кровь закипела в жилах, возопила плоть. Он ощутил прилив небывалой силы. Он готов был ради этой женщины схватиться с сонмом сказочных чудовищ, следовать за нею по пятам до скончания века. Он желал лишь одного: чтобы не рассеивался этот блаженный дурман. Только бы не лишиться той, обрести которую он даже во сне не мечтал!

Незаметно подкрался вечер. Опустились лиловые сумерки и переросли в темную синеву ночи. Выплыла луна. Зедазенские горы и огромные шелестящие деревья раскинули окрест себя тени, похожие на мрачные привидения. Внезапно женщина в черном отделилась от молящихся, приблизилась к Давиду, который стоял как вкопанный, в полной растерянности, и шепнула:

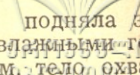
— Жди меня у Бебрисцихе, а затем, как слуга, следуй на почтительном расстоянии за моим Тетрони, если хочешь испытать из чаши бессмертия.

Сказав это, она, как промелькнувшая молния, исчезла в густой толпе. Давид вдруг опоинился и в мгновение ока очутился за оградой храма, возле двора, где определил на постой свою лошадь. Оседлав коня, он стал успокаивать себя, что никуда теперь она от него не денется, и быстро поскакал в сторону Бебрисцихе.

Черные тени вершин Зедазени, уходящих в небо, молчаливо опустились в ночной тишине на прибрежные рощи Арагви. Такие тени на одинокого путника обычно наводят страх. Однако Цисиери знала, что она не одна. Женский инстинкт подсказывал ей, что оставить ее сейчас для юноши было хуже смерти.

Как амазонка, лихо сидела на мчащемся коне та, которую здесь подстерегал Давид. Женщина проехала мимо как ни в чем не бывало. Давид немного погодя последовал за нею. Скачущая впереди лошадь свернула с дороги направо и, прежде чем ступить на перекинутый через Арагви узкий мостик, громко заржала и пустилась рысью в сторону Цицамури. Давид молча сидел на своем аргамаче и следовал за женщиной на почтительном расстоянии. Она быстро промчалась через Сагурамскую равнину, и, оставив слева отливающую серебром Арагви, поскакала в гору. Когда они приблизились к Бицменда, слышался злобный лай собак, однако всадница как ни в чем не бывало пристраенного к маленькой крепости. Давиду этот дом был знаком. Направляясь вместе с Миха на охоту, он много раз обращал внимание на уединенное строение из красного кирпича, за которым расстирался большой сад. Отсюда все было видно как на ладони. Дом был построен как раз в том месте, где заканчивалась стена Бицмендской старой маленькой крепости. Крепостные стены, заросшие плющом и мхом, давно уже обрушились, но чья-то трудолюбивая рука снова выложила их из грузинского плоского красного кирпича. Как раз у этой ограды оставила всадница своего Тетрони, спешилась, сама отворила ворота и велела Давиду отвести лошадей в конюшню. Он подчинился ее приказу. Дом встретил их тишиной и безлюдьем. Однако Давид не стал спрашивать, куда подевались домохозяева, ибо он догадывался, что они отправились в Светицховели.

Когда они вошли в залу, Цисиери зажгла свечи. Теперь Давид мог лучше разглядеть ее стройный стан и горделивую осанку. При ходьбе она не раскачивалась, а плавно, мягко несла высокие бедра. У нее были голубые глаза и правильные черты лица, а вьющимся, черным, как гишер, волосам мог бы позавидовать даже библейский великан Самсон. «У нее должны быть точеные ноги и упругая грудь», — промелькнула в его сознании греховная мысль. А когда женщина подошла к ложу и принялась поправлять постель, какой-то блаженный туман, внушающий надежду и лишаящий рассудка, и вовсе окутал его смятенный разум. Женщина несколько раз так лукаво взглядывала на Давида, что таившаяся в его сердце надежда превратилась в пламенную страсть. Женщина ничего не говорила, только улыбалась ему, раскрывая рубиновые уста и показывая ровные, сверкающие, как девственный снег, зубы.

Неожиданно она приблизилась к юноше, двумя пальчиками подняла подбородок его поникшую голову и взглянула ему в глаза своими влажными-голубыми глазами. Давид почувствовал, как кровь прилила к вискам, тело охватила приятная истома. Женщина взяла его за руку и повела к ложу. Он как послушный ребенок молча последовал за нею.

...Потом он сказал:

— Я уже знаю, что тебя зовут Цисиери, знаю, что ты вдова, но скажи мне — откуда на стене Светицховели появился твой образ?

— Да, меня зовут Цисиери и была я женой азнаура Георгия Ратишвили, художника, восстанавливавшего древние фрески Светицховели. Муж мой три года назад погиб в стычке с лезгинами, и в семнадцать лет овдовела я, несчастная... Давно я сохну по тебе: каждое утро гляжу, как ты идешь на охоту мимо моих окон, и прикипела к тебе всем сердцем...

Давид приник к дивным устам и прервал речь. Не хотел дальше слушать, не хотел омрачать блаженства.

— Поклянись творцом, что до смерти будешь любить только меня и будешь со мной, — потребовала Цисиери.

Хотя ей было всего лишь двадцать лет, однако жизнь рано показала ей свои острые когти, и поэтому она сразу поняла, что между нею и ее возлюбленным лежит огромная пропасть.

Юноша медлил с ответом.

— Давид, скажи, что я тебе милее всех и всего на свете, что кроме меня ты до самой женитьбы никого не полюбишь, а то твое молчание истомило мою душу!

— Ты первая женщина, которой я обладал, и я еще не разобрался в своих чувствах и не знаю, что тебе ответить, как приласкать, как сохранить тебя, дай мне время, и, может, я женюсь на тебе! — произнес он чистосердечно и заглянул в ее полные страсти блестящие глаза...

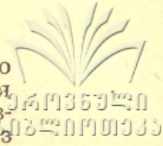
...На следующее утро он уже шел по дороге, ведущей в Зедазенскую церковь святого Иоанна, где они должны были встретиться. Солнце еще не взошло. На рубеже дня и ночи в небе ярко сияла утренняя звезда. Из-под ног у него вспорхнул жаворонок — радость ночных погонщиков. Он взвился в небо, держа путь к утренней звезде, и залился звонкой трелью. Давид медленно вел своего коня, надеясь по дороге встретиться с желанной. Но, как он ни медлил, подъем все же скоро кончился. К Давиду подбежал какой-то мальчишка и сунул ему в руку письмо. Давид поспешно вышел за ограду, развернул свиток и жадно впился в него: «Я занемогла и не смогу выполнить обещанного. Я раскаиваюсь и осуждаю свою опрометчивость. Я должна дать клятву в церкви святого Иоанна, что это было мое первое и последнее прегрешение. Хочу наказать себя и никогда больше не встречаться с тобой. Ты сказал: дай мне время, и, может быть, я на тебе женюсь. Да, именно так ты сказал, и эти слова пронзили все мое существо. Наверно, когда ты повзрослеешь и спустишься с небес на землю, ты мне ничего не скажешь. Не подумай, что противлением я хочу разжечь твое мужское самолюбие. Я сама позвала тебя и сама должна вынести себе приговор. Сдержанности и умерщвления плоти, терпения и терпения — вот чего требует от нас Творец.

Если бы я смогла, то, не задумываясь, пожертвовала бы для тебя своей жизнью, существовала бы одним твоим дыханием, но как мне быть, когда я предвижу печальный конец? Взору моему рисуется будущее, боюсь, как бы еще сильнее не запал твой образ в мое сердце. Я знаю, что скоро окажусь в бедственном положении: ты посмеешься над моими чувствами, а я и без того настрадаюсь. Смиренно припадаю к стопам твоим, как последняя нищенка, и молю об одном: не пытайся меня увидеть! Не пользуйся моей слабостью, оставь меня наедине с моими печальными мыслями. Тому, что между нами было, не дано повториться.

Не старайся встретиться со мной, прощай навеки, желанный мой! Возлюбленный, потерянный навсегда! Это мое последнее слово. Останусь до смерти твоей неизменной доброжелательницей. Цисиери».

Читая письмо, Давид испытывал неподдельное волнение. Нежданная исповедь Цисиери испортила ему настроение, хотя он понимал, что такое письмо может написать только безмерно влюбленная женщина. Мольбу не встречаться с ней следовало понимать наоборот.

«Жребий брошен...» — решил он про себя. Сердце властно потянуло его к Бицинди. Однако он сообразил, что средь бела дня появляться там не следует. Надо бы дожидаться сумерек, чтобы незаметно прокрасться в желанную обитель. И снова перед его мысленным взором встала Цисиери. Потеряв над со-

бою власть, он стоял оцепенев, и воображение засасывало его в омут страсти. Но вскоре, подобно птице с перебитым крылом, он из царства мечтаний опустился на землю, поборол себя. «Наше земное назначение — это преодоление соблазна, сын мой, — вспомнились ему наставления отца Павле, — Жизнь каждого из нас подвергает длительному испытанию. Путь к спасению мы должны пройти покорно и терпеливо, а поскольку искушения не миновать никому из смертных, то в своих грехах следует покаяться чистосердечно. Мы должны молиться горячо и искренне, ибо молитва есть внутренний тайный союз с всевышним».

Давид пересек двор церкви святого Иоанна и направился к храму. Дверь была отворена, Давид вошел и встал на молитву.

Он молился рассеяннo и вскоре снова вышел во двор: поспешно, словно куда-то опаздывал, вскочил в седло и поскакал вниз к деревне.

Тот день оказался самым тяжелым днем в его жизни.

Время тянулось бесконечно долго. Ему казалось, что все окружающее навечно окутано белым саваном дневного света, что солнце никогда больше не склонится к западу и сумерки никогда не наступят. В воздухе носился сладостный, пьянящий аромат весны. Ведущие в лес тропинки заросли густым папоротником. Кое-где проглядывали полевые маки. Внимание Давида привлекли ярко зеленевшие листья кукушкиных слез, из-под которых желтыми уголками пылали круглые мелкие цветочки. Тут и там фиолетовым пламенем мерцали цветы ползучего мха. Запоздалая скороспелка светилась красными и желтыми соцветьями, проливая вокруг нежный аромат.

Внезапно стало темно. Давид взглянул вверх. Солнце скрылось за тучами — светило попало в плен. Мрачные мысли овладели Давидом. Глухое отчаяние поднималось откуда-то изнутри: он нахмурился, посуровел, замкнулся весь во власти дурного предчувствия...

Прибыв в Сагурамо, он узнал, что лезгины совершили набег на Бицменди, и вместе с односельчанами помчался туда.

Сбылось его злое предчувствие. Вооруженные люди толпились именно в том дворе, куда он сам намеревался украдкой проникнуть нынешней ночью. Вся деревня от мала до велика собралась здесь. Тут же он узнал страшную весть, поразившую его в самое сердце. Дом Цисиери принял на себя первый удар лезгинского набега. Безжалостно изрубив пятерых крепостных, находившихся в доме, разбойники решили похитить женщину. Двоих из нападавших убили рогатинами крепостные, а одного Цисиери заколола маленьким кинжалом.

Разгневанные храбростью женщины, пришельцы поразили ее на месте...

Один из сагурамских крестьян подал Давиду исписанный лист бумаги со словами: «Несчастливая писала что-то, когда напали разбойники»...

Давид впился глазами в торопливые строки.

«Не знаю, сумею ли я пред тобой оправдаться. Не знаю и того, виновата ли я и нужно ли все это? Не думала, что после нашей встречи и моего письма я снова возьмусь за перо. Хотя ты еще очень юн, но я взываю к тебе, как к мужу зрелому умом. Не подумай, что это женское кокетство или попытка околдовать, приворожить тебя. Нет! Я никогда больше тебя не увижу! Это правдивые слова, идущие из самого сердца. Ничем не располагала я в этой жизни, кроме доброго имени, и это доброе имя, не колеблясь, я сложила к твоим ногам. Такова, видимо, моя участь, предначертанная господом. Разве кому-нибудь удалось уйти от судьбы, чтобы это удалось мне? В какое-то мгновение я уверовала в тебя и увидела в твоём лице воскресителя моих разбитых надежд, целителя моей израненной души, спасителя моих угасших чувств. Но теперь я считаю тебя палачом моей любви! Не для того пишу я тебе это, чтобы в чем-то тебя обвинить. Но таково мое желание, чтобы ты на самом деле стал палачом моей любви, чтобы никакой другой мужчина не смог осквернить моих самых заветных чувств! Я искренне скорблю о том, что на темном небосклоне моей жизни ты засиял яркой звездой. Каждый человек хочет познать неведомое. У тебя все впереди, для меня же все кончено: беспощадная жизнь стубила молодые побеги моей любви. Тебе предначертано, подобно орлу, расправить могучие крылья и вечно парить высоко в небесах Грузии. Ты должен стать защитником и заступником нашего многострадального народа. У тебя достанет на это сил! Твои слова, твои мысли и твое мужество — еще юношеское, но уже непреклонное, убедили меня, и я верю в тебя. Я хочу видеть тебя свободным: никакие оковы — пусть даже любовные — не должны сковывать твоих рук. «Если ты одобряешь меня — благослови!» — сказал ты мне. Я благословляю ту мысль, что высказал ты, безбородый юноша: «Все люди должны быть свободными, бог создал людей равными и свободными. Человек должен быть свободным, а разум и воля одного человека не должны быть порабощены разумом и волей дру-

гого человека». Я не хочу видеть тебя рабом, пусть даже это рабство любвию. Я хочу, чтобы ты вольно и свободно дышал всегда и везде. Прощай, мой вечно желанный друг! Прощай, навеки потерянный для меня возлюбленный! Сердце подсказывает мне, что тебя ждет большое будущее, перед тобой долгая дорога, а провидение сулит тебе особую участь, поэтому ты должен быть свобод...».

Здесь письмо обрывалось. Видимо, разбойники застали свою жертву за писанием этих строк.

Убитым горем, потрясенный и жаждущий мщения, Давид вернулся в родной дом. Скорбь сердца, оскорбленное самолюбие, отчаяние и возмущение, бунт духа, поруганная жажда свободы — все вместе нахлынуло на него и все вместе восстало в нем. В судьбе Цициери Давид увидел и осознал горестную участь своей родины.

О, жестокий и суровый приговор судьбы! Мрачная доля! Что же ты уготовливаешь своей беззащитной жертве — моей стране, родимому краю!..

Стенания Давида, оплакивавшего потерянную возлюбленную и горькую судьбу отчизны, достигали небес и проникали в преисподнюю.

В ту ночь он навеки простился с юностью, и созревший разум его усомнился в словах божьих: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гнящих вас...».

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Продолжение следует

СКАЛА МУЖЕСТВА

ДЕДУШКА Ивлианэ долго молчал, и Тамаз Гогуа с ребятами решили, что он уснул. Но вот Ивлианэ открыл свои прозрачные, будто выцветшие глаза, и тогда они услышали:

— Э-хо, сыночки! Увидел Дарджелан, что враги их одолевают, и сказал он тогда Этери: «Спеши! Там, у выхода на вершину горы, спрятана веревка. По ней и спустишься. Беги, зови подмогу...».

А венчалась гора скалой. И был только один путь на ту скалу — узкий, как желоб, и скользкий от мха...

Падала Этери, но поднималась и лезла наверх. Потому что знала: от ее ловкости и быстроты зависит победа.

И взобралась на скалу Этери! Взобралась и увидела: теснят грузин враги, и шаг за шагом отступают грузины в гору, по тому пути, что только-только ододела она.

Поняла Этери, что Дарджелан нарочно хочет заманить врагов в желоб скалы и что необходима подмога.

Потом заглянула Этери в расселину, и страшно ей стало — так глубока была пропасть. Но уже слышала девушка звон мечей, и некогда было раздумывать. Привязала она веревку к камню и спустилась по той веревке со скалы.

А друзья Дарджелана все падали и падали, сраженные врагами. И все выше в гору отступал Дарджелан. И остался он один, когда вступил на ту тропку, узкую, как желоб, и бился с врагами, и не было ему равных.

Тогда кто-то из врагов пустил в Дарджелана стрелу. Попала стрела в шею Дарджелану, там, где кончалась кольчуга. И упал на скалу Дарджелан...

Дедушка Ивлианэ опять замолчал, словно отдыхая, потом сказал:

— Когда прогнали врагов, увидела Этери на скале убитого Дарджелана. И горько плакала Этери, что не подошла помощь и что погиб Дарджелан.

Там, где пролилась кровь Дарджелана и упали слезы Этери, вырос ко-

лючий куст с ярко-красными цветами. Колючий, чтобы обороняться от врагов. А цветы были красными, чтобы напоминать людям: не пожалел воин крови, защищая землю свою.

За много веков выгорели от солнца цветы и стали бледно-розовыми. Но когда они только начинают распускаться, похожи они на алую, только что пролитую кровь.

С тех пор и зовут ту скалу — Скалой Мужества.

Вот такую легенду слышал в детстве Тамаз Гогуа от старого Ивлианэ.

Только где стоит Скала Мужества, старик Ивлианэ не знал...

...Камень из-под ноги ушел сразу, и рядовой Дмитрий Карпунец, падая, едва успел всадить ледоруб, чтобы не соскользнуть по крутому склону. Падая, он только крикнул:

— Камень!..

Те, кто шел сзади, успели посторожиться и дать дорогу камню, который, набирая скорость и обрастая камушками и камнями, осыпью прогрохотал вниз.

Остановка была минутной, но каждая минута сейчас была дорога. И потому рядовой Гогуа, темпераментный, как все южане, не сдержался:

— Вай ме! По горам ходить не можешь?

Дмитрий Карпунец промолчал. Да и не мог он сейчас ответить. Не только потому, что был действительно виноват, но и потому, что дышал трудно, с хрипом, и во рту была сухота.

Он медленно поднялся. Неуверенно начал подниматься наверх, понимая, что надо бы сразу быстрее, но не в силах был быстрее — то ли от усталости, то ли от пережитого волнения и за себя, и за тех, кому пришлось сторожиться камня, — ослабли ноги.

Дмитрий пришел в себя, когда ткнулся лицом в чью-то спину: командир взвода остановил солдат, поджидая отставших.

Лейтенант даже дал им передышку в несколько минут. Такую нужную передышку. Не только для Дмитрия Карпунца, для многих: гора забирала все круче.

Пока стояли, Дмитрий отдышался настолько, что нашел в себе силы сказать, повернувшись к Тамазу:

— Вот тебе и Скала Мужества. Раз взберешься — на всю жизнь запомнишь. А ты — легенда, легенда..

Тамаз Гогуа не ответил, вернее, сказал совсем не то:

— Автомат давай.. Давай, идти будет легче.

Дмитрий посмотрел на улыбающегося Тамаза. И тут ему вспомнилось сегодняшнее утро.

...К подножью этой горы они прибыли еще затемно. И сразу раздалась команда:

— Окопаться!

Впрочем, команда эта была не для всех. Только их взводу. А рота уходила помогать саперам: пробивать шурфы в скальном грунте. Бронетранспортеры сразу ушли вместе с ротой.

Вчера под вечер «противник» выбил их с занимаемых позиций, и они всю ночь отходили. И вот теперь, чтобы оторваться от него, было решено взорвать дорогу, которая вилась над пропастью. Эта дорога была единственной, потому что с другой стороны горы бурлила река. И даже до них, рывщих окопы, доносился ее сердитый рев.

Им же, Дмитрию Карпунцу, его товарищам, всему их взводу, предстояло прикрыть огнем действия подрывников, а потом отойти через гору.

Еще до рассвета они успели отрыть окопы и замаскировать их. Лишь убедившись, что сделали все, они дали себе передышку.

Рядовой Карпунец блаженствовал с сигаретой и смотрел на светящееся небо, когда услышал знакомое:

— Вай ме!

Он никогда точно не мог определить, что выражало у Тамаза Гогуа это «вай ме»: удивление, сожаление или что-то еще.

Потому Дмитрий и повернул к Тамазу голову:

— Что?

— Скала Мужества!..

— Какая еще Скала Мужества?

Тогда-то Тамаз и пересказал легенду старого Ивлианэ.

— Может, это не та скала? — усомнился Карпунец. — Сам говоришь, что не знаешь, где она.

— Как не та?! — загорячился Тамаз. — Видишь: справа — река, слева — пропасть. А дорогу, что сейчас «взорвут», позже пробьют. И гора.. Смотри, гора скалой венчается. И

тропка одна туда. Все, как дедушка Ивлианэ рассказывал..

Тут подошел лейтенант. И они встали, доложили как положено.

Командир взвода остался доволен и окопами, и маскировкой.

А потом, когда командир взвода собрался уходить, Дмитрий спросил:

— Товарищ лейтенант..

— Слушаю.

— Как называется эта гора?

Лейтенант зачем-то посмотрел на нее, словно видел впервые, открыл левую сумку (хотя, конечно, знал на память, мог и не заглядывать) и сказал:

— Высота с отметкой..

Он назвал цифру.

— А имени у нее нет? — спросил Тамаз Гогуа.

— Названия нет.

— И все-таки это и есть Скала Мужества, — сказал Тамаз.

Но лейтенант уже не слышал его. Он торопился к окопам других солдат.

...Они еще долго ждали, когда подойдет «противник». Дмитрий все надеялся, что их отзовут раньше, чем это произойдет, что уйдут они по дороге вместе со своей ротой и не будут штурмовать кручу. Но получилось все совсем не так, как ему хотелось.

Сначала появился «противник», и им пришлось отражать атаку его головной походной заставы. А когда атаку отразили, сзади громыкнул взрыв. И они получили приказ отходить.

Их отход прикрывали минометным и артиллерийским огнем. С первыми взрывами лейтенант поднял взвод и повел бегом до самого начала склона.

Наверное, поэтому сейчас рядовому Карпунцу так тяжело давался этот подъем.

Когда они подбегали к подножию горы, Карпунец увидел дорогу, что шла над пропастью. У самого ее начала стоял «газик», и офицер с повязкой на рукаве, открыв дверцу машины (наверное, посредник), смотрел, как они бегут. Потом он захлопнул дверцу, и «газик» умчался за гору.

«Везет же», — с завистью подумал Дмитрий.

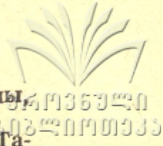
Тамаз Гогуа, то ли потому, что угадал его мысли, то ли потому, что рядовой Карпунец стал отставать, выдохнул:

— Неизвестно еще, кому на учениях трудней — нам или ему.

Дмитрия всегда удивляла способность Гогуа отгадывать мысли и говорить на бегу. Говорить почти спокойно. Словно не бежит он, а прогуливается по бульвару.

Но тут начался подъем, и они перешли на шаг.

«Неужели действительно это Скала Мужества? — подумал тогда Карпу-

мец, подымая глаза к скале, взгромоздившейся на вершине. — Как же та девчонка на нее забралась?».

...Лейтенант скомандовал: «Вперед!» — и сразу перестало думать. Уже через десяток шагов. Только звон опять появился в голове, и пот, неприятно стекая из-под каски по лицу, капал с подбородка.

А потом начался и сам желоб. Впрочем, это он снизу казался желобом, по которому легко идти. Выход на гору был бугристый, поросший мхом. Неровности не только не помогали, но мешали идти: на мшистых бугорках скользили подошвы сапог.

«Только б не поскользнуться», — подумал Дмитрий и невольно обернулся.

Разрывов внизу давно уже не было. Только у самого подножия игрушечными человечками виделся «противник».

— Не думай о высоте, смотри под ноги, — посоветовал Тамаз. — Тогда не поскользнешься.

Дмитрию Карпуцу стало обидно, что Гогуа опять угадал его мысли. Он уже подкалел, что идет рядом с ним, что все-таки отдал ему автомат. Сейчас бы взять автомат, оборвать Тамаза. Но Дмитрий не нашел в себе решимости.

Солнце теперь не пекло голову. Но у Карпуца уже не было сил идти даже в тени. Он едва передвигал ноги, все больше отставая. И наконец, остановился. А потом сел на землю.

— Поднимайся, — сказал Тамаз. — Осталось чуть-чуть.

Рядовой Гогуа стоял ниже, и потому лица их были рядом.

— Вставай, — снова сказал Тамаз. — Наверху сидеть будешь.

А потом совсем шепотом:

— Вставай... Стыдно... Пока никто не видит... Вставай! Ну!..

Рядовой Карпуец встал. Пошел медленно, не видя, куда ставит ноги.

Сколько они еще шли?.. Десять минут?.. Час?.. Он не знал.

Потом выход на скалу стал положе и шире. Сразу лучи солнца ударили в лицо. И Карпуец вышел на срезанную площадку.

Те, кто шел впереди, уже расположились на отдых. Только лейтенант, наклонившись, что-то внимательно рассматривал внизу.

Рядовой Карпуец сделал два шага в сторону от выхода на площадку и опустился на землю. Рядом устроился Тамаз. Он медленно снял с плеча автомат Дмитрия и положил между собой и товарищем. Потом снял свой.

— Вай ме! — вдруг опять услышал Дмитрий.

Но Карпуцу не хотелось ничего видеть, ничему удивляться, ничему радоваться. Ему трудно было даже поднять

взгляд, оторвать его от серости скалы, словно это могло нарушить покой.

— Да посмотри ты, — сказал Тамаз. — Говорил — та скала. Вон и шиповник. Видишь?.. Видишь?..

Действительно, ближе к краю, почти у обрыва, зеленело несколько кустов.

— Тут их много. Не один, — неохотно сказал Дмитрий.

— То — дети.. Дети.. — чему-то обрадовался Тамаз.

— Какие дети? — вдруг спросил лейтенант.

— Старого Шиповника дети!..

— А... — сказал лейтенант. — Давайте, Гогуа, веревку. Будем готовить спуск.

Только теперь рядовой Карпуец вспомнил, что еще не все, что еще будет спуск. Но он не волновался. Потому что спуск — не сейчас. Потом. После того, как закрепят веревку. И после того, как спустятся первые.

Небо было без единого облачка. Но совсем не голубое, а какое-то поблекшее, словно выгоревшее от солнца или запыленное, как их куртки. Подумалось, что можно было вполне обойти по дороге и этот подъем, и этот спуск.

— Товарищ лейтенант, переправу строят, — доложил наблюдатель.

Лейтенант подошел к наблюдателю, взял у него бинокль и что-то долго и внимательно рассматривал.

Оттого, что лейтенант долго молчал, Дмитрию стало не по себе. Слово в предчувствии чего-то нехорошего.

Он видел, что лейтенант неторопливо достал карту, потом так же неторопливо написал записку. И вдруг взял командира взвода упол на Карпуца.

Он приказал сержанту:

— Вы спускаетесь первым. Будете принимать внизу остальных. Рядовой... — лейтенант опять помедлил, — рядовой Карпуец, пойдете вторым. Доставите мое донесение о переправе «противника» командиру роты...

Это было неожиданно. Этого не могло быть. Ведь он, Дмитрий, не должен был идти вторым. До него вон еще сколько должно спуститься! И не приготовился он даже...

Нельзя же отнимать у человека тех минут, что еще остались до начала. Никак нельзя.

Спуск — это риск. И какой еще риск. И нельзя же вот так, сразу, посылать его. Ведь есть же тот, кто должен спуститься вторым. Пусть и идет с запиской. Зачем же его будет заменять он, Дмитрий? Ну зачем?

Все смотрели на Карпуца и молчали. Ждали, когда он встанет, когда начнет подгонять снаряжение. А он сидел и тоже молчал. И ему вдруг поверилось, что если вот так он будет сидеть и молчать, то лейтенант передумает, назначит другого. Ведь он же, Карпуец, еще молодой и неопытный

С КАЖДЫМ годом все более интенсивный характер приобретает углубленное изучение жизни и творчества Галактиона Табидзе. Делаются попытки разобраться в сложном и противоречивом мире его во многом легендарной личности, в его поэзии, знаменовавшей новую веху в развитии грузинской литературы. Анализируются различные стороны и аспекты творческой деятельности этого большого поэта, подчас высказываются взаимоисключающие гипотезы. Все это способствует выяв-

лению подлинной сущности творчества Галактиона и его значения для развития и становления грузинской советской поэзии.

В этом номере мы предлагаем вниманию читателей общий очерк жизни и творчества Галактиона Табидзе, автором которого является известный грузинский критик и литературовед Гурам Асатиани. В дальнейшем журнал предоставит слово другим исследователям, которые коснутся в своих статьях различных вопросов многогранной проблемы, имя которой «Галактион».

Гурам АСАТИАНИ

Галактика Галактиона

ОН МЕЖДУ нами жил... Ходил среди нас...

Тбилисские улицы хорошо помнят его нервную походку, странно порывистые движения.

Он имел привычку бесцельно бродить по этим улицам — в солнце, в дождь, в ветер:

Я пронесу сквозь ветер, словно Моцарт,
Волшебной песни легкую волну...

И эта легкая волна словно и впрямь раскачивала его тело, отяжелевшее, как у альбатроса, неловко ступающего по непривычной глади палубы.

Он любил останавливать прохожих и затевать с ними странные разговоры.

Слегка припухшее лицо часто рассекала напряженная улыбка; трудно было понять, смеялся он над вами или просил ласки и внимания к себе. А глаза как будто напряженно ждали, что где-то там, позади вас, должен появиться кто-то...

Молодые люди охотно останавливались с ним, с любопытством разглядывали его, вежливо улыбаясь в ответ на иронические замечания.

Им, наверно, трудно было поверить до конца, что этот человек был «Царем поэтов», творцом «Луны Мтацминды», провозвестником их сокровенных мыслей и мечтаний...

Галактион Табидзе уже при жизни стал легендой... Все, что его поэзия пробыла в наших душах, трудно было связать с образом реально существующего человека.

Молодая студентка, проводившая бессонные ночи за чтением «Мери» и «Лазури», днем равнодушно могла пройти мимо его окон, как будто старый волшебник, живший там, не имел уже ничего общего с духами, вызванными им некогда из царства тайн.

Среди тех странных легенд, которые породило наше столетие, есть одна, особенно удивительная. Она повествует о том, как благодаря волшебству человек лишился своей плоти, лица и сделался незримым для окружающих.

Страшная судьба выпала на долю этого человека; даже самые близкие люди перестали узнавать его, поскольку он был невидим для их обычного зрения. Только смерть вернула ему его лицо. И лишь когда его останки предали земле, люди могли вновь лицезреть его истинный облик.

Каждая черточка покоившегося в гробе божественно прекрасного Галактиона Табидзе была озарена чистым светом. Как будто при последнем прощании он соблаговолил явиться к нам в своем истинном обличье, чтобы именно таким запечатлеться в памяти потомков.

Освещенный каким-то таинственным внутренним сиянием, он впрямь походил на убаюканного песнями короля поэтов, и над изголовьем его одра витали все чудесные виденья, все образы и тени его поэзии.

В тот день он стал близким и понятным каждому из нас как никогда прежде, и мы вернули дорогому певцу ту любовь и трепет души, которыми при жизни он так щедро одарял всех вокруг себя.

Влияние Галактиона Табидзе на духовную жизнь грузинского читателя нашего времени оказалось чрезвычайно глубоким, в частности на сознание того поколения, формирование художественных потребностей и представлений которого происходило в период последней войны.

В Тбилиси на стенах замаскированных домов или на заборах недостроенных зданий часто можно было видеть листовки с его стихами, пробуждавшими в нас самоотверженную любовь к Родине и веру в победу.

В этих чувствах обретали тогда свой героический пафос громоподобные строфы поэта:

Мы помним путь — неслыханный,
былинный,
которым нас история вела.
Простерся он от Волги до Берлина.
Стремительный и звонкий, как стрела.

(Перевод Э. Анианишвили)

Но уже тогда мы открыли для себя и полюбили много Галактиона — неэравненного лирика своей эпохи.

Как к чистому роднику, принимали мы к его стихам, в которых было все — мечта, радость, надежда, грусть, ожидание, самозабвение, любовь, страсть, сомнение и гордость — все то, что необходимо молодой душе, как воздух.

Поэзия Галактиона Табидзе придавала своеобразный оттенок нашим чувствам, переживаниям, впечатлениям.

Его глазами взглянули мы на родную природу и увидели в ней много новых красок, пятен света и теней. Его стихи позволили нам заглянуть и в свою душу, помогли обнаружить и в ней новые, словно неведомые ранее извилины.

Так же, как молодые люди XIX столетия для выражения своих интимных чувств прибегали к возвышенным строкам стихотворений «Не обвиняй любимого» Николоза Бараташвили, «Помнишь, милая...» Ильи Чавчавадзе, «Потаенная записка» Акакия Церетели, так в наш век язык галактионовской лирики вобрал и воплотил самые глубокие и святые наши чувства.

Словами Галактиона Табидзе проросла в наших душах первая любовь, первая юношеская недосыгаемая мечта:

Непреложно:
Без любви на этом божьем свете
Ни движенье, ни само бессмертье
Невозможно.

(Перевод Ю. Ряшенцева)

И его же стихами распрощался каждый из нас с самыми сладкими днями своей жизни, с утерянными спутницами юности:

Помнишь дни Каралети,
Помнишь синие дали,
Помнишь, как на рассвете
Горы гордо блистали?

Ты рассталась ли с теми
Солнечными глазами?
Иль погасило время
Их веселое пламя?

(Перевод Д. Голубкова)

В строках Галактиона обрели свой воплощенный облик рыцарский идеал нашей молодости: «Наши души белеют белее, чем снег!» — и чистая любовь к Родине:

Если я по росистой траве босиком
Не пройду — как уверовать в явность
отчины?

(Перевод Г. Маргвелашвили)

Под призывы страстного духа поэта постигали мы и поэтическое выражение неотъемлемого от нашей эпохи неукротимого стремления к свободе:

Берег багровый, лиловый залив, Алый рассвет нетерпелив.
В складках тяжелых горные склоны — Взвейте знамена!
Так пламенеют знамена.

(Перевод В. Леоновича)

Галактион Табидзе был одним из тех избранных поэтов XX столетия, которые сумели проникнуть в глубь души своего современника и наделить ее новым, соответствующим эпохе языком.

Одному известному исследователю принадлежит высказывание о Теофиле Готье, что после того как он пришел в литературу, из французского словаря пришлось изъять слово «несказуемое».

Примерно то же самое можно сказать и о Галактионе Табидзе в отношении к грузинской литературе. Он первым в нашей поэзии стал искать краски и полутона и открыл ей невиданные горизонты для выражения духовного мира человека, как бы постигнутого заново.

Подобно тем передовым художникам нового времени, которые ради более точного и интенсивного воплощения существующих в природе красок попытались разложить их на составные части, чтобы впоследствии достичь более полноценного синтеза, Галактион Табидзе заменил более или менее прямолинейные способы поэтического изображения в грузинской лирике сложным языком новых, более совершенных средств — нюансов и полутонов.

Отрывочное слово скажет больше,
Чем рассуждений долгих череда...

В этих строках выражен один из важнейших принципов поэтики Галактиона Табидзе, на основе которого он сумел освободить грузинский стих от обветшалой высконарности и сухого рационализма, характерных для эпигонов поэзии XIX века.

В поэзии Галактиона Табидзе грузинский стих обрел поразительную утонченность и воздушность. Он был поэтом безошибочного, абсолютного слуха. Его музыкальный гений переводил все — внешнее и внутреннее, реально зримое или порожденное видениями мечты — на язык поэтических мелодий.

Как внезапно ворвавшийся в распахнутое окно весенний день наполняет комнату тысячу запахов и голосов, так наполнил наши сердца Галактион неслыханными до того мотивами, ритмами, интонациями, блестящими благозвучиями.

В творчестве Галактиона Табидзе берет начало огромная часть того нового, что появилось в грузинской поэтической культуре нашего времени и утвердилось в ней, что составляет предмет ее законной гордости. В этом смысле он является первым учителем и наставником всех новых поколений грузинской литературы.

Галактион Табидзе был одним из тех поэтов, с чьим именем в грузинской поэзии начала XX века связано возникновение неоромантического направления.

Если в творчестве корифеев грузинского реализма XIX века, в первую очередь — шестидесятников, последовательно отрицалось характерное для первой половины XIX столетия романтическое мировосприятие, которое нашло свое совершенное выражение в поэзии Николоза Бараташвили, то Галактиону Табидзе в начале нашего века удалось почти полностью преодолеть переродившуюся к тому времени в бескрылый натурализм безжалостно профанированную эпигонами реалистическую поэтику и противопоставить ей новое, по существу, романтическое видение мира.

Это было своеобразным отрицанием отрицания, которое предопределялось духовными потребностями самого времени.

Для этого нового направления в сущности неприемлемым было трезвое мировосприятие шестидесятников и, соответственно, любые практические шаги с целью преобразования действительности; в своем неопределенном протесте оно доходило до полного отрицания ее, до призывов ее полного уничтожения, как несовершенной, бессмысленной реальности, а поскольку, естественно, практических возможностей этого не существовало, то это новое духовное стремление противо-

ставляло объективной действительности созданный им же самим ирреальный, иллюзорный мир.

В ранней лирике Галактиона Табидзе жизнь, реальная земная обитель человека представлялась такой же «тесной клеткой», такой же невыносимой темницей для стремящейся к «лазурь далеких небес» души, как это представлялось гениальному автору «Сумерек» Николозу Бараташвили.

Личность здесь находится в постоянном конфликте с окружением, с прозой жизни, с обыденностью, и единственную возможность выхода она ищет в «святой обители» иллюзий.

Все раннее творчество Галактиона Табидзе, как и лирика Николоза Бараташвили, проникнуто ощущением глубокого протеста, непримиримости с действительностью.

Один из пластов ранней лирики Галактиона Табидзе своей поэтикой тесно связан с тем направлением, которое в литературе XX века известно под именем символизма. К таким стихотворениям относятся: «Голубизна или роза в песне», «Синие кони», «Ангел держал длинный пергамент», «Остались открытыми очи ее», «Поэзия — прежде всего», «Сыпал снег на зимние сады», «Домино», «Разговор об Эдгаре», «Стол с алембиками», «Снова эфемера», «Осень в монастыре непорочного зачатия» и другие.

Эти стихотворения, каждое из которых выполнено на уровне высочайшего мастерства, а некоторые до сих пор сохраняют силу неуываемого воздействия на читателя, по целому ряду содержательных и формальных признаков включаются в круг основных художественных принципов и традиций европейского символизма.

В поэтическом искусстве Галактиона Табидзе почти в совершенном виде воплощен так называемый принцип суггестии — поэтического внушения, передачи настроений, который представлял собой основной принцип символистской поэтики.

Из его поэзии почти полностью изгнаны элементы рассудочности, риторики, прямолинейных обобщений, их место занимают новые, «чисто поэтические» средства.

А. Блок утверждал, что символисты пытались «разглядеть в обрывках слов туманное движение погусторонних миров».

«Слово-обрывок», которое Галактион Табидзе объявил краеугольным камнем своей поэтики, следует понимать в широком смысле. Оно подразумевает отдельные детали, штрихи, неожиданные ассоциации, которые открывают обыкновенные предметы под новым, необычным углом: здесь подразумеваются интонационные и мелодические нюансы стиха и своеобразное семантическое осмысление отдельных слов. Здесь подразумевается рифма, которая выполняет не только «техническое» свое назначение, но и указывает на скрытые, тайные связи между предметами. Все эти компоненты поэтического произведения находятся в определенной взаимосвязи. Они рожают единое звучание, которое передается в сознание читателя, чтобы породить в нем соответствующий эмоциональный настрой.

Как известно, символисты считали идеальным видом искусства музыку. Музыка, которая полностью свободна от понятий, от логических категорий, представлялась им наивысшей формой чисто эмоционального самовыражения. По их убеждению, и в поэзии должны были быть найдены адекватные возможности, новые средства, специфическая манера речи, которая смогла бы передать «тайную музыку» человеческой души.

Можно сказать, что в лирике Галактиона Табидзе вообще музыка, мелодическое осмысление и инструментовка стиха приобрели решающее значение. В этом смысле его творчество представляет собой один из наиболее типичных образцов в истории европейского символизма.

У Г. Табидзе есть стихи, которые в целом — своей композицией и развитием лейтмотива — напоминают законченное музыкальное произведение:

На сады ложится снег.
Гроб несут иссиня-черный.
Иступленно бьется ворон —
Чернотой по белизне.
Распустив седые космы,
Среди траурных знамен
Ветер затевает козни —
Вплоть до новых похорон.

И без лишних разговоров
Плачется вороне ворон:
— Гроб несут через сугробы,
Ну, кого еще угробить?..
Гроб несут и топчут снег —
Чернотой по белизне.

(Перевод Г. Маргвелашвили)

Само собой разумеется, что в этом стихотворении поэтические прозрения занимают вполне органичное место, но эти сами по себе точные и впечатляющие картины здесь все же предстали бы неподвижными, безжизненными копиями

действительности, если бы не были возвышены и вознесены могучей силой неперевожимой, к сожалению, музыки подлинника.

Музыка не только усиливает, но дополняет и обогащает поэтическое впечатление. При ее посредстве в это маленькое стихотворение входит и то, что посредственно не описано в нем: глухая поступь траурной процессии по снегу, сдержанные стенания, монотонный звук отдаленного колокольного звона...

Направляющая, преимущественная роль музыкального начала в стихе Г. Табидзе в некотором роде поясняет одну особенность всего его творчества. Как известно, Галактион — наиболее трудно поддающийся переводу автор среди всех грузинских поэтов нового времени, поскольку для адекватного озвучивания его стиха на другом языке необходимо точнейшее соблюдение всех тех, как будто незаметных музыкально-интонационных нюансов, которые и придают его поэтическим творениям неповторимую прелесть.

Однако следует сказать, что музыка в лирике Галактиона Табидзе отнюдь не вытесняет другие компоненты поэтического искусства.

Его поэзия богата оригинальными, как бы заново открытыми поэтическими красками и еще больше — полутонами.

Обыкновенно это — выполненная легкой акварелью, в высшей степени совершенная живопись. Действительность увидена в ней по-новому, необычно свежо. Переменчивость настроения поэта рисует ее ежесекундно в новом облике и порой даже в однообразных явлениях природы обнаруживает бесчисленное множество красок, их переходов друг в друга, гармонических сочетаний или контрастов.

Так, к примеру, в лирике Галактиона Табидзе снег бывает то сиреневым, то синим, то бледным, как усталые пальцы, то холодным и белым, подобно мрамору, то розовым, а то:

Кубком июльскоцветного мороза
Снежный тополь опьянит луна!..

В творчестве Галактиона Табидзе необычайно расширяются рамки образного языка.

Когда поэт пишет: «И белый гроб Кавкасион» или «Лес был высоким, словно храм», «В саду, как безумный, февраль умирал» или «Порой и скалы покрывались мхом, извечным и всеобщим отращеньем», «Маэстро... замки возносит в воздух», «И ураган безумным псом грызет череп города»... — все это не просто обычные поэтические сравнения, построенные на простом сходстве предметов и явлений, на сближении определенных признаков, не только обыкновенные тропы, но и символы, выполняющие роль мировоззренческих установок.

Метафора здесь лишена опоры обычно подразумеваемой условности. Она прочувствована и осознана, как подлинная реальность, как результат достигнутого благодаря интуиции, поэтическому сверхвдохновению приближения к таинственной внутренней сущности предметов.

Лес для Галактиона Табидзе воистину «храм», «голубизна далеких небес» — подлинная обитель вечной жизни его духа, подобно гениальному скрипачу или фантастическому водчелу он и впрямь способен возводить замки в воздухе, а ночь для него — не что иное, как черное, сулящее беду знамя, которое непознаваемая природа вывешивает, чтобы вселить страх в людей.

Еще более точно можно сказать, что все эти образы — этот «лес» и «храм», «голубизна» и «жизненный путь», «замок», «ночь» и «черный стяг» — только тайные знаки, которые должны приоткрыть нам существование иного, находящегося за их внешней оболочкой мира.

Здесь главное в том, что поэт именно так ощущает, именно так видит действительность, поскольку для него объективная реальность и субъективные «сновидения» равнозначны.

Примечательно, что в дореволюционном творчестве Галактиона Табидзе сразу же зарождается и постепенно все более углубляется другой лирический поток, который по своему содержанию и форме значительно разнится от рамок символистской поэтики.

Мы имеем в виду, в первую очередь, те стихи, в которых источником вдохновения поэта являются не характерные для той литературной эпохи «бродячие» идеи и реминисценции, а несравненно более близкое для него в действительности родное окружение, природа Грузии, прошлое и настоящее грузинского народа, уходящие корнями в грузинскую классическую литературу образы, неповторимый строй представлений и мелодий грузинской народной поэзии.

Вот главные из этих поэтических произведений: «Родина», «Арагви», «Пиримзе», «О, женщина», «Поэма тигра», «Один бродяга», «Детские дни», «Тбилиси», «За здравие того...», «Друг мой, Ярали», «Омнибус», «Свекла», «Заброшенная веранда», «Прошла пора сенокоса», «Помнишь дни Каралети», «Ветер

воспоминаний», «Когда в Цицамури убили Илью», «Из Мцхет», «Этой темной ночью», «Из народных мотивов», «Натэла из Цинандали», «Платанам Шиндиси», «Кахетинская луна», «Родной ветер», «Взгляни, Кахетия...», «У Алазани» и другие.

В этих стихах гораздо яснее ощущается теплое дыхание жизни. Мистическое мировосприятие здесь порой неожиданно сменяется искренним восхищением и радостью, вызванной непосредственным ощущением бытия.

В таких стихах Галактиона, как «Родина», «Пиримзе», «За здравие того...», «Сегодня май в бесцветных красках», «Родная эфемера», «Платанам Шиндиси», «Родной ветер» и другие, выразилась такая душевная боль и горечь, которые уже не могут уместиться в привычных границах интимных настроений и воплощают общенациональные чувства.

Здесь необходимо также отметить и следы некоторых реалистических мотивов и тем, восходящих к грузинской классической литературе прошлого века: в «Заброшенной веранде», «Пиримзе», «Свекле», «Родине» как будто оживают бледные тени разорившихся — «осенних» — дворян Давида Клдиашвили.

Оригинальное восприятие своеобразной красочности грузинской народной поэзии выразилось в таких стихотворениях, как «Из народных мотивов», «Подойду, расцелую», «Кого я любил», «Натэла из Цинандали».

Поэтический язык Галактиона здесь постепенно отделяется от канонов сложной эмблематической речи символизма и стремится к более простым, ясным формам. Предметы приобретают более четкие контуры, связующая нить ассоциаций становится яснее и ощутимее.

Охваченный вечной мерзлотой небытия мир «Синих коней» и «Домино» здесь постепенно заменяется срисованными с жизни красочными поэтическими картинами:

Черный дым, ночной туман
Застилает Дагестан.
Выше, выше с нами башни
Небосвода и Нестан.
Помнишь, как луну качало
Бурной ночи опахало?
«Где же, где же ты сейчас,
И куда судьба умчала...»
Да, это — ветер мой родимый,
Родная, древняя прохлада,
Так отчего лозе и дыму,

Реке и дому сердце радо!
День — в одеянии тумана,
Иду — и ближе стали дали.
Вот — башня под крылом орлана,
И дальше будет Цинандали.
Лозую Цинандали красен,
В багровых яблоках — Ахмета.
И в гроздьях — столбики баяси,
И в связках золота и света.

(Перевод М. Синельникова)

Как видим, в художественную ткань здесь внесены живые штрихи реальной действительности, при помощи которых (в отличие от стихотворений первого круга) уже становится возможным определить конкретные, локальные приметы пейзажа.

Неудивительно, что и в ранних стихах Галактиона Табидзе мы сталкиваемся пусть и не с непосредственным, но тем не менее все же с весьма сильным отголоском значительнейших событий эпохи.

В его известных лирических циклах («После бури», «Оковы», «В борьбе», «Город», «Дети», «Война», «Страх», «Несколько дней в Петрограде», «Битва колоколов» и др.) отразилось отдаленное эхо революции 1905 года, ужасающие картины империалистической войны, Февральская революция и начало гражданской войны.

Особое место в поэзии Галактиона Табидзе занимает тема первой мировой войны («Огонь», «Морская эфемера», «Траншеи», «В огненном пепле», «Страх» и другие).

Можно сказать, что кошмарные сны символистов воплотились именно в этой войне, которая принесла с собой девятый вал огня, грязи и крови, своим ужасающим обличем превосходящий их самые страшные галлюцинации.

Война видится Галактиону Табидзе мистической картиной развала и уничтожения старого мира — выродившейся цивилизации, гибели «постаревших» городов, — доставляющей ему своеобразную демоническую «радость»:

В городе — страх.
На площадях и улицах,
Подобно Бурже и Мольеру,
Властвует холера.
Пролетки белые,
Промчавшись, исчезают.
Стены домов трескаются и оседают...
О, сколько раз
Мне чудились в тиши вот эти дни,

В кошмарах и химерах,
Вот эти горы трупов
И в глуши —
Владычество холеры.
Пронесут гроб,
И щеки города бледнеют...
Он — город — в страхе,
Он — город — обречен.
Он стареет.

(Перевод Э. Елигулашвили)

идея создания горного, гигантского ландшафта на побережье из естественных скал, чтобы моряки могли издали увидеть его... Ландшафт титанических берегов моря! Вот девиз сегодняшнего дня. И современность тоже похожа на то море, на тот бурлящий Мальстрём, о котором создавали незабываемые легенды Эдгар По, Артур Рембо, Бодлер. Сколько пьяных кораблей погибнет в этом безбрежном океане: Всепобеждающее наше время отняло краски у всех и вся. Каждый нуждается в подбодрении, и для них должны мы осуществить идею Микеланджело, величайшую идею горного ландшафта. Чтобы ждущие тайны и чуда рыбаки и мореходы могли издали увидеть его».

Эта «гигантская» идея нашла своеобразное осуществление в лирике самого Галактиона — потребность в масштабности образов наложила особый отпечаток на стиль его творчества этого времени. Следует сказать, что в этом отношении имела место даже определенная чрезмерность. Грандиозные картины движений «стихийных» сил, «космические» образы и символы в отдельных стихах заслонили интимные движения души самого поэта. Но главным и определяющим здесь все же было иное: величие явлений Г. Табидзе прежде всего увидел именно в их сути, в их внутреннем, духовном значении.

С обостренным, поистине трагедийным сознанием этой головокружительной высоты написано, в частности, стихотворение «Что содрогает тело кипариса?», которое в том же 1922 году было напечатано в «Журнале Галактиона Табидзе».

Вершины созидательного человеческого духа здесь предстают колоссами, вознесенными из хаоса эпохи до самых небес. Но их высота отнюдь не подразумевает олимпийского спокойствия, она окружена бурным дыханием времени:

Ветра нет, ветра нет,
Но вершины охвачены ветром...

Душевная драма титанических личностей (творцов ранга Верхарна и Достоевского) здесь осмыслена как признак рокового «возмущения» жизни и, в то же время, как указание на нечто «большее», более великое — на то, что придает обыденному бытию необычный масштаб и смысл:

Проникший скрытно в камеру палач
Останется навек во тьме столетий.

Его улыбка, стон его и плач
Не отразится на портрете.

Интеллектуальные взрывы эпохи, выхваченные ясновидческими прозрениями из тьмы неожиданные, странные контуры предметов, чудодейственное всемогущество устремленной к вершинам мысли и вдохновения — все то, что несет в себе знак большого духовного движения, неизмеримо превосходит по своему величию катастрофы и столкновения любых стихийных, материальных, пусть даже космических масс.

Так зарождается в творчестве Галактиона Табидзе живая вера в творческое, прометеистическое начало, в созидательное, демиургическое призвание человека, быстрое осознание которого находит свое классическое воплощение, в конце концов, в «Никорцмнде».

В цитированной нами выше передовице выражен еще один весьма примечательный для понимания исканий поэта в тот период мотив — идея «спасения».

Спасение! Спасение «мира», спасение пронесенного сквозь ураганы столетий божественного огня, спасение национального духа — таков эпохальный смысл этой идеи.

Время взвешивает на весах бытия и небытия любые ценности. Наступает суровый час выбора. Выжидание, колебание, отступление уже невозможно, и на самом великом перевале веков (когда, кажется, все висит на волоске) раздается вдохновенный призыв поэта: «Обновление или смерть!».

С полувековой дистанции такой ответ на вопрос, поставленный обстоятельствами, может показаться тривиальной истиной. Однако не следует забывать, что «обновление» в лексиконе Галактиона Табидзе обозначает болезненнейший процесс — ту неизбежную, обязательную боль, благодаря которой и существует продолжение, возрождение, воскрешение. Такова вера, выношенная ищущей душой поэта.

С искренним вдохновением воспел Г. Табидзе строительство новой жизни в Грузии. Целый цикл стихов в его творчестве объединен именно этим названием: «Строится новый мир».

Революционное обновление Грузии обозначало для поэта стимул для собственного духовного возрождения.

Вспоминая пройденные ступени своей творческой биографии, поэт писал:

Нет, не жил поэт на этом свете,
Рядом с жизнью ты прошел свой
путь,—

и всем своим существом стремился к слиянию с новым биением пульса родной страны, с силами жизни, обновления.

В своих лучших лирических стихах Галактиону Табидзе удалось с поэтической непосредственностью выразить неудержимое стремление времени вперед, головокружительный темп его поступательного движения, «поразительный скачок» молодой страны в будущее.

Поиски предметных штрихов, выражающих эпоху, в творчестве поэта этого периода порою приобретали самоцельный характер. В таких, к примеру, стихах, как «Прислушайся к стуку колес!», «Плечом к плечу», «Улица кузнецов» и другие, время воспринято только во внешних его проявлениях. В этих стихах Галактиона почти не встречается крупный план поэтического отображения. Здесь все увидено в общем, всемирном, эпохальном разрезе.

В 1942 году, в наиболее критический момент смертельного единоборства с фашистскими полчищами, было написано известное стихотворение Галактиона Табидзе «Кубок». Это произведение представляет собой клятву грузинского народа, поэтическое воплощение его непреклонности и веры. Здесь поэт говорит от имени всего народа, всех людей, навечно преданных «наковальне, плугу и перу».

Не случайно в патриотической лирике Галактиона Табидзе этого периода оживают героические тени предков («Ираклий, победитель сотен битв», «Мошкара погибнет» и другие), чей непокоренный дух представлялся ему символом «твердости в беде», негибкости перед лицом врага.

Сама природа Грузии в его глазах приобретает как бы иной вид. Ее величавая и гордая красота, ее непокоренные вершины, свободолюбивый дух Терека и Арагви, могучие валы Черного моря как бы наглядно показывали поэту, «почему душа грузина в битве жизнь не бережет».

Кавказский хребет, который прежде представлялся Галактиону Табидзе «белым гробом», сейчас явился в его поэзии воплощением душевного величия, непреклонности грузинского народа, его возвышенных идеалов.

Заботливой интонацией, влюбленностью пронизаны датированные 1945 годом стихотворения Г. Табидзе «Пусть вечно голос звенит», «Остались в песке» и другие.

Уже в это время в творчестве поэта зарождается тема, которая продолжится затем во всей его лирике последних лет. Это тема «мира, обретенного в бою», «достигшей мира» страны, мирного труда, тяжелой и героической борьбы за мир.

Для грузинского поэта особенно понятна была цена мира. Именно в весьма кратковременные мирные периоды создал грузинский народ те памятники духовной и материальной культуры, останки которых благодаря необъяснимому чуду дошли до нас.

Всегда, когда грузинский народ получал возможность спрятать саблю в ножны, он с подлинной самозабвенностью творца строил и созидал свою родину, возводил величественные храмы Гелати и Никорцминда, создавал «Витязя в тигровой шкуре», с поразительной точностью сочетал в гармонии звуки и краски, следил за движением далеких созвездий.

В написанных после войны стихах Галактиона Табидзе с исключительной силой выражена извечно присущая нашему народу неутомимая страсть к труду, созиданию, творчеству, преобразованию окружающего мира, его совершенству.

Апологией творческого гения грузинского народа является один из последних лирических шедевров Галактиона Табидзе «Ода Никорцминде».

Что за бесценный завет
Был нам оставлен веками!
И безграничен свет,
И гармоничен камень.
Кто же над миром вознес
Граней суровый тес,
Вытесал твой утес
Тебе, Никорцминда!..
Здесь твой грузинский взгляд,

Пьющий простор, всемирен,
Заревом красок богат...
Крылья простер Сири!
Крыльев бы, крыльев нам,
Силы — живым крылам,
Правь же пространством, храм,
Цари, Никорцминда!

(Перевод М. Синельникова)

Стихотворения, созданные Г. Табидзе в последнее десятилетие его жизни, с точки зрения развития поэтического мышления представляют новую ступень в творческой эволюции поэта.

В них окончательно преодолены не только рудименты символистской поэтики, но и некоторые крайности, проявившиеся на определенном этапе в процессе ее отрицания.

Наиболее органичная для природы поэта романтическая манера здесь очищена от тех посторонних, случайных элементов, которые в свое время (особенно в 20-е годы) привнесли в его поэтику элементы некоторого эклектизма.

Галактион Табидзе в этот период заметно приближается к формам грузинского классического поэтического мышления и выражения, настойчиво ищет простые, лапидарные, гармонические средства выражения, еще глубже постигает стихию грузинского языка, его первозданную, неповторимую красочность.

Классическая простота форм, характерная для его лирики последних лет, обогащена внутренне весьма сложной и глубокой мыслью.

«Кто постигнет грузинский орнамент, тот постигнет и суть моей поэзии», — писал Галактион в одном из поздних своих стихотворений. И действительно, все его творчество является еще одним ярким лучом глубокого и многообразного художественного гения грузинского народа.

Придет время, когда человечество признает Галактиона Табидзе гениальным поэтом, ибо ничем, кроме гениальности, невозможно объяснить ту совершенную гармонию, ту необычайную силу воздействия, которыми обладает ряд его стихотворений. Галактион был художником революционной эпохи, и сам он произвел подлинную революцию в поэзии. В звучащей материи грузинской речи он сумел найти неизвестную дотоле волшебную энергию и открыл ей новые пути свободной действительности.

О творчестве Галактиона Табидзе много писалось и при жизни поэта, и после его смерти. В грузинском литературоведении сформировалось несколько взаимоисключающих концепций. Причину этого следует искать в сложности и многообразии наследия, оставленного самим поэтом.

Автором «Никорцминды» пройден большой творческий путь, и его поэзия в различные периоды завоевывала поклонников и почитателей разного рода.

Читателей одной категории привлекают в его лирике ранние, еще отмеченные влиянием эллинистического неоромантизма стихотворения, полные «небесными феями», «таинственным звучаньем струн», «нежновеющими ветерками», сентиментальными междометиями и т. п. Другие видят истинную вершину галактионовского творчества в его «чисто» символических стихах. По мнению третьих, все это было лишь «данью», которую поэт в молодые годы отдал модернистским увлечениям, чтобы впоследствии утвердиться на прочной реалистической основе.

Большинство признает его романтиком, иные же, не удовлетворяясь этим, видят в его стиле признаки «романтического реализма». В самое последнее время ряд молодых грузинских критиков объявляет его творчество образцом «классического миропонимания».

Самое интересное, что каждый из исповедующих все эти взаимоисключающие убеждения обладает своими, достаточно убедительными аргументами.

Но творчество великого поэта не нуждается ни в каком приукрашивании или корректировке. Он велик своими внутренними противоречиями, своими исканиями и открытиями, непрямолинейным и неоднозначным движением своего духа.

Нам дорог и близок народный поэт Галактион Табидзе, который с искренним вдохновением воспел революцию и силы обновления. Но не меньше привлекает нас и певец грустных напевов, потрясающий душу до самых глубин, чей клич поднялся до высочайших поэтических вершин. Более того, по нашему убеждению, поздние, продиктованные верой в жизнь песни поэта имели бы неизмеримо меньшую ценность, если бы им не предшествовали муки, отчаяние и боль его души.

На долю Галактиона Табидзе выпало редкое счастье — его при жизни полюбил и признал родной народ.

Но и поэт не остался в долгу, не одно вдохновенное стихотворение посвятил он своему народу. Грузия была его последним поэтическим увлечением, и, уже находясь в преклонном возрасте, поэт обратился к ней с нежнейшими словами: «Моя отчизна, жизнь моя!».

Согретый и возвышенный этой животворящей любовью, взошел он на святую гору Грузии, чтобы навечно присоединиться к блистательному созвездию нашей поэзии.

Прекрасные просторы гуманизма

СБОРНИК рассказов Реваза Инанишвили с поэтическим названием «Далекая белая вершина» предназначен для детей. Но как и всякая настоящая книга, он, несомненно, выполнит более универсальную функцию, удовлетворив также интересы и вкусы взрослых читателей.

Главные персонажи этой книги — дети. Они избавлены от крайней инфантильности, наивных и постольку лишенных содержания представлений. А весь сборник пронизан внутренним драматизмом, по-детски светлым осмыслением жизненных явлений, пониманием логической взаимосвязи проступка и наказания, стремлением к его стоическому преодолению, любовью к родине, преломляемой сквозь призму своего села или его окрестностей, что наиболее значительно и ощутимо, беспредельно развернутым возвышенным гуманизмом. Все это придает описываемому писателем миру особый смысл и очарование.

Вооруженные таким психологическим модусом, эти маленькие герои, основным антуражем действия которых наиболее часто представлены заснеженные, а иногда зеленеющие окрестности села, живут своеобразной героической жизнью, воспринимаемой ими в романтическом ключе. Экспрессия и динамизм подавляют в них необходимость предварительного рассуждения и логического осмысления, пока не знакомых для детского мира и потому бесполезных для него. Внутренние, инстинктивные и первозданные начала становятся импульсом их поступков, гарантией светлых и добрых чувств. И тут хотелось бы вспомнить рассказ «Волчата».

В Кахетии среди огромных виноградников и фруктовых садов стоит старый-престарый замок некогда грозного князя, в котором теперь размещен винный погреб. В этом здании постоянно живут две семьи — на втором этаже директора винного погреба, а внизу — сторожа, у которого два сына — Петре и Павле. Изолированные от внешнего мира, лишенные возможности общения, огрубевшие, они неожиданно преображаются, увидев однажды утром на балконе второго этажа маленькую девочку — дочь директора, приехавшую недавно из города. С этого дня природа запестрела для них всеми красками, а ход жизни приобрел особый смысл. Ли (так звали девочку) стала для них подругой и кумиром чистого детского поклонения. И вот однажды зимой, когда все трое отправились собирать в лесу обнаруженные за день до того цикламены, девочка упала в канаву. Мальчики тотчас же предложили намокшей Ли свою одежду. В эту минуту они повели себя как добрые рыцари, готовые не только на проявление высокого уважения по отношению к девочке, но даже и на самопожертвование.

На следующий день после происшествия в лесу Ли увезли в город. Дни, проведенные с ней, остались для мальчиков далеким воспоминанием в их однообразной жизни. И их детские души наполнились неосознанной беспредельной скукой и тоской.

При осмыслении этого рассказа разрыв между детским и общечеловеческим оказался для меня преодоленным. Показанная писателем глубоко загадочная боль, думается, органична для любого возраста, что и является красным нити-камнем как этого, так и других рассказов Реваза Инанишвили. Человеческая боль, предельно просто и лаконично переданная чаще всего через исключительно емкий мир ребенка, создает особую предпосылку для непосредственного сопереживания.

Удовольствие от встречи с выполненной простыми и прозрачными красками картиной, позволяющей осмыслить детские соблазны, понять их причины, мы испытываем, читая рассказ о мальчине, который воровал огурцы. Проступок маленького сельского мальчика Априа, у которого нет отца, не столь тяжел, чтобы отягчить его душу. Но для села даже ребенок, воруящий огурцы, все равно вор, оскорбляющий имя отца. Мать понимает вину Априа. Но какая же мать станет в присутствии людей, на глазах у всех проклинать и без того униженного сына. Материнский инстинкт диктовал ей в этот момент необходимость защиты не столько его, сколько чести семьи. Оставшись же одна, она уже не смогла сдерживать слезы и начала плакать. Плакали трое — мать, маленький брат Гуджа и сам Априа. А недалеко, «в углу у изгороди стоял призрак их высокого отца, сложив руки на груди и печально взирая на жену и детей».

Финал этот, напоминающий о невосполнимой боли этой семьи, думаю, не может не пробудить в душе щемящей грусти.

Воплощением детской гордости, негибаемого и упрямого характера является, на мой взгляд, образ деревенского мальчика Джихва из другого рассказа Р. Инанишвили.

Два брата Коцоцашвили с пазухами, наполненными орехами, по дороге домой встречают Джихва. Кроме орехов, у них в руках еще по два стручка красного перца. Джихва тотчас предлагает пари — если он съест все эти стручки, то получит орехи, в случае же проигрыша должен уступить братьям двух кроликов. Но выполнить свое трудное условие Джихва не смог. Чтобы хоть как-то унять боль во рту, сожженном перцем, он неустанно бегаёт взад и вперед. Испуганные Коцоцашвили следовали за ним. Когда он забежал в свой дом, они стали дожидаться его во дворе, позабыв о пари. И когда Джихва, с рыцарским великодушием сдержавший свое слово, передал им двух проигранных кроликов, братья были безмерно удивлены. Но не остались в долгу перед ним и опорожили свои набитые орехами пазухи.

Отмеченный негибаемой твердостью характер Джихва привлекателен не только своей колоритностью. В прикрашенном юмором его детском геройстве просматривается перспектива становления будущей личности.

И тут следует отметить, что основным движущим элементом рассказов, включенных в книгу «Далекая белая вершина», является всеобъемлющий, беспредельный гуманизм. Именно он определяет все действия персонажей, каждое движение их души. Под его широко распахнутыми крыльями бьются человеческие страсти, действуют представленные здесь модели образов и характеров. Именно в прекрасных просторах гуманизма теряются и бесследно исчезают всякие соблазны, питающиеся первобытным человеческим злом и отрицательными побуждениями. Это настолько осязаемо в рассказах Р. Инанишвили, что после знакомства с его книгой не представляется необходимо в качестве внутреннего свойства человека наряду с добром и любовью непременно называть зло и ненависть.

Литература не сила, а средство достижения душевного равновесия, душевного покоя, в конечном счете. И все же она является серьезным стимулом стремления к совершенству, вечным спутником человечества.

Как раз к произведениям такого плана относится, на мой взгляд, рассказ Р. Инанишвили «Девочка, которая полюбила ночь». В образе ясновидящей девочки здесь предстает внутренняя реальность того необыкновенно иллюзорного мира, который скрыт за конкретными ощущениями, эмпирическим отношением человека к окружающему миру. Переданные через внутреннее видение ребенка сказочные картины, идеализированный образ природы и вообще космического мироздания воспринимаются как противопоставление будничной жизни человека, как отрицание вытекающих из нее отношений.

Этот мир еще предстанет перед нами при передаче мечтаний, вообще поэтической красоты, как неотделимой и главной части человеческой души. А весь рассказ содержит огромный подтекст, и именно в этом его сила. Для одаренной мудростью Миндиа девочки природа одушевлена. Эта девочка все видит иначе, чем обыкновенный человек. Она могла также, закрыв глаза, увидеть больше, чем зрячий. Приехав на дачу, девочка увидела настоящую ночь, являющуюся органической частью всей природы. И вот ходит это маленькое

существо среди «освященной» ночью намного более красивой первозданной природы и беседует с деревьями, белками, оленями. Красивую, как сон, таинственность этой ночи опять-таки нарушает человек. Но в то же время его появление придает завершенность гармонии природы, органической частью которой была и девочка. «Я люблю тебя, ночь!» — вырвался у девочки крик восторга или тревоги, но никто даже из совсем близко подошедших людей не слышал ее зова.

Этот финал навевает далекие ассоциации с Маленьким принцем Экзюпери. «Все хотели узнать, почему девочка ушла так далеко в лес и было ли ей там страшно. Но девочка ничего не говорила: ее большие синие глаза были наполнены слезами, и она ничего не говорила. Знала, что если даже и скажет, зачем пошла в лес и что увидела там, ей все равно никто не поверит. Ведь она действительно видела немало иначе, чем другие! Ты, мол, всегда так странно видишь все — и не поверили бы. А это очень, очень плохо, когда ты веришь во что-то, а тебе не верят».

Мы не случайно вспомнили Экзюпери. Героиня рассмотренного выше рассказа воспринимается нами, как далекий отзвук неповторимого Маленького принца, противопоставленного со всеми своими внутренними болями, ирреальным душевным настроем и чистыми детскими представлениями реалиям конкретной жизни. На наш взгляд, переключка с образом обаятельного героя французского писателя не лишает поэтический мир девочки из рассказа Р. Инанишвили самобытности и самостоятельности авторского осмысления.

Одно из свойств дарования Реваза Инанишвили, проявившееся в рассматриваемом нами сборнике, это — необыкновенно пластическая передача картин природы. По мнению писателя, от доброты и милости окружающего нас мира во многом зависят жизнь и судьба человека. И тут следует сказать о литературных традициях, питающих его творчество. Художественная модель «Рассказа олененка» и «Сухого бука» Важа Пшавела находит свое интересное и достойное продолжение в прозе Реваза Инанишвили. Так, его рассказ «Красный кленовый лист» напоминает мне несбыточное благоухание пшавеловской прозы. Это — выполненный «акварелью» пейзаж, в четко переданных светотенях которого угадываются таинственные штрихи природы. Обитатели величественного леса безмолвствуют в ожидании холодного молчания зимы, избавленные от листвы деревья готовы принять на себя белое покрывало. Только на клене сохранился единственный ярко-красный лист, словно воспоминание о лучшем былом. Будто в ожидании кого-то или чего-то лист упрямо противостоит дождям и ветрам. И вот в один хмурый вечер он пришел:

«В неподвижном, как стекло, воздухе к старому дубу подошел лось. Его тотчас же все заметили, все затанцовали, словно на цыпочки поднялись друг за другом. А лось, грустный, но гордый, шел медленно... Спустился в овраг, попил воды, потом поднял голову и удивился — на стоящем у бровки клене остался один большой красный лист. Лист тот трепетал, дрожал. Лось вытянул шею и удивленно стал смотреть. Тогда лист сорвался, полетел, на мгновение будто замер в воздухе, а потом сразу упал на снег — красный и беспомощный. Лось приблизил губы, переднюю ногу тоже поднял, хотел перевернуть его копытом, проверить, что это за лист, но он так беспомощно лежал на снегу — тонкий, чуть согнутый в плечах, что лось опустил ногу, осторожно обошел лист, несколько раз остановился, оглянулся. Какая-то странная печаль нахлынула вдруг на него, и он, подняв голову, протрубил. В зимнем лесу, как траурный набат, слышался несвоевременный крик лося. Все это увидел и старый дуб. Вот, оказывается, кого ждал большой красный кленовый лист!..».

В этом финале, как, впрочем, и всегда в концовках рассказов Р. Инанишвили, передана неутоленная боль писателя.

«Знал такие вещи старый дуб, и им владело одно желание: поднять голову, как это сделал лось, и протрубить, протрубить так, чтобы затрепетали застывшие буки и грабы. Но он не мог сделать этого и стоял молча, пока пазухи почек постепенно наполнялись каплями. Эти капли были его слезами».

Эта довольно большая выдержка возникла здесь непроизвольно, поскольку она представлена в рассказе одним неделимым аккордом, с классической простотой передающим еще одну интересную разновидность модуляции любви. Такая глубоко эмоциональная передача явлений природы представляется мне отрадным новшеством, которое можно рассматривать как плодотворное продолжение традиций национальной классической прозы. Ссылка на Важа Пшавела в данном случае, думается, должна восприниматься, как достоинство, украшающее творчество Реваза Инанишвили.

Интересным художественным воплощением могущества природы, ее значения для человека, боли, вызванной разлукой с ней или потерей ее, видится также рассказ об огромном дереве, поделившем расстояние между двумя селами

будто на две части. Благоухание плодов, тень от его широко раскинутых ветвей словно сладостная мечта ласкали душу человека. Существование этого дерева было так же необходимо ему, как близость доброго человека. И вот однажды персонажи рассказа были безмерно опечалены, когда, направляясь в соседнюю деревню, не увидели по дороге знакомого дерева. «Оказывается, его кто-то срубил, красивые ветви разбросал, ствол и толстые ветки унес; в сухой траве лежали лишь намокшие от дождя щепки...»

Казалось бы, совсем простой случай, но какой многоговорящий и емкий. Этот рассказ, отвергающий сухую дефиницию конкретного момента, — замечательный образец любознательной интерпретации будто незначительной, но глубоко жизненной детали. Писатель тонко чувствует это и считает своим долгом указать или хотя бы в символической форме дать почувствовать читателю значение каждой жизненной детали. Для него в жизни нет ничего незначительного, ибо любой жизненный штрих так или иначе проливает свет на внутренний мир человека и ни один обитатель вселенной не заслуживает у него нежелательного индифферентизма. Такова позиция писателя, душевный настрой которого делает естественным подобное заостренное ретроспективное видение мира.

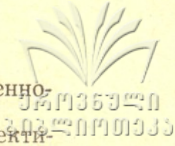
Воспроизведение светлых картин детства, по-новому, уже не непосредственно переживаемых в воображении писателя, рождает нежнейшую гамму лирических настроений. Детство прочувствовано им, как далекий отзвук существующего в тебе добра, как его реальный образ, который хотя и не просматривается четко во времени и пространстве, но находится рядом с тобой, даруемый великодушным ребенком из сокровищниц его маленькой жизни и превращающийся в нашей душе в образы воспоминаний.

Рассказ «Дворы моего детства» — прощание с одной из картин прошлого, когда для писателя «земля была совсем другой — чистой, ласковой. Разве сейчас так повалешься в свежей траве. А тогда не было ни осколков стекла, ни железа, ни камней. Где копали, там и сидели. Если где-нибудь фрукты были во дворах, они тоже были общими... Продавать фрукты все стеснялись. Ели все — туту и абрикосы, черешню и вишню. Бедными, очень бедными были дворы моего детства, но кое-что они все же имели вдоволь: чистую, неогороженную землю, прохладную, нежную траву, ласковое спокойствие и, что самое главное, улыбку нежных человеческих глаз».

Романтический туман хода времен именно в таких идеализированных образах конкретизирует невозвратный мир.

В недрах рассказов из этой книги мы находим также выполненную с большой нежностью картину первой детской невысказанной любви. Выявленная форма прекрасного чувства в этом случае лишена конкретных контуров, то есть того, что могло придать ему законченный и совершенный вид. Мгновенно мелькнувший фрагмент открывает в сознании «влюбленных» перспективу вечного воспоминания о любви. Рассказ «Осколки стекла» представляет борющийся с быстротечностью миг, который, несмотря на незрелость, находит свое место в бесконечности бытия. Случайная встреча мальчика и девочки в лесу, расположенном недалеко от села, сцена их разговора и отношений пробуждают в душе мальчика пока еще не изведенные и постольку не знакомые чувства. Покой их красивого мира нарушает появление одного старого пшавы, который носит в село масло, сыр и мацони. Пшав зовет на помощь маленького мальчика, который, поправляя переметную сумку на спине коня и не выдержав тяжести, роняет ее на землю. Подперев руками щеки, девочка смотрела на хлынувшие из сумки потоки ежевики. Потом вместе с пшавом, опустившись на колени, она начала собирать эту ежевику. А мальчик, поднявшись на дерево, взирал на них оттуда злыми глазами. Чувствуя, что опозорился, он хотел иметь длинный, острый клинок, быть взрослым, чтобы вызвать пшаву на поединок. Между тем девочка и пшав «с какой-то приятной суетливостью крутились вокруг стекавшего по склону черного потока, разговаривали, смеялись даже... И мальчик только тогда почувствовал, что лишился опоры, когда ветер со страшной силой просвистел у него в ушах». С тех пор прошло очень много времени, множество действительно важных событий утонуло в быстром и глубоком течении времени. Но пережитые однажды в детстве минуты счастья, тот день, ставший прекрасным, сверкал «как оставшиеся в ночной пустыне осколки стекла».

Писатель наделен даром расчленять обычные представления на чувственные элементы, придавая им вид самостоятельных мечтаний. Именно из их тайной сокровищницы он черпает вдохновение, чтобы лепить собственные художественные образы, возвращая природе те светотени, которым интеллект дает право на увядание. Такова, по нашему мнению, первейшая психологическая основа как этого рассказа, так и вообще всего творчества Реваза Иванишвили.

которая становится внутренним импульсом при сооружении художественного мира.

Оригинальное осмысление исторического прошлого, его особая объективация находят на редкость притягательное воплощение в рассказе патриотического характера «Царь Ираклий и маленькие ананурцы». Реальный исторический факт явился импульсом, движущим фантазией писателя. Уход потерпевшего поражение в Крцанисской битве царя в Ананурскую крепость становится поводом к осмыслению волнующих сцен. Горящие любовью к родине и желанием погибнуть за нее маленький горец и семеро его товарищей, вооружившись палками, приходят в Ананурскую крепость. Они настойчиво требуют свидания с царем. Когда он принимает одного из них, то становится свидетелем детской, но полной искренней боли исповеди:

«Татары не должны были одолеть нас, великий царь, им не одолеть нас!.. Тебе богачи изменяют... Почему доверяешь богачам, великий царь! Богач крапив, у него дома богатство остается, при случае и врагу отдаст, и самому тоже хватит; богач на войне собой рисковать не станет! На войну нас надо брать, сирот, неимущих, некрасивых, выросших в нужде. С надеждой на страну мы живем, мы что-то должны беречь... Нас бери, царь, нас! Только я смогу вывести сколо ста сирот с палками! Бери нас, царь, и собственными глазами увидишь, что никто не сможет нас одолеть».

Не будем слишком аналитичны и трезвы в восприятии этой патриотической тирады маленького горца. Главное здесь не сам контекст, а то особое чувство долга и ответственности, которое стало движущей силой героического характера мальчика. Заряженные таким духовным импульсом люди действуют с высоким сознанием своего долга и на протяжении жизни часто проявляют лучшие, героические черты своего характера. Они оживают в памяти как благороднейшие примеры истинного патриотизма, украшающие нашу историю. На редкость симптоматичен образ уже постаревшего «мальчика», который в финале рассказа, ожидая зова Ираклия, почти каждого прохожего спрашивал, не является ли тот гонцом из города. Прохожие, конечно, недоумевали, о каком гонце шла речь, но те, кто знал его, отвечали: «Нет, не гонец я, сын Мзевара» — и, опустив головы, печально продолжали свой путь. Не сбылась мечта этого горца. Так и пришла старость, а цель его жизни осталась неосуществленной. Несмотря на такое настроение, рассказ лишен безысходности и воспринимается как оптимистическая переключка прошлых дней с современностью.

Есть в этой книге один рассказ, пробудивший во мне какую-то особую боль. Называется он «Красота». В нем дано замечательное пластическое описание величественной природы на приморской даче. Выполненный разноцветными красками пейзаж представляется как обитель душевного покоя, человеческого счастья. Здесь все дышит беспредельной любовью к жизни. В такой гармонии природы трудно представить себе наличие какой-либо боли. Такой психологический настрой словно одним взмахом руки отбрасывается лаконичной, проникающей до глубины души беседой отца и сына.

«Седоватый мужчина и двенадцатилетний бледнолицый мальчик идут по берегу моря, под ногами у них хрустит галька, над головами — солнце, ветер дует в лицо.

— Отец, не верь врачам. Сердце меня совсем не беспокоит. Когда этим летом поеду в деревню, соберу много шиповника, буду собирать каждый день, с утра до вечера, сдам, получу много денег, а потом все вместе приедем сюда — я, ты, мама и Паата. Да?

— Да, сынок».

Нарисованные в рассказе красочные картины природы теряют не только свое первоначальное очарование, но и свое значение, бесследно исчезают, растворяются в боли больного мальчика. Этот контраст между красотой природы и разыгравшейся на ее фоне человеческой трагедией выполнен здесь мастерски.

Каждый из рассказов этой книги, под особым углом показывающей многообразный облик человека и природы, остроумно найденные формы их отношений, думается, так или иначе выявляет как ее общие тенденции, так и контуры художественного мира писателя.

Очевидно, не случайно в название книги вынесен заголовок глубоко продуманного, отмеченного четкими психологическими светотенями рассказа «Далекая белая вершина». Его внутренняя структура, оригинальное осмысление характера главного героя, переданное здесь мировоззрение в известной степени выразили общий дух всего сборника.

В этом, как и почти во всех других включенных в него рассказах, описание сельского пейзажа имеет функцию увертюры. Ему отведена особая роль — выявлять внутреннюю природу человека, его богатый духовный мир. Благодаря этой «увертюре» возникает логический настрой, необходимый для выявления

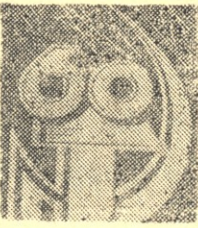

и познания скрытых от поверхностного взгляда интимных отношений природы и человека. Если с возвышенности в окрестностях села «посмотрите на север, если небо ясное, за голубыми, нагроможденными, лесистыми и голыми горами увидите белую и красивую вершину. Она удивительно одинокая летом и зимой — всегда белая, только иногда зацепится за нее черная туча и отстанет или же солнце придаст ей золотистую окраску. Но она удивительно притягательна для человеческого взора. Мальчик специально поднимается, чтобы увидеть эту вершину (берет с собой топорик, будто отправляется за хворостом). Стоит и смотрит, то расширяя, то сощуривая глаза. В карманах у него яблоки, достанет и с аппетитом ест...»

Символика далекой белой вершины, наверное, всем знакома. За своим реальным существованием такие белые вершины раскрывают перед иррациональной природой, в данном случае перед ребенком, а вообще перед человеком, ирреальные миры далеких мечтаний. В качестве прекрасного импульса для вызова идеального образа здесь осмыслена природа. И в данном случае, так же как везде, исходная психологическая точка у писателя связана с истинной правдой жизни. Мир, ставший мечтой маленького мальчика, его нежная и чувствительная душа будто обособлены от обычного, повседневного течения жизни. Это хорошо чувствует сам мальчик, но все же предпочитает свою красивую мечту возможности попасть в нежелательное неловкое положение. «Неловкость» будет очень часто «гостить» у героя с таким характером. Вопросы учителя для него — реалии, существующие за непознанной красотой далекой вершины. Поэтому они более далеки и чужды для его души, чем эта далекая вершина.

Поскольку познавательная ценность этого рассказа и так ясна, отмечу одно свойство Реваза Инанишвили, обуславливающее неповторимый характер его прозы. Это — его язык, с первого взгляда обыкновенный и в то же время «необыкновенный». В грузинской литературе XX века он в этом отношении занимает одно из особых мест. Удивительно простая языковая ткань, отмеченная первозданной чистотой и одновременно достигнутой классической высоты пластичной, становится для него гарантией прекрасной заявки даже на самый простой сюжет. Мне кажется, что в этом отношении Р. Инанишвили является достойным наследником великолепной традиции Михаила Джавахишвили и Георгия Шатберашвили. Ограничение двумя именами предшественников не случайно. Выявить такой художественный язык невозможно только в результате влияния или подражания. Он является идущим из детства органическим и врожденным качеством души писателя. Только так представляется реальным характер вышеупомянутой традиции.

В заключение еще раз вернемся к художественному миру писателя. Как истинный патриот, он с особой любовью относится к истории своего народа, но главное для него все же жизнь, полная горения, красочная, близкая ему и познанная жизнь, для которой несчастье так же органично, как и счастье. Радость, которую писатель испытывает при описании природы, становится для него драгоценнейшей наградой. А изменение жизни является силой, дающей душевное равновесие, ибо он хорошо чувствует, что ее основа в разнообразии, а не в идентичности. Люди осмысливаются именно в таком круговращении. Однако ему также прекрасно известно, что в жизни есть явления, почти не поддающиеся изменению. Вновь и вновь покроеется снегом земля, придет весна, мужчина и женщина всегда будут любить друг друга, снова и снова зазеленеет трава, повторятся красивые годы детства... «Далекая белая вершина» искренним, детским шепотом заставляет нас повернуться к первобытной красоте природы, к познанному в детском мире забытым корням. Именно в этом заключается оправдание существования далекой белой вершины, являющейся мощной опорой поединка с вечностью.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРАЗДНОВАНИЕ шестидесятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, к которому готовится весь советский народ, с особой актуальностью ставит в повестку дня изучение тех коренных и благотворных перемен, которые принесли подготовка и победоносное осуществление социалистической революции в развитии всех культур и народов, составивших семью многонационального Советского Союза. В частности, на примере грузинской культуры, грузинской литературы, имевшей многовековую историю и богатейшую традицию, можно увидеть, как в результате осуществления ленинской национальной политики она получила новый взлет и размах, сохранив свою национальную самобытность и вступив в эру нового могучего расцвета. В то же время, встав на новые рельсы социалистического искусства, ведущие ее мастера смогли преодолеть многие из существенных недостатков, характеризовавших грузинскую литературу предреволюционного периода, именно благодаря победе и торжеству идейно-эстетических принципов социалистического реализма.

В то же время обзор грузинской литературы первой четверти XX столетия непосредственно переключается с проблематикой наших дней, в частности, и потому также, что тогда остро стояли в повестке дня вопросы новых открытий в области формы, расширения арсенала изобразительных средств.

Общеизвестно, что подлинно высокоидейной литературы не существует и не может существовать вне высокохудожественной формы. И в этом смысле борьбу за овладение формой следует решительно отделить от формализма, поскольку пренебрежение содержательной, идейной стороной столь же губительно для искусства, как и пренебрежение формой. Именно так был поставлен этот вопрос уже в двадцатые годы, и поэтому изучение художественного опыта и литературного процесса тех лет может и должно стать подспорьем в разворачивающейся в наши дни борьбе за высокоидейную и высокохудожественную литературу, к новым победам которой призвал на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК нашей партии Л. И. Брежнев.

Магистральной базой развития грузинской советской литературы стала, в первую очередь, национальная реалистическая литература; развитие и углубление ее традиций происходило, с одной стороны, путем решительной борьбы и преодоления примитивизма, языкового натурализма, риторики, внутренние обедненных, сбветшалых форм, а с другой стороны, путем столь же решительного и недвусмысленного отрицания грузинской советской литературой чуждой, неприемлемой для нее линии декадентства в искусстве, противоположного усложнения художественно-изобразительных средств, аморфного, безжизненного, выхолощенного, приподнятого на котурны бездушного «чистого искусства», проповедовавшего искусство ради искусства, форму ради формы.

Именно благодаря расширению творческих возможностей реализма, обогащению индивидуальных изобразительных средств и оригинальных поэтических приемов, освоению новых форм, новых красок, новых интонаций, проникновению в глубинные пласты человеческой души и психологии лучшие писатели двадцатых годов сумели придать новое звучание и настроить на новый лад инструмент грузинской литературы, заложить прочную основу социалистического реализма.

Литература извечно была синонимом прекрасного, вдохновенного, возвышенного и благородного, или, говоря словами В. Барнова, синонимом «неотвратимости истины, неколебимости добра, незапятнанности красоты». Эти понятия, перешедшие от литературы в самую душу народа, живут как символ неразделимого единства народа и литературы. В этом смысле художественная форма является средством воплощения идеи, мысли.

Истинная литература всегда была не только проповедницей передовых идей, но и превращала эти идеи в художественный феномен, обладающий эстетическим значением. Идеи добра, справедливости, гуманизма обретают тем более высокий смысл и идейно-воспитательное значение, чем более возвышенны и многообразны художественно-эмоциональные средства и возможности, использованные для воплощения этих идей. И наоборот: насколько слабой и невыразительной предстает художественная сторона произведения, настолько же слаба и беспомощна сила его воспитательного воздействия на читателя. Это азбучная истина художественной литературы, искусства вообще.

Все литературные бои и дискуссии двадцатых годов во имя подъема и расцвета советской литературы имели основной целью именно осознанное желание открыть и освоить художественные формы, способные адекватно отобразить новую действительность, которая оказывала животворящее воздействие и на эстетическую сторону воспитания человеческой души.

Подлинно высокая литература, воистину прекрасная поэзия всегда жили под одной крышей с породившим их народом, были нераздельны с ним, деля его беды и радости. Революционная Грузия, вставшая плечом к плечу с обновленной октябрьской бурей великой Россией, обогатила новым содержанием, придала новые формы этому прочному союзу литературы с народом. На этой почве и только на ней создавались лучшие произведения грузинской советской литературы двадцатых годов.

Литература всегда занимала важнейшее место в духовной жизни каждого народа. Больше того, именно мастера художественного слова создавали и делали достоянием веков наиболее запоминающуюся и интересную летопись народов, стран, эпох. Но, мне кажется, нет другого такого народа, в истории которого литература сыграла бы столь огромную и решающую роль, как та роль, которую сыграла грузинская литература в истории своего народа. Грузинская литература не только отобразила и с точностью летописца описала героический и в то же время трагический путь, пройденный грузинским народом на протяжении его истории, но и закалила, сплотила и возглавила его в борьбе с многочисленными внешними и внутренними врагами.

В горе и радости грузинская литература всегда стояла плечом к плечу со своим народом, вдохновляя, подбадривая, призывая его к стойкости, и тем самым смогла пронести через разрушительные исторические грозы и ураганы национальную самобытность и чувство независимости.

Ру斯塔вели был детищем и порождением Грузии, но ведь именно автор «Витязя в тигровой шкуре» стал тем, кто принес своей родине бессмертие. Именно грузинская литература содействовала и способствовала национальному становлению грузинского народа, формированию грузинской нации. Грузинская литература жила жизнью народа, сражалась и трудилась вместе с ним, и грузинский народ никогда не сможет позабыть те заслуги, которые имеет перед ним литература XIX столетия.

В 1801 году Грузия присоединилась к России. Грузинская литература, приобщившаяся к передовым силам народно-демократической части русской литературы, сохранила жизнестойкость и национальную самобытность. Она встала во главе духовной жизни народа, возглавила его борьбу за национальное и социальное освобождение. Эта вера пронизывала лучшие произведения грузинских писателей той эпохи и от них передавалась народу: «Нет, не умер, лишь дремой охвачен, но проснется и встанет народ...», «Перестанем грустить о минувшем — людям надо грядущее дать!..». И именно за это грузинский народ наделил Илью Чавчавадзе и Акакия Церетели высочайшим титулом духовных вождей.

Весьма показательным фактом истории нашей литературы является то, что именно в разделенной на отдельные части, обессиленной раздорами Грузии взросла и прозвучала идея объединения.

Литература всегда была верной помощницей народа в борьбе за дело защиты родного языка и национальной самобытности. Несмотря на все трудности, открываются грузинские газеты и журналы, театры (в Тбилиси, Кутанси, Батуми). Царские чиновники запрещали обучение на грузинском языке. Однако Общество по распространению грамотности среди грузин, при содействии банка, председателем правления которого был Илья Чавчавадзе, сумело добиться открытия начальных школ с обучением на родном языке в городах и селах Грузии. Литература выступала и в качестве защитницы интересов трудового народа в его борьбе против социального и национального гнета.

В силу перечисленных выше причин роль и значение грузинской классической литературы в истории своего народа были неизмеримо велики. Но все сказанное относится к литературе прошлого, тогда как здесь речь идет о советской, современной литературе. Каково ее положение, значение и роль?

Грузинский народ с полным правом гордится не только своим славным и величественным прошлым, но и достижениями современной литературы и искусства. Грузинская советская литература получила в наследство богатую сокровищницу классического наследия и еще более обогатила и развила ее. В наше время единство народа и литературы стало еще крепче, неразделимое.

На протяжении шести десятилетий грузинская литература стоит рядом с народом, дышит и живет его духовными интересами. Грузинская советская литература в эпоху после победы и утверждения новой жизни зародилась, выросла и расцвела, превратившись в большую эстетическую силу. Она рождена советской действительностью и, в свою очередь, верно и последовательно выполняет важную роль в деле утверждения и расцвета советской государственности, советского общественного строя.

На протяжении этих шестидесяти лет не было в жизни буквально ни одного значительного государственного или общественного события, явления или факта, который бы не нашел соответствующего отражения в советской литературе. Пройдут годы, появятся иные, новые поколения, и они смогут точно восстановить и воспроизвести дух и облик нашей эпохи, узнать те интересы, мысли и настроения, какими жил наш народ. Основываясь на книгах советских писателей, они смогут так же понять и прочувствовать сложный характер нашей эпохи и повседневной действительности, как сегодня наше поколение постигает жизнь минувших эпох и поколений, воскрешает их живой облик в своем воображении по бессмертным памятникам великой классической литературы.

Грузинская советская литература завоевала всеобщее признание не только у нас в республике, но и за ее пределами. Могучие крылья для подобного взлета она получила именно в наше время. Благодаря им обрела возможность выхода на широкую всесоюзную и международную арену не только современная, но и классическая наша литература. Это — историческое достижение советской эпохи, ленинской национальной политики.

На протяжении семи столетий сиял нам образ Руставели, подбадривая и вдохновляя, воспитывая в сознании национальную гордость. Но ни одному поколению наших предков, начиная с XII века, не довелось вывести этого великого мыслителя, одного из крупнейших поэтов Возрождения и его творение за наши национальные границы. И только Советская Грузия дважды отметила юбилей своему славному песнопевцу, познакомив весь мир с творчеством гениального поэта.

Точно так же и другие сокровища нашей духовной культуры получили всеобщую славу и признание только в наше время. Советская эпоха вызвала небывалый подъем и расцвет не только современной литературы и искусства, но и воскресила, заново возродила к жизни и сделала достоянием всего мира замечательные творения национальной культуры прошлого. Именно в силу этого многие образцы грузинского искусства и письменности вошли в сокровищницу всемирных ценностей.

В наши годы были переведены на русский и многие другие языки братских и зарубежных народов, сделавшись достоянием всей мировой культуры, лучшие образцы грузинской классической и современной литературы: произведения Руставели и Бараташвили, Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, Важа Пшавела и Галактиона Табидзе, К. Гамсахурдиа и М. Джавахишвили, Г. Леонидзе и Л. Киацли...

Один из наших больших друзей-поэтов, выступая на Декаде грузинского искусства и литературы, проходившей в Москве в 1958 году, сказал по поводу грузинской литературы: — Современная грузинская литература заметна со всех уголков земли, как высокая вершина Эльбруса...

Да, именно на такую высоту возвела, именно на такой необъятный простор вывела Советская Грузия свое детище — грузинскую советскую литературу.

Но до того, как достичь такой славы и всемирного признания, грузинская литература прошла довольно сложный и противоречивый путь развития.

День 25 февраля 1921 года, когда был заложен фундамент Советской власти в Грузии, стал вехой исторического поворота в жизни грузинского народа, вступившего в новую эру — эру социализма.

С этой памятной даты был открыт путь для развития новой культуры грузинского народа — национальной по форме, социалистической по содержанию. Советское государство, положив конец империалистической интервенции и гражданской войне, взялось за восстановление народного хозяйства и мирное экономическое строительство. Необходимо было залечить раны, нанесенные военными годами, возродить производство, промышленность, транспорт, поднять из разрухи сельское хозяйство. Перед партией встал вопрос о выработке новых путей и

направлений во всех отраслях хозяйственной жизни страны. Политика военного коммунизма, ставшая необходимой в тяжелые годы гражданской войны, теперь должна была быть заменена новой экономической политикой, более соответствовавшей новой обстановке и задачам мирного строительства. И партия вплотную занялась выработкой новых путей экономического строительства. Это была сложнейшая задача, решение которой требовало напряженной работы на всех фронтах производства и хозяйствования.

В тот период все надежды классовых врагов, всевозможных контрреволюционных элементов — меньшевиков, эсеров, анархистов, белогвардейцев, буржуазных националистов — были связаны с использованием тяжелого экономического положения нашей страны, раздуванием розни и недовольства среди рабочего класса и крестьянства. Но верная и прозорливая политика ленинской партии обеспечила успех социалистического строительства и разрушила все планы враждебных сил.

Одновременно с успехами социалистического строительства и восстановлением народного хозяйства в Грузии преобразалась вся общественная жизнь, менялось не только политическое и экономическое положение народа, но соответственно и сознание людей, их духовный мир.

Революционное преобразование социальной общественной жизни повлекло за собой значительные перемены в сознании людей. Но, согласно известному марксистскому положению, оно отстает в своем развитии от их экономического положения. Поэтому не случайным было то обстоятельство, что в первые годы после установления Советской власти в Грузии одна часть старого поколения грузинской интеллигенции не сразу и не без колебаний встала на сторону новой власти.

Первые годы после победы Советской власти в Грузии — период перехода на мирную деятельность по восстановлению народного хозяйства нашей страны (1921 — 1925 гг.) — были отмечены в грузинской литературе проявлениями острой классовой борьбы. Так же как не утихала и не прекращалась тогда вообще социально-общественная борьба, не снижалась ее острота и напряженность и на литературном фронте. Именно поэтому в первые годы после установления Советской власти в Грузии по-прежнему продолжали существовать или даже заново возникали литературные группы и школы несветского, антиреалистического направления, выражавшие буржуазно-декадентские идеи.

Однако основное, магистральное направление развития грузинской культуры той поры определялось сосредоточением кормила общественной жизни в стране в руках рабочего класса и трудового крестьянства, торжеством в ней диктатуры пролетариата. Этот исторический фактор и обеспечивал успешное развитие советской литературы.

С другой стороны, тогдашняя борьба пролетарской литературы за решительный переход на платформу социалистической культуры подкреплялась той богатой традицией, которая была накоплена ею еще в дооктябрьские годы.

Известно, что магистральный путь грузинской литературы, передовой поток реалистической классической литературы сформировался в решительной борьбе против антиреалистических школ и направлений всякого рода. Прогрессивная традиция классической литературы XIX века, воплотившиеся в ее лучших образцах традиции патриотизма, гуманизма, демократизма были подняты на новую ступень молодым поколением революционно-демократической литературы 90 — 900-х годов (Э. Ниношвили, И. Евдошвили, Ч. Ломтатидзе, Ш. Арагвиспирели и др.). Центральной темой литературы того периода становится жизнь революционного рабочего класса и революционное движение. На страницах социал-демократической прессы большое место стала занимать революционная поэзия.

С того времени литература непосредственно связана с историей революционного рабочего класса. Ее удельный вес особенно увеличивается в грозные дни революции 1905 года. Затем, несмотря на бурный натиск черных лет реакции, эта традиция в определенной мере была сохранена в борьбе против декадентских литературных школ. В эпоху, предшествовавшую Октябрьской социалистической революции, в мрачную пору последних лет царской России, именно революционная литература стала выразительницей идей рабочего класса, его художественным словом, значение которого все более возрастало.

Величайшее определяющее воздействие на грузинскую литературу того периода, на становление ее революционного характера оказало творчество основоположника литературы социалистического реализма Максима Горького. Революционные идеи великого пролетарского писателя нашли широкий отклик в грузинской литературе. Один из представителей кружка Иродиона Евдошвили так писал о роли Максима Горького в развитии грузинской литературы тех лет: «М. Горький был у всех на устах, но особый восторг вызвал он в среде молоде-

жи. Первым вопросом при наших встречах друг с другом был: — Читал Горького?»¹.

Боевой голос Максима Горького громко отозвался в грузинской литературе 90—900-х годов. Его бунтарский призыв: «Пусть сильнее грянет буря!» — нашел широчайший отклик в грузинской литературе периода, предшествовавшего Октябрьской революции. И чем ближе становились дни революции 1905 года, тем громче звучал этот мужественный голос. Его не смогли заглушить ни черные годы реакции, ни мрачные дни первой мировой войны. Так, еще до установления Советской власти эта школа принесла в Грузию свою реалистическую революционную традицию.

После же победы Советской власти в Грузии она обрела еще больший размах и влияние. Это обстоятельство помогло передовым грузинским писателям той поры в их борьбе за советскую литературу.

Советская власть поставила перед грузинской литературой совершенно новые, небывалые до того задачи. Литература должна была встать рядом с новой, народной властью в борьбе за преобразование жизни, защитить принципы государственности новой Грузии, способствовать утверждению и упрочению советского строя, обнаружить и воплотить первые ростки социалистической действительности, следовать, не отставая ни на шаг, за социалистическим строительством и на этом фоне нарисовать образ строителя нового мира — советского человека.

Такие задачи никогда прежде не вставали перед литературой. Наоборот, писатели всегда почитали своим священным долгом защиту интересов народа от самодержавного государства и борьбу против существующего государственного устройства. В те времена союз литературы с народом подразумевал как раз соединение их усилий во имя свержения царящего правопорядка. Новое государственное устройство, советский строй, приведший к победе и утверждению народовластия, напротив, требовали от писателей защиты народного строя — Советской власти — от имени и во имя народа. Пафос ломки старой государственности должен был смениться пафосом защиты и утверждения нового строя.

2 марта 1921 года к общему собранию работников искусств Грузии от имени грузинского ревкома обратился Шалва Элиава, который сказал: «Мы станем оказывать писателям, деятелям культуры и искусства всемерную помощь и поддержку, поскольку мы придаем вашей деятельности государственное значение».

Да, Советская власть оценивала работу писателей, так же как и всех деятелей идеологического фронта, исходя из партийных критериев. Выдвинутый и аргументированный В. И. Лениным принцип партийности литературы определял всю работу писателей и писательских организаций.

Советская власть открыла широкую дорогу для развития советской литературы. Талантливая писательская интеллигенция грузинского народа обрела широчайшее поприще для своей деятельности. Но, несмотря на это, борьба за советскую литературу происходила в достаточно сложных условиях, особенно в первые годы.

Как уже было отмечено, литераторам, придерживавшимся магистральной пути развития советского искусства, приходилось в тот период вести борьбу с теми писателями старого поколения, которые ко всему новому относились с недоверием и подозрительностью. Тот факт, что коммунизм, говоря словами Ленина, приходилось строить из массового человеческого материала, испорченного столетиями и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, так же как и то, что социалистическое общество приходилось создавать в условиях враждебного, капиталистического окружения, разумеется, неизмеримо осложнял задачу борьбы за советскую литературу.

Таким образом, в первые годы после установления Советской власти в Грузии происходила ожесточенная борьба в защиту магистральной линии советской литературы. Основное ядро литераторов тех лет, отстаивавших передовые традиции революционной литературы, интересы советского искусства, ведших непримиримую борьбу с антиреалистическими группировками, составляли лучшие писатели молодого поколения и передовая часть тех литераторов, начало творческой деятельности которых относится к предшествующему периоду.

При оценке и характеристике грузинской литературы первых лет после установления Советской власти (1921 — 1925 гг.) невозможно обойти молчанием антиреалистические литературные школы, существовавшие в те годы и проявлявшие себя в различных формах. В связи с этим необходимо дать краткую характеристику этих школ и их оценку с позиций современной советской литературоведческой науки.

¹ «Картули мцерлоба» («Грузинская литература»), 1926 г., № 5.

* * *

Литературная корпорация «Голубые роги» была создана в 1915 году в городе Кутаиси. Первый журнал, выпущенный членами этой группы, появился на свет в июне 1916 года. В группе объединилась чрезвычайно талантливая молодежь, большинство которой получило образование в Европе и России. Многие из них лично были знакомы с европейскими и русскими модернистами, получившими широкую популярность в первые десятилетия века. Голубороговцы увлеклись формалистическими исканиями символистов и вслед за ними постарались пересадить на грузинскую почву теорию и практику декадентства.

Эта группа выступила на арену с резкой критикой положения, сложившегося в то время в грузинской литературе, обьявив войну грузинскому классическому и современному реализму, причем под прицел попала в значительной мере революционно-демократическая литература. Голубороговцы видели путь избавления грузинской словесности от «литературной банальности» в модернизме. На протяжении 15 лет атаковала эта группа реализм и языковой натурализм, проповедовала «искусство для искусства», разделяя идеалистически-субъективистскую философию декаданта.

Но в то же время объективно и субъективно это была самоотверженная борьба за обновление грузинского стиха. В этом отношении голубороговцы предстают в грузинской литературе как монолитная и боевая группа.

Ее создателем и редактором журнала «Голубые роги» был Паоло Яшвили, до конца оставшийся лидером этой группы. Сандро Цирекидзе справедливо заметил: «Дирижер везде и всюду, Паоло Яшвили был смелым архитектором ордена. Подобно атланту, он на обеих руках держал всю тяжесть «Голубых рогов»...

На страницах других газет и журналов разногласия голубороговцев отражения не нашли. И идеологически, и организационно они предстали как корпорация, объединенная единым принципом и единой идеей. На всех собраниях, диспутах, публичных выступлениях члены этой группы вместе отстаивали кредо модернизма и совместно атаковали лагерь противников.

«Находиться на левом фронте для умных и сознательных людей всегда означает искать новое», — утверждал П. Яшвили. Под этими словами он подразумевал оппозицию к существующему порядку вещей, борьбу против всего устаревшего. Голубороговцы пришли в грузинскую поэзию с претензией на создание новой поэзии и объединили этот новый литературный путь с национальным и русским символизмом, с модернизмом вообще. В связи с этим рождается вопрос: имела ли в Грузии почва для произрастания символизма?

Общезвестно, что литературный декаданс, как и вообще модернизм всякого рода, явился порождением капиталистической эпохи. В Грузии развитие капитализма на собственной национальной почве никогда не достигало стадии империализма, но поскольку, начиная с 90-х годов, страна оказалась вовлеченной в орбиту промышленного капитализма, поскольку она превратилась в одно из звеньев мировой капиталистической системы, постольку нравы и обычаи капиталистического образа жизни нашли выражение и здесь.

Поиски средств обновления грузинской литературы среди европейских литературных моделей начались еще на исходе XIX столетия. Проповедь «пересадки» на грузинскую почву европейских стандартов начала газета «Квали» и журнал «Моамбе». Именно на этом перекрестке эпох появляются в грузинской прессе переводы произведений Эдгара По, Метерлинка, Гауптмана и других. В Грузии многие с увлечением читали русских и зарубежных символистов, их именами и авторитетом судили и оценивали творчество отечественных писателей. Принципы и формы модернистских школ проникли даже в творения писателей реалистического направления.

Для каждого внимательного исследователя проблемы очевидно влияние модернистской литературы на большинство грузинских писателей первого десятилетия XX века. Следы этого воздействия можно подметить даже в творчестве автора книги «Таризл Голуа» — Лео Киачели, положившей начало социалистическому реализму в нашей литературе. Можно говорить о нем и в связи с поэзией А. Абашели и, особенно, Галактиона Табидзе. Грузинские поэты не только с увлечением переводили произведения Эдгара По (так, его «Ворон» был переведен Важа Пшавела и С. Шаншиашвили), Метерлинка, Бодлера, Верлена и других, но и заимствовали их формалистические поиски. Именно здесь лежит исток чрезмерного внимания к формальной стороне произведений.

На фоне художественных достижений европейской литературы особенно бросался в глаза распространившийся в творчестве части грузинских писателей языковой натурализм. Это явление следует отличать от основного потока классического реализма. Языковой натурализм стал, по существу, выражением распада, декаданта той части реалистической литературы, которая потеряла связь с народным началом искусства и выродилась в бескрыло-натуралистические на-

блюдения над поверхностными жизненными явлениями, без проникновения в их классовую, историческую сущность.

В десятилетия XX столетия в обилии стали появляться образцы гражданско-революционной лирики, созданной выросшими из среды рабочих и крестьян непрофессиональными поэтами, которые, естественно, заслуживали особой поддержки и одобрения со стороны революционной прессы в годы разгула реакции. Но именно в этих стихотворениях проявилось с особой наглядностью и некоторое обеднение изобразительных средств грузинской поэзии. Эта слабая сторона непрофессиональной поэзии была немедленно использована адептами формалистического искусства, которые начали наступление против реалистической классической литературы вообще, главным образом — против реалистической концепции Илья Чавчавадзе, против революционной литературы. Они пытались представить дело так, будто причиной обеднения изобразительной стороны грузинского стиха была революционная тематика, гражданские мотивы, национальные элементы в литературе.

В действительности же истоки языкового натурализма следовало искать не в бессилии реализма, как творческого метода, а в массовом притоке в грузинскую литературу бесталанных личностей, прикрывавшихся ярлыком демократизма.

Так или иначе, фактом является то, что в начале XX столетия грузинская литература встала перед определенной альтернативой, отвечая на вопрос, какими путями, при помощи каких средств и возможностей должно было произойти возрождение грузинской литературы после того, как с арены ушли Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела: при помощи расширения рамок реализма или на путях модернизма?

Модернисты определенно связывали возможность обновления грузинской литературы и преодоления языкового натурализма с пропагандой декадентских учений и пересадкой на грузинскую почву их формалистических экспериментов: «Классические, традиционные формы стиха должны быть разрушены, чтобы утвердилась новая, модернистская структура, новая форма может возникнуть лишь из бесформенности». Опыту и художественным открытиям русского и европейского модернистского искусства были широко открыты пути в грузинскую литературу.

Включение экономики Грузии в систему международных капиталистических отношений, поражение революции 1905 года и разгул реакции, нарушение соотношения сил между революционными и реакционными началами в пользу последних, идеологическая растерянность части примкнувшей к революции интеллигенции, распространение языкового натурализма в литературе — вот тот комплекс исторических, социальных и культурных причин, которые обусловили выдвигание на передний план декадентского искусства. Широким фронтом началось наступление на реалистическую и революционную грузинскую литературу. В принципе это было единоборство двух мировоззрений, двух направлений в литературе — реалистически-революционного и субъективистски-декадентского. И в этой идейной борьбе модернисты умело использовали слабости и недостатки лирического большого творческой фантазии и художественной ценности творчества бесталанных поэтов, оказавшихся в плену языкового натурализма. Они обратили их художественные слабости в оружие идейной борьбы и повели наступление на реализм вообще.

Наиболее последовательной модернистской школой в Грузии оказались голубороговцы. Именно поэтому они поставили себе целью, вслед за русским и европейским модернизмом, отвлечь грузинскую литературу от пути реализма, отдалить ее от революционного движения, заставить отказаться от принципов служения интересам народа, родной страны. Подобно своим европейским собратьям они утверждали: теория «искусство для народа» унижает литературу... Литература, искусство не служат никому и ничему, кроме самих себя. Полная изоляция литературы от общественной и политической жизни — вот, по их воззрениям, достойная задача. Поставив себе целью борьбу за «искусство для искусства», «возвышенную и чистую поэзию», голубороговцы уже с первых номеров выпущенного ими журнала повели активное наступление на великих грузинских реалистов-шестидесятников, которые проповедовали главной задачей литературы служение народу.

«Абсолютно не случайным было то, что борьба поколений в шестидесятые годы разгорелась вокруг двух поэзий, — писал Тициан Табидзе. — Это была скорее даже не борьба двух поколений, а борьба двух культур. Борьба старой и новой идеологии».

В течение многих лет голубороговцы продолжали активно атаковать общественно-гражданскую лирику и, исходя из этого, литературу XIX столетия.

Грузинские символисты, подобно европейским и русским, начали проповедь учения о существовании двух миров — реального и ирреального. Основой эсте-

тики голубороговцев стал субъективный идеализм. По их представлениям, реальная действительность является лишь ложной, призрачной формой потустороннего мира. Задача литературы — прозрение «абсолютной», «вечной» действительности, но теми средствами, которыми обладает реализм, эта действительность непостижима и используемые им слова бесполезны для познания иного мира. Поэтому не описание явлений и фактов при помощи слов, а интуитивное постижение, выражение символами — вот единственный путь абсолютного познания. Реалистическому методу отображения действительности голубороговцы противопоставили символистский метод — постижение «иного мира» при помощи символов.

Голубороговцы полностью принимали учение символизма о потустороннем мире или, вернее говоря, о существовании двух миров. И мир поэзии является вторым, высшим, миром. И в соответствии с этим символ должен стать свяującym звеном, мостом между этими двумя мирами.

Апология мистицизма, религии, богомы, эротомании, уродства — вот что стало принадлежностью поэзии голубороговцев в тот период. Эти мотивы декадентского искусства нашли широкое отражение в их творчестве. Не только в своих манифестах и декларациях, но и в критических статьях и стихотворениях голубороговцы последовательно отстаивали основные принципы символизма.

Поскольку грузинские символисты, подобно своим французским и русским единомышленникам, сделали целью литературы выражение недоступного для обычного зрения и слуха потустороннего мира, естественно, что постижение непостижимого для обычного взора должно было совершиться при помощи необычных, неведомых до того литературе средств. Но этими средствами выступали символы — то нарочито затуманенные, необъяснимые химеры, то усложненные синтаксис и композиция стиха, то использование экстраординарных, мистических понятий... Следуя этим путем, они объявили литературу не принадлежностью народа, а уделом избранных, понятным узкому, камерному кругу ценителей и знатоков. Так начался поход против реализма.

Рядом с двойниками, мистификаторами, призраками и тенями грузинские символисты в поэзии поставили миф. Валериан Гаприндашвили опубликовал «Декларацию» («Новую мифологию») голубороговцев, в которой читаем следующее: «Пан умер, восторжествовало христианство... Величайшим мифом нового времени был Христос... Языческая и христианская мифология потеряли свою связь с нашим сознанием, и поэт теперь тоже стал искать иные объекты для своего творчества. В старые мифы никто уже не верит. В то же время нам нужен миф, мы его жаждем... Место богов занимают поэты и место древних античных героев занимают новые герои (Офелия и Гамлет). Так возникает новая мифология, героями которой становятся не боги, а поэты и созданные ими манекены...».

Все эти «выдумки» голубороговцев — «новый миф», двойники, закаты, миражи, химеры и т. д. — представляли собой попытку отдалить грузинскую литературу от активных общественных, жизненных вопросов, освободить ее от обязанности служения народу, обществу, подтвердить преданность теории «искусства для искусства». Отрицание действительности, стремление отмежевать искусство от жизни («Лирика — это башня из слоновой кости», — утверждал В. Гаприндашвили)¹, поиски выхода и избавления в мистицизме были отражением тех политических и социальных настроений, которые темной тучей закрыли горизонт нашей общественной жизни в годы реакции и первой мировой войны.

Грузинские символисты, эти талантливые молодые художники, тем не менее оказались неспособными разобраться в сложной и противоречивой действительности. Те годы отдаленно напоминали борьбу революционных и реакционных сил в буржуазной Франции в дни, последовавшие за Парижской коммуной. Если вначале французские символисты приветствовали Парижскую коммуны и «баррикадные дни», революционная тема находила отражение в их творчестве, то после ее поражения в их поэзии все сильнее звучали мотивы мистики и упадочничества.

¹ «Мечтающие газели», 1921 г., № 5.

Продолжение следует

Элгуджа ХИНТИБИДЗЕ,
доктор филологических наук

*Литературные
связи*

Литературные связи древней Грузии

РАЗВИТИЕ литературной мысли в древней Грузии имеет продолжительную историю. Еще в период раннего средневековья здесь начала формироваться оригинальная литература, достигшая своего расцвета в XII веке. Но этот процесс шел не замкнуто, а в тесном контакте с соседними культурными странами, такими, как Сирия, Византия, Армения, Аравия, Персия, Россия.

Благодаря своему географическому положению Грузия всегда поддерживала культурные и политико-экономические связи как с Востоком, так и с Западом. Можно предположить, что интересы грузинского общества в основном были направлены в сторону западной культуры и идеологии — во всяком случае, Грузия до конца оставалась верной христианству, ставшему официальным вероисповеданием в IV веке. В древнюю Грузию оно проникло из Сирии и Палестины. Эти культурно-религиозные контакты сопровождались и литературными взаимоотношениями.

Истоки грузинской христианской литературы прослеживаются в духовно-литературных очагах Палестины и Сирии с самого начала V века. Из Сирии — Палестины или из Каппадокии шла в Иберию первая пропаганда христианства (легендарная Нино Просветительница и исторические Сирийские отцы).

Из Палестины сюда проникала не только литература, переведенная с сирийского языка (агиографические «Жития» Симеона Столпника и Ефрема Сирина, источники сочинения Мартиврия Сабацимидели «О смирении и покаянии»), но и грекоязычная, византийская литература. Этому способствовали первые грузинские культурно-просветительные очаги в Вифлееме, близ Иеру-

салима, в монастыре святого Саввы, а в последующие века на Синае и в Крестовом монастыре Иерусалима.

В начале VI века, в 506 году, грузинская христианская церковь вместе с армянской выступила против постановлений Халкедонского всемирного собора и стала последовательно защищать монофизитскую христологию. Этот курс грузинского духовенства укрепился благодаря культурно-литературным взаимоотношениям с Арменией. В V—VII веках с армянского на грузинский язык переводят преимущественно библейско-эзегетическую литературу, а с грузинского на армянский — оригинальную агиографию («Мученичество Шущаник»).

Коренные изменения в армяно-грузинских литературных взаимоотношениях происходят в начале VII века, когда во времена католикоса Грузии Кириона грузинская церковь взяла курс на диофизитство. За этим последовало оживление культурно-литературных сношений с Византией и полемика с армянской церковью.

Тем не менее литературные отношения между Арменией и Грузией не прекращались. В IX—X веках армянские халкедониты переводят на грузинский язык «мученичества» святых армянской церкви (Вардана, Нерсеса, Аристака, Ортанеса, Осикиса, Григория, Даниела). Руководители грузинской церкви в этот период, по-видимому, не одобряли переводческую деятельность с армянского языка, чем можно объяснить встреченную без одобрения со стороны Стефана Мтбевари, которому был адресован эксерцит этого сочинения, попытка перевода «Толкования Псалмов Давидовых» Епифана Кипрского с армянского языка.

так и не законченного. В тот же период с грузинского языка на армянский переведились агиографические «жития» святых греческой и грузинской церковей («Житие епископа Дионисия»). В классический период древнегрузинской литературы, в XI—XII веках, переводческая деятельность в Армении и Грузии не была двусторонней, литература переводилась только с грузинского на армянский язык, причем в основном философско-догматического, полемического и историографического характера («Источник знания» Иоанна Дамаскина, «Теологические элементы» Прокла Диодоха с комментариями Иоанна Петрици, произведения Иоанна Синайского, Евстафия Никийского, а также краткий вариант «Жития Картли»).

Армяно-грузинские литературные отношения возобновились в XVIII веке, когда грузинские переводчики (Филиппе Каитмазашвили, Доситеоз Черкезисвили, Антоний Цагарели) стали интенсивно переводить с армянского теологические сочинения.

Важную роль в развитии литературной и общественно-философской мысли Грузии сыграло влияние арабской литературы и просвещения. Переводы с арабского языка осуществлялись в основном в Палестине—в лавре святого Саввы и на Синае—в грузинском монастыре; датируются они приблизительно IX—X веками. С арабского языка считаются заимствованными грузинские редакции «Балавариани», т. е. «Варлаама и Иоасафа». Грузинскую редакцию «Лимоняра», произведения Иоанна Мосха, связывают с арабским «Албустааном». С арабского языка считают также переведенными высокопоэтическое произведение «Мученичество Микела Сабацмидели» и другие агиографические произведения, такие как «мученичества» Романоса Нового, Пансофия Александрийского и отцов из монастыря святого Саввы, «Житие Иоанна Урхайского», «Взятие Иерусалима». С конца XI века из арабского мира в Грузию проникают так называемые арабские науки — астрология и медицина. Об этом свидетельствует дошедшая до нас астрономо-астрологическая и медицинская терминология. На арабских источниках зиждутся или непосредственно с арабского переведены древнегрузинские медицинские памятники того периода. Один из них («Медицинская книга»), датированный 1208—1210 годами, является свободной переработкой полного медицинского курса великого арабского философа XII века Аверроэса.

Древнегрузинская литература была тесно связана с великой персоязычной

литературой. В XII веке было переведено на грузинский язык известное произведение Гургани «Висо-Рацин». Предполагают, что еще тогда были переведены на грузинский язык «Шах-Намэ» Фирдоуси, «Вамек и Азра» Онсори, «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин», «Искандер-Намэ» Низами Ганджеви, а также анонимное «Иосеб и Зулейха», хотя древние переводы этих сочинений до нас не дошли.

Особенно плодотворными оказались культурно-литературные отношения с Персией в XV—XVIII веках, когда грузино-персидские культурно-литературные отношения способствовали оживлению культурной жизни Грузии. Поэтому естественно, что в условиях вековой политико-идеологической борьбы с Персией отдельные грузинские общественные деятели стали ориентироваться на персидскую литературную жизнь и переводить достижения этой литературы на грузинский язык.

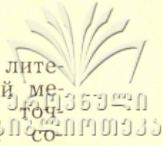
Начиная с XV века в грузинскую литературу заново входят «Шах-Намэ» и «Иосеб и Зулейха», «Лейли и Меджнун» и «Калила и Димна». Этот сборник восточных басен, известный в европейской литературе под названием «Стефанит и Ихнилат», знаком грузинским авторам еще с XII века. В XVI—XVIII столетиях в Грузии было создано шесть редакций этого сочинения, из которых по своим высоким художественным достоинствам выделяется вариант, переведенный Вахтангом VI и отделанный Сулханом-Саба Орбелиани.

После политического краха грузинского государства в XIII веке и завоевания турками Византийской империи в XV веке грузинская культура и литература долго искали путей к европейской христианской культуре, приобщение к которой стало возможно посредством русской литературы. Первые сведения о русско-грузинских политических и культурных связях относятся к периоду Киевской Руси. Регулярный и закономерный характер эти отношения принимают только начиная с XV—XVI веков. Следует отметить, что грузинская действительность находит отражение в памятниках русской литературы того же периода.

К тому же периоду относятся и первые опыты переводов с грузинского на русский язык.

Литература, переведенная с русского языка, охватывает почти все отрасли тогдашней жизни и все сферы знаний.

Древнегрузинская литература на протяжении всей своей долгой истории имела литературные связи и с другими народами. Выявлены памятники, переведенные с коптского языка; требуют дальнейшего исследования культурные отношения грузин с латинским миром.

«Однако особое место в этой области занимают вековые византийско-грузинские литературные связи, сыгравшие основную роль в становлении литературной и общественно-философской мысли древней Грузии.

Культурные отношения Иберии и Колхиды с греками прослеживаются с древнейших времен. Они становятся более очевидными с принятием Грузией христианства, когда с греческого языка на грузинский начинают переводить библейские книги, и принимают более систематический и целенаправленный характер с начала VII века, с утверждением в Восточной Грузии диофизитства.

Принятием диофизитства Грузия берет явную и прямую ориентацию на византийскую культуру, отстраняясь вместе с тем от нехристианского и монофизитского Востока. Начиная с этого периода грузинская культура приобщается через Византию к мировой христианской мысли. Ориентация на византийскую культуру не угрожала самобытности грузинской литературы. Грузинские общественные деятели стремились не слить грузинскую культуру с греческой, а развивать ее параллельно. Поэтому отношение грузинской литературы к греческой с самого начала сопровождалось церковным и культурным соперничеством с ней. Это обстоятельство постепенно начало играть существенную роль в этих отношениях и в дальнейшем определило своеобразие литературного процесса в Грузии: усиление интереса к оригинальной литературе, создание национальной агиографии, коренные изменения в гимнографии. Грузинские гимнографы изменили содержание литургических сборников, переведенных с греческого. Они внесли в них оригинальные грузинские гимны и узаконили их в литургической практике. Переводы с греческого, осуществленные в тот период, отличаются свободным отношением к оригиналу. В переводах текст изменяется, иногда добавляются, а порою опускаются некоторые пассажи. Такой перевод можно назвать своеобразной редакцией. В последующую эпоху эти переводы назывались, в отличие от греческих оригиналов, грузинскими редакциями.

К концу X века грузины создают крупный литературный центр в Греции, на Афоне. Представители этой литературной школы Иоанн, Евфимий и Георгий Мтацминдели (Афонские) продолжили курс культурного соперничества с Византией. Благодаря их деятельности стало особенно ощутимо богатство византийской литературы. Соперничество с византийской культурой и литературой требовало развития грузинской литературы. И в Грузии поставили перед собой цель: перевести с греческого

все, чего не хватало грузинской литературе. Изменился и переводческий метод: поставленная цель требовала точных переводов на грузинский язык сочинений святых отцов. Основательное освоение византийской литературы приобрело национальное значение. В результате неустанного труда Евфимия Афонского, Георгия Афонского, Ефрема Мцире, Арсения Икалтоели и Иоанна Петрици и их сподвижников это дело к XII веку было доведено почти до конца.

С XII века грузинская литературная мысль ставит те же проблемы, которые характерны и для византийской философии и литературы. Как правильно заметил Николай Яковлевич Марр, «грузины в X и XI веках интересовались в области философии теми же вопросами, какие занимали передовые умы тогдашнего христианского мира как на Востоке, так и на Западе, с тем отличием от других, например, от европейцев, что тогда грузины отзывались раньше других на наиболее новые течения философской мысли и работали во всеоружии образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно над греческими подлинниками».

Новая тенденция в византийской литературе конца X и начала XI века — это господство метафрастического стиля в агиографии. В тот же период эта новая тенденция была перенесена в грузинскую литературу Евфимием Афонским, который перевел девять сочинений своего великого современника Симеона Логофета и его последователей. Во второй половине XI века в Константинопольской академии происходит бурное развитие философской мысли на новой, прогрессивной основе, и грузины, учившиеся в этой академии, приобщались к этой новой философии, переносили и развивали ее на грузинской почве. Идеологами этого нового направления стали Михаил Пселл и Иоанн Итал. Сочинения Михаила Пселла переводятся на грузинский язык уже в первой половине XII века (в грузинском переводе сохранились два его трактата «О первенце» и «О праздниках»).

В Константинопольской академии воспитывались великие представители грузинской философской мысли начала XII века Иоанн Петрици и Арсений Икалтоели. Иоанн Петрици был одним из верных учеников и последователей Иоанна Итала, о чем пишет сам Иоанн Итал в адресованном Иоанну Петрици письме. В начале XII века византийская философско-литературная мысль продолжала развиваться на грузинском языке. Это было закономерное завершение той огромной работы, которая

была начата Афонской литературной школой и суть которой состояла в обогащении грузинской литературы через освоение памятников византийской культуры.

Закономерным развитием византийской философии на грузинском языке была философия Иоанна Петрици, который продолжает развивать и совершенствовать прогрессивное философское мышление этой эпохи. Он доказывает истинность христианских догматов на базе античной философии. Именно таким путем развивается христианская философия в Западной Европе в последующий период, с конца XII века.

Унаследовав и творчески освоив самые высокие ценности византийской литературы и философии, отдавая должное влиянию арабской науки и персидской поэзии, грузинское общество XII века создает свою собственную, национальную, оригинальную светскую литературу, вершиной которой является «Витязь в тигровой шкуре».

В развитии грузинской общественно-философской и литературной мысли XII столетия отмечаются те же принципиальные моменты, которые были характерны для прогрессивного христианского мышления Западной Европы позднего средневековья. Это типологическое сходство не покажется удивительным, если учесть ту важную роль, которую сыграла византийская теологическая и патристическая литература в формировании нового мышления как Европы, так и Грузии позднего средневековья.

В средние века важнейшим пособием христианской догматики считался «Источник знания» Иоанна Дамаскина, оказавший огромное влияние не только на греческую, но и на латинскую схоластику. Эта энциклопедия христианской догматики в грузинском мире существовала в трех переводах: к концу X века ее сокращенный перевод осуществил Евфимий Афонский; в 70-е годы XI века дословный перевод теологической части этого сборника на грузинский язык был осуществлен Ефремом Мцире, а на рубеже XI — XII веков — еще раз Арсением Икалтоели.

Одним из основных философских источников Иоанна Дамаскина была книга Немессия, епископа Емесского «О природе человека». В середине века она пользовалась большой популярностью как на Востоке, так и на Западе. Первый латинский перевод этого сборника был осуществлен в 1159 году, а на грузинский язык он был переведен почти на полвека раньше Иоанном Петрици.

У схоластиков как раннего, так и позднего средневековья большим авторитетом пользовался труд неоплатоника Прокла Диодоха «Теологические элементы». Краткий вариант этой книги был

переведен на арабский язык в IX веке и с арабского на латинский — в XII. Фома Аквинский опирался на эту переводку, известную тогда под названием «Книги Причин». Для Фомы Аквинского в 1268 году «Теологические элементы» переводили с греческого, и латинский схоластик установил, что «Книга Причин» была лишь краткой редакцией работы Прокла Диодоха. Однако почти за 150 лет до этого, в начале XII века, Иоанн Петрици перевел это сочинение на грузинский язык и истолковал его почти в том же духе, что и Фома Аквинский.

Весьма важное влияние на развитие европейской философско-литературной мысли в средние века оказал так называемый ареопагитический корпус, то есть пять теологических трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита. В середине второй половины XI века этот корпус был точно переведен на грузинский язык и снабжен весьма ценным предисловием Ефремом Мцире.

И наконец, тот огромный интерес к Аристотелю, который проявлял латинский мир в позднем средневековье, был свойствен и для грузинского общественного мышления в XII веке. Грузинские мыслители не только ценят Аристотеля и опираются на его философию, но и переводят его на грузинский язык. В начале XII века Иоанн Петрици делает переводы логических сочинений Аристотеля: «Топика» и «Пери ермения».

Таким образом, вековые литературные контакты с византийским миром создали для грузинского общества такой литературно-философский фундамент, опираясь на который можно было развивать средневековое мышление в новом, прогрессивном направлении.

Литературные отношения Грузии с Византией не были односторонними. Грузинский народ, грузинская культура также внесли свой вклад в формирование и развитие многонациональной византийской литературы. Вклад Грузии в развитие византийской литературы — это проблема, которая исследуется поколениями грузинских ученых. Созданы многие гипотезы, разработаны многие теории. Особого внимания заслуживают следующие факты.

С грузинского языка на греческий переводились оригинально-грузинские сочинения.

Евфимий Афонский — автор таких оригинальных сочинений, написанных на греческом языке, как «Подвижнический устав для отшельника», пока известный только в грузинском переводе, и несколько гимнографических канонов и молитв, помещенных в греческой рукописи Афонской горы № 4650 (по описанию П. Ламбросия).

Полагают, что на греческом языке писали свои сочинения и другие грузинские авторы, среди которых следует особо отметить Григория Бакурианидзе, автора «Устава Петрицкого монастыря», важнейшего памятника византийской канонической литературы.

Некоторые византийские авторы по национальности были грузинами, что послужило основой для создания многих гипотез. Естественно, не все из этих гипотез одинаково убедительны, однако некоторые из них популярны в нашей науке. Профессор Ш. Нуцубидзе разработал интересную гипотезу об идентификации Псевдо-Дионисия Ареопагита с Петром Ивером. По его мнению, известный византийский автор VI — VII веков Иоанн Мосх, который писал как по-гречески, так и по-грузински, по национальности грузин. Ш. Нуцубидзе считает, что грузинская версия «Лимонаря» написана самим Иоанном. Исследователь признает также Иоанна Мосха автором грузинской версии «Балавариани».

По мнению профессора Корнелия Кекелидзе, известный византийский мистик IV века Евагрий Понтийский также был грузином. Доказательством своей гипотезы Корнелий Кекелидзе считает тот факт, что в некоторых редакциях «Лавсаикона», автор которого ученик Евагрия Паладий Еленепольский, указывается, что Евагрий по происхождению из Иберии.

Молодой грузинский исследователь Заза Алексидзе выдвинул теорию об идентификации известного деятеля византийской империи VII века Кирса Александрийского с Картлийским католиком Кирином.

В 1962 году мы выдвинули гипотезу, согласно которой известные каппадокийские авторы IV века братья Василий Великий и Григорий Нисский происходили из одного племени Западной Грузии.

В подтверждение этой гипотезы мы привели следующие аргументы: 1. Василий и Григорий Каппадокийские и весь их род жили в тех районах Восточного Понта, основное население которых составляли грузинские племена. 2. Кроме грузинских племен, эту территорию населяли также греки и армяне. По данным первоисточников, Василий не был ни греком, ни армянином. 3. Биографы и современники Василия называют его каппадокийцем. В византийской историографии этого периода каппадокийцы отождествляются с месхами. Мы считаем, что, независимо от достоверности византийских источников, как Василий, так и Григорий, называя себя каппадокийцами, тем самым признавали себя месхами. 4. Ближайший друг и биограф Василия Григорий Назианзин

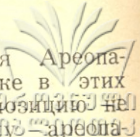
считает предков и родственников Василия наследниками древнего Колхидского царства, а сказания, связанные с Колхидским царством, — сказаниями рода Василия и Григория.

Из вышеперечисленных литературно-исторических проблем византиско-грузинских взаимоотношений наиболее популярными являются вопросы об идентификации Петра Ивера с Псевдо-Дионисием Ареопагитом и об авторстве византийского романа «Варлаам и Иоасаф». Эти вопросы давно потеряли свое локальное значение только для грузинской филологии и являются важными проблемами современной византистики. Поэтому разрешите остановиться на них более подробно.

В 1942 году академик АН ГССР Ш. Нуцубидзе в статье «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита» и в 1952 году бельгийский академик Эрнест Хонигман в монографии «Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита» независимо друг от друга пришли к выводу, что таинственный автор так называемых ареопагитических сочинений, которые сыграли исключительно важную роль в формировании философской мысли в средние века и затем в эпоху Ренессанса, — известный отшельник и святой отец Византийской империи V века, грузинский царевич Петр Ивер.

Основные аргументы этой гипотезы таковы: 1. Ареопагитические сочинения созданы во второй половине V века, в период деятельности Петра Ивера. 2. Эти книги вышли из кругов сирийских монофизитов, духовным вождем которых был Петр Ивер. 3. Петр Ивер по своему интеллекту и эрудиции, а также по диапазону теологических и космологических вопросов, входивших в сферу его интересов, вполне соответствует таинственной личности автора ареопагитического корпуса. 4. Дионисий Ареопагит в своих сочинениях часто ссылается на своего духовного учителя Иеротеоса. Вместе с Петром Ивером подвижничал его учитель Иоанн Евнух, который скончался 4 октября 465 года. 4 октября, как это обнаружил Эрнест Хонигман, по древней традиции сирийской церкви — поминальный день Иеротеоса, учителя Дионисия Ареопагита. В связи с этим Иеротеос отождествляется с Иоанном Евнухом, что дает возможность отождествить Дионисия Ареопагита с Петром Ивером.

Если сначала европейские византисты приняли эту гипотезу, то в последние десятилетия отношение к ней стало более скептическим. Толчком для скепсиса послужило исследование немецкого автора Иеронимуса Енгбердинга. Он перенес акцент на сферу разногласий между христианской церковью Востока и Запада и тем самым привлек внимание

к тому факту, что, согласно названной теории, автором святых ареопагитических книг является монофизит Петр Ивер, что никак не может быть принято диофизитской западной церковью. Именно поэтому западноевропейские ученые постепенно почти все отказались от этой теории. Симптоматичным является тот факт, что Рене Рок, главный оппонент этой теории в 60-е годы, с особым энтузиазмом нападает на тезис Хонигмана, согласно которому в ареопагитическом корпусе сохранились некоторые монотеистические положения. В последнее время вслед за европейскими византистами некоторые грузинские ученые также стали сомневаться в гипотезе Нуцубидзе — Хонигмана.

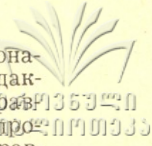
С нашей точки зрения, рассматривая этот вопрос, следует учесть следующее: 1. По мнению европейских ученых, Петр Ивер до сих пор остается единственным возможным кандидатом на авторство ареопагитических сочинений. Как отмечает Рене Рок, «Хонигман открыл дорогу, которая в один прекрасный день прямо или косвенно доведет нас до установления того, кто является таинственным Ареопагитом; однако пока еще эта идентификация не аргументирована. 2. Главный аргумент европейских ученых против этой гипотезы — это ортодоксальная диофизитность ареопагитических сочинений. По нашему мнению, с историко-филологической точки зрения вряд ли можно согласиться с этим. То положение, что ареопагитические книги с позиций сегодняшней ортодоксии являются диофизитными, не значит, что они считались таковыми и в конце V века. Это подтверждается следующими положениями: а) Несомненен тот факт, что ортодоксально-диофизитская позиция с V века до настоящего времени изменилась. Вполне допустимо, что эти изменения происходили в направлении сближения диофизитской позиции с ареопагитической теологией, поскольку она являлась почти единственной философской системой средневекового христианства; б) Текст ареопагитического корпуса в историческом аспекте пока не изучен. Вряд ли можно допустить, что мы имеем сегодня именно ту редакцию, которая была известна в пятом веке. Несомненен также тот факт, что ортодоксальная церковь на протяжении веков очищала ареопагитику от явно монофизитских положений. По нашему мнению, вполне допустимо, что ареопагитика в V веке склонялась к монофизитской теологии. Впервые ареопагитические книги появились в 532 году на Константинопольском церковном соборе; на них опирались монофизиты, а диофизиты опровергали ав-

торство апостола — Дионисия Ареопагита. Таким образом, в VI веке в этих сочинениях диофизитскую позицию не усматривали. Именно поэтому ареопагитические книги нуждались в диофизитском толковании, что и осуществили отцы ортодоксальной церкви — Максимий Исповедник и Германый Патриарх.

Изучение самого текста ареопагитических сочинений в грузинской науке значительно отстает от интереса к проблеме авторства ареопагитики. Грузинский перевод сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита был издан в 1961 году Самсоном Енукашвили, издание снабжено кратким древнегрузинско-греческим словарем и исследованием, в котором затронуты проблемы отношения грузинского перевода к греческому оригиналу и стилистико-морфологических особенностей грузинского текста. После этого ареопагитические сочинения в грузинской науке изучаются как филологами, так и историками литературы. Философов ареопагитика интересует как христианский неоплатонизм, а историки литературы видят в ареопагитике философский источник поэзии Шота Руставели и изучают ее в этом аспекте.

В грузинской филологии популярен также вопрос о грузинских первоисточниках жития Петра Ивера. О подлинности дошедшего до нас на грузинском языке сочинения о Петре Ивере, которое приписывают Захарию Грузину, а также о самом факте существования этого последнего высказываются противоположные мнения.

Не меньший интерес как в грузинской филологии, так и в византистике вызывает вопрос формирования и распространения популярного агиографического романа средневековья «Варлаам и Иоасаф». Долгие годы не смолкают споры о том, кто же все-таки истинный автор греческой редакции «Варлаама и Иоасафа», приписываемой по традиции Иоанну Дамаскину. У этой укоренившейся атрибуции появился серьезный конкурент. Это Евфимий Ивер, которого П. Пеетерс, опираясь на греческие, латинские и грузинские источники, считает автором греческой редакции «Варлаама и Иоасафа». Фр. Дельгер противопоставляет аргументам П. Пеетерса традиционное мнение. Несмотря на то, что точку зрения Фр. Дельгера не разделяют многие специалисты (Фр. Алкэн, М. Тархншвили, Д. Ланг, С. Туманов, П. Дево, А. Грегуар, К. Кекелидзе, Ш. Нуцубидзе, С. Каухчишвили, Н. Музурило, В. Лаурдас, Г. Даун), мнение о том, что автор греческой редакции «Варлаама и Иоасафа», по всей видимости, все-таки Иоанн Дамаскин, в византистике тем не менее довольно распространено. В последние годы эту гипотезу раз-

вил известный немецкий византист Х. Бек.

Критическое изучение аргументов в пользу как одной, так и другой кандидатуры, по нашему мнению, свидетельствует об авторстве Евфимия Ивера. Ни один из доводов, приводимых против его авторства, не основан на прочном фактическом материале, поэтому ставить под сомнение положение об авторстве Евфимия, опираясь на эти факты, было бы неправомерно. Авторство Евфимия Ивера, по нашему мнению, непосредственно доказывают следующие факты: 1. С первой половины XI века до наших дней на греческом, латинском и грузинском языках сохранились три независимых друг от друга свидетельства, по которым автором «Варлаама и Иоасафа» является Евфимий Ивер; 2. До эпохи Евфимия Ивера не существовало ни рукописей греческого «Варлаама и Иоасафа», ни подтверждений о наличии этих имен в синаксариях, ни какой-либо реминисценции, ни даже намеков на существование этого сочинения; 3. Произведение «Варлаам и Иоасаф» появилось впервые на Афонской горе, где подвижничал Евфимий Ивер; 4. «Варлаам и Иоасаф» — агиографическое произведение метафрастического стиля. Такое сочинение не могло появиться раньше конца X века; 5. Сравнение текстов греческой, арабской и грузинской редакций свидетельствует, что в той общей части, которую эти редакции имеют, греческий текст отличается от арабского и приближается к грузинскому, в свою очередь, зависящему от арабской редакции.

В грузинской филологии, кроме проблемы авторства «Варлаама и Иоасафа», популярен вопрос о соотношении двух грузинских редакций «Балавариани». Тексты грузинских пространной и краткой редакций параллельно были изданы профессором Ильей Абуладзе в 1957 году. В результате лингвистического изучения И. Абуладзе приходит к выводу, что из этих двух редакций первоначальным является пространный вариант, а краткий представляет собой сокращенное переложение пространного. К этому же выводу приходит и профессор Корнелий Кекелидзе.

Другие ученые (проф. Ш. Нуцубидзе и С. Каухчишвили) считают, что первоначальным является краткий вариант, а пространная редакция исходит из краткой. Существует и третья предположение: как пространная, так и краткая редакции грузинского «Балавариани» — независимые друг от друга переработки либо арабской версии, либо ныне утерянной третьей грузинской версии. Мы считаем научно аргументированным то

предположение, по которому первоначальной является пространная редакция. Исходя из этого, необходимо сравнить с греческой версией именно пространную грузинскую редакцию. Сравняться в первую очередь должны те части «Варлаама и Иоасафа», которые являются общими для грузинской и греческой редакций. В таких частях, согласно нашим данным, греческий «Варлаам и Иоасаф» более близок к грузинскому тексту и отдаленнее от арабского. В грузинской филологии получила подтверждение необходимость изучения греческих рукописей «Варлаама и Иоасафа» с целью выявления первоначальной редакции греческой версии. Установлено, что греческие рукописи XII века представляют более краткий вариант этой повести по сравнению с опубликованным текстом и что различия греческих рукописей XI века соответствуют грузинской редакции «Варлаама и Иоасафа».

Анализ византийско-грузинских литературных отношений не будет полным без определения значения грузинской литературы для византистики. Переведенная с греческого на грузинский язык обширная литература в настоящее время приобрела для нее новое, чисто научное значение.

Грузинские рукописи сохранили для нас переводы греческих сочинений, оригиналы которых до сих пор не обнаружены. Среди таких сочинений можно назвать: «Толкования Песни песней» Ипполита Римского, «Толкования Екклесиаста» Митрофана Смирнского, «Антилатинский полемический трактат» Евстафия Никийского, полемическую статью императора Юстиниана Великого «О праздниках», литургический сборник «Иерусалимский Канонар», канонический трактат о шестом Карфагенском церковном соборе. Исключительно интересный материал в этом отношении дает агиография. На грузинском языке сохранились древние кименовские редакции греческих агиографических сочинений, которые изданы профессором К. Кекелидзе в двух томах под названием «Кимены» (1918, 1946 гг.). Оригиналы почти всех помещенных в сборник сочинений до сих пор не установлены и требуют специальных поисков. Например, можно назвать сочинения арабского происхождения, которые на грузинский язык переведены с греческого, причем как арабские, так и греческие версии утеряны: «жития» Тимофея Антиохийского, Иоанна Урхайского, Агафангела Дамаскина, Иоанна Дамаскина. Весьма важное значение с этой точки зрения имеют также метафрастические агиографические сочинения. В

грузинских рукописях сохранился целый корпус метафрастических сочинений Иоанна Ксифилина, который вообще считался потерянным. Для примера можно назвать некоторые сочинения, которые в византийской литературе неизвестны: «Мученичество Евсохия», «Житие Диоса Константинопольского», «Мученичество Орентия и его сподвижников», «Мученичество Филотея». Фрагменты последнего из этих сочинений дошли до нас только на коптском языке.

Древнегрузинская письменность сохранила сведения о неизвестных византийских авторах, сочинения которых были переведены на грузинский язык еще до X века; некоторые из этих переводов сохранились до настоящего времени.

Не менее важное значение имеет то, что в грузинских источниках сохранились сведения о византийских авторах. Этому вопросу посвящены широко известные статьи профессора К. Кекелидзе: «Симеон Метафраст по грузинским источникам» и «Иоанн Ксифилин, продолжатель Симеона Метафраста».

Значение древнегрузинской литературы для византистики не ограничивается только вышеуказанным. Почти все древнегрузинские переводы памятников византийской литературы имеют определенное значение для византийской филологии.

Значение этих переводов в первую очередь заключается в том, что грузинские версии отдельных сочинений часто бывают более древними, чем дошедшие до нас греческие рукописи этих сочинений. Более того, древнегрузинский перевод почти всегда сохраняет самостоятельность, не учитывая которую на со-

временном уровне филологической науки было бы почти невозможно.

В качестве иллюстрации можно привести «Аскетикон» Василия Великого. Этот сборник дошел до нас как в греческом оригинале, так и в переводах на латинский, сирийский, арабский, коптский, армянский и грузинский языки. Сохранилось более 150 рукописей. На грузинском языке до нас дошли 4 редакции этого сочинения, которые представляют собой три разных перевода. Древнейший грузинский перевод осуществлен в первый период истории древнегрузинской литературы переводчиком Прокопием и сохранился в одной грузинской рукописи X века из Синайского монастыря. Именно этот грузинский перевод оказался самым важным из вышеуказанных 150 рукописей для восстановления древнейшей редакции «Аскетикона» Василия Великого.

В византиноведении в настоящее время восстановлены три древние редакции этого сочинения: X, У и Т. Первоначальной считается редакция X, восстановленная на основе четырех версий: грузинской (перевод Прокопия), краткой латинской, краткой сирийской и одной греческой рукописи IX века. Несмотря на то, что самыми древними списками редакции X являются латинские и сирийские манускрипты, относящиеся к VI и VII векам, редакция X главным образом основана не на латинской и сирийской версиях, а на древнейшем грузинском переводе. Как установлено на сегодняшний день, в ней несомненно сохранена более древняя и достоверная переработка, чем в какой-нибудь другой рукописи этого сочинения.

Б а с к и и г р у з и н ы

Теперь можно сгруппировать древнейшие термины: для обозначения народа — саспейр (Геродот), (h)есперит (Ксенофонт), сапейр (Аполлоний Родосский, Стефан Византийский), савеёр (Стефан Византийский), для обозначения территории — Свисспирит (Страбон), Сперия (Евсевий), Спер (грузинские и армянские исторические источники), Испир (турецкие источники).

Детальный морфологический анализ племенных наименований проделан академиком С. Джанашиа. Приняты прямо засвидетельствованные или предположительные формы:

сабер//собер//субер//сибер//сибир
савер//совер//сувер//сивер//сивир

С помощью этих форм этническое название естественно и непринужденно увязывается с более древним Табал-субар и с позднейшим названием населения Восточной Грузии. Вспомним: ибер (древнегреческая письменность), ивер, ивир (позднегреческая и византийская письменность), (h)ибер (римская письменность), (и)вир(к) (армянская письменность)¹.

«Сабер» и его разновидности становятся в ряд закономерных вариаций корня «тубал». С. Джанашиа пришел к выводу о том, что идентификация саспер-саберов с последующими иберами не только исторически неизбежна, но и допустима в языковом отношении. С чисто языковой точки зрения интерес представляет не только основа, но и сопутствующие ей элементы — аффиксы. Утвержденные Геродотом, Ксенофонтом и Страбоном формы дают нам префиксы: са//хе (или: е) //суи (или: су//со), и ключ к этим вариациям мы находим в грузинском языке².

Таким образом, «мост, который соединяет историческую Иберию — Картли с древним Востоком, освещается литературными источниками... Следует заключить, что Картли, Мцхетско-Армазское царство было всего лишь новым политическим образованием того народа, который в VI—V вв. до н. э. уже хорошо известен грекам под именем сапер-саберов и южные границы которого были еще не очень удалены от его родины. Большое значение для истории грузинской нации имеет то обстоятельство, что еще в первой половине V века из четырех величайших народов (персы, мидийцы, саспейры, колхи), проживавших на основной территории Передней Азии (кроме Передней Азии, Малой Азии и Аравийского полуострова), два народа — колхи и саспейры — были картвельского происхожде-

¹ С. Джанашиа, Труды, II, с. 61 (на грузинском языке).

² Там же, с. 62.

ния. Наименование «сабер» — «савир» принадлежит к табало-тубальской группе, и та историческая картина, которая рисуется в связи с терминами «сабер» — «савир», дополняет историю табал-тубалов и полностью согласуется с ней¹.

Установленная форма этого многообразного этнического наименования вплотную приближается к термину «субар-ули». Здесь мы сошлемся только на Р. Блейхштейнера, который считал, что субары были в близком родстве с табалами и мусками, и в самом наименовании **субарту** выделял суффикс -ту, который связывал с грузинским -ти. Австрийский ученый считал -су—префиксом и, таким образом, выделял как основу -бар-, и того же корня **и-мер**, **и-бер** и **муску**, **ба (а-бас-г)**. «Таким образом, — заключает Блейхштейнер, — если нас не введут в заблуждение эти сравнения слов, поражающие своеобразием чередования яфетических звуков в наименованиях су-мер, су-бар и ти-бар, ибер, с родственными им бас-к//мус-к, представлены три ветви родственных яфетических народов, которые в разное время вторгались в Междуречье»². Автор приводит сходные формы субарского и картвельских языков главным образом на материале имен собственных.

Как мы убедились выше, к основе «ибер» сводятся многие вариантные разновидности древнейших наименований картвельских племен.

В специальной литературе показано, что к той же основе «ибер» сводятся почти все иностранные наименования грузин, которыми пользовались народы Азии и Европы³. Известно, что армянское (и)вир(к) — «грузин» в форме множественного числа есть одно из ответвлений этой основы. Из формы родительного падежа древнего армянского наименования происходит новоармянское «врац». С той же основой связано также древнее персидское врк-ан, сирийское гур-з-ан, новоперсидское гур-дж, арабское джур-з, турецкое гур-дж. При посредстве иранцев и турок это наименование распространилось среди многих других народов, в частности — на Северном Кавказе. От той же восточной формы происходит русское грузин, древнейшая форма которого гурз-ин. С этой же начальной формой связано европейское наименование грузин⁴ (грузин европейские народы называют одним и тем же именем, только произносимым по-разному, в соответствии с требованиями языковой артикуляции и орфографии данного народа: жеорж, джордж, георг, гиорг и др). По словам академика Джанашиа, близкое внешнее сходство этой основы с основой имени собственного **Георг-Гиорг** давно уже породило и соответствующую народную этимологию этого имени — будто бы европейское наименование грузин связано с именем святого Георгия, в частности на почве широкого распространения культа этого святого в Грузии; но, с другой стороны, поскольку Георгий — греческое имя и оно этимологически связано со словом «земледелец», возникло и такое мнение, будто бы европейское наименование грузин генетически связано и с указанным греческим словом.

В действительности же основа европейского термина возникает на почве раннего итальянского произношения и транскрибирования коренной восточной формы основы «ибер».

До XII—XIII вв., а иногда и позднее, европейские народы употребляли то же наименование **ибер—Иберия**. Новое же название появляется в конце средневековья. Так, например, Иоанн де Пано Карпини, посол папы Иннокентия IV, францисканский монах, направившийся в Монголию в 1246 году, называет Грузию уже Георгианой. Известен ему, однако, и термин **ибер**.

Согласно исследованиям академика С. Джанашиа, распространенное в Европе наименование грузин получено из арабо-персидской формы (джурдж) на основе итальянского написания.

На основе всех вышеприведенных рассуждений можно сделать следующий вывод:

Всеобщее распространение основы «ибер» свидетельствует о ее древности и важном значении. Восстановлена древняя форма: иберани или (h) иберани.

В проблеме установления связи пиренейских иберов с кавказскими иберами фундаментальное значение имеет то, что иберы и Иберия — термины грузинского происхождения; эта основа коренится в наименованиях древнейших грузинских племен, сохранных историей в различных вариантах.

¹ С. Джанашиа, Труды, II с. 64.

² Сборник «Язык и история», с. 189. Эти сопоставления разделяет и акад. С. Джанашиа (Труды, II, с. 65).

³ С. Джанашиа, Труды, III, с. 50.

⁴ Там же, с. 51.

В. ЗАПАДНАЯ ИБЕРИЯ

Первые письменные сведения о том, что иберы жили на Западе — на Пиренейском полуострове, — принадлежат древнегреческому автору Гекатею Милетскому, жившему в VI веке до н. э. Эти же сведения мы находим и у других авторов. Как видно, иберы занимали первоначально территорию восточной и южной Испании, но затем, однако, иберийские племена распространились на территории всего Пиренейского полуострова. Отсюда мы получаем и название всего полуострова — Иберия.

Иберы, этот древнейший народ Западной Европы, переродился уже в античную эпоху.

После III века н. э. территорию иберов стали называть Испанией. Римляне широко распространили термин *Hispania*, греческий вариант которого *Hespania*. Происхождение его не совсем ясно, но очевидно, что это — наименование местного происхождения, один из древних этнических терминов иберского мира, содержание которого в дальнейшем расширилось и стало наименованием целого края¹.

Вспомним для аналогии термины «Галлия», «Британия» и т. п., которые в дальнейшем получили обобщенное значение.

Ясно, что нельзя принимать во внимание чисто литературную этимологию этого термина, согласно которой он якобы происходит из еврейского слова *sāp̄nîq* — «прятать», «покрывать» и обозначает скрытый край, т. е. далекую страну.

По словам Брута, наименование вытекает из финикийского слова *zarhan* — «мрак, полночь, север», поскольку Пиренейский полуостров находится где-то по ту сторону света от Финикии².

Как было сказано, начиная с VI века до н. э. в сочинениях греческих и римских авторов часто упоминаются западные иберы. Почти у всех авторов они названы в связи с грузинскими иберами. С соответствующими контекстами, т. е. с тем, что именно говорится в греко-римских сочинениях относительно иберов Пиренейского полуострова, читатель познакомится ниже.

Древние иберы, как было сказано, с течением времени исчезли и смешались с разными племенами. Сегодня их представителями являются баски — потомки исчезнувших племен, сохранившие отдаленные указания на типологию, лингвистический облик и историю этнологической группы своих далеких предков. Сведений, относящихся к периоду до VI века до н. э., история, как мы знаем, не сохранила, и в распоряжении ученых имеются только фрагментарные и весьма скудные материалы, отражающие покрытые мраком картины прошлого этой страны. Здесь же следует отметить, что над проблемами иберологии работают всемирно известные ученые, но многие вопросы, имеющие кардинальное значение, и поныне остаются спорными, являясь иногда предметом диаметрально противоположных суждений.

Относительно происхождения западных иберов существует несколько теорий.

Что можно сказать об этническом составе древней Иберии?

Высказаны следующие мнения: 1. Иберийский полуостров представляет собой пестрый этнический конгломерат, заселенный издревле различными племенами, в том числе иберами, которые были наиболее энергичными и склонными к экспансии, и поэтому весь край называли «Иберией». 2. На Пиренейском полуострове первоначально обитали родственные друг другу иберийские племена, к которым позднее постепенно добавлялись этнические группы другого происхождения.

Как предполагают, иберы, помимо Испании, жили в Северной Америке, Южной Франции, в северной части Италии, на Корсике и Сицилии, возможно, и в других регионах, в XV веке до н. э., когда они основали большую империю и боролись за господство на Средиземном море, воевали с египтянами и финикийцами. После того как на полуострове появились первые финикийские колонисты (около XI в.), единство и могущество Иберийской империи были заметно подорваны. Иберы сохранили независимость только в ее внутренних частях, тогда как земли, находившиеся под их владычеством, распались на отдельные государственные единицы. В VI—V вв. до н. э. территория иберов достигала реки Леса (около Монпелье) и граничила с антропологически отли-

¹ В. Ф. Шишмарев. Баскский язык. В книге «Очерки по истории языков Испании» М.-Л., 1941, с. 18.

² А. Брут. Землеописание известного древним света, II, 1930, с. 204.

чавшимся от них народом — лигурами. Несомненно, что на население Пиренейского полуострова большое влияние оказывали народы Азии и Африки!

Некоторые историки полагают, что к древнейшему населению Иберийского полуострова относятся лигуры. Начало этой гипотезе положил в начале прошлого столетия французский ученый Жюбенвиль. Затем, опираясь на историко-этнографические данные и на сведения античных авторов, эту теорию настойчиво отстаивал Жюлиан. Лигурийскую теорию разделяли также и некоторые советские ученые (Д. Кончаловский, В. Сергеев, Б. Казанов, Н. Марр и др.). По предположению Казанова, лигуров, которые в древнейшую эпоху жили на территории, простиравшейся от Пиренеев до Северной Италии, потеснили иберы, а каталонцы возникли в результате смещения иберов и лигуров¹.

Лигурийскую гипотезу не разделял целый ряд ученых (Филипон, Шухардт, Бш-Гимпер и др.), считавших древнейшими обитателями полуострова только и только иберов.

Н. Марр полагал, что этнический термин **лигур** — вариант **ибера**². Здесь же следует вспомнить слова Евстафия, комментатора Дионисия Периегета (XII в. н. э.): «Нужно знать, что, кажется, есть какие-то колхидские лигуры, которые произошли от европейских лигуров, как и Ликсфрон утверждает, что Китания³, город у колхов, — лигурийский город»⁴.

В этом контексте нужно отметить, что басков генетически связывали и с лигурами⁵.

Целый ряд ученых связывает иберов с ливийским племенем. Эту гипотезу поддерживал и Н. Марр. Помимо этимологических наблюдений, он ссылается на словарь Стефана Византийского, где отмечено: «Ливийцы — народ, соседствующий с колхами»⁶.

В связи со взаимоотношениями между Иберией и Ливией необходимо ознакомиться с точкой зрения И. Джавахишвили. Этот выдающийся советский историк приводит интересные высказывания Евсевия Кесарийского (III в. н. э.): «Мегасфен говорит, что Набукодросор, который был сильнее Геракла, после того как собрал боевую армию, достиг страны ливийцев и страны иберов, победил их, разгромил и покорил; одну их часть переселил в район Понта — на правом берегу моря».

«Мегасфен говорит также в четвертой книге своей «Индии», в которой рассказывает об упомянутом до этого царе вавилонцев, что он храбростью и геройскими делами превзошел Геракла, превзошел настолько, что завоевал большую часть ливийцев и иберов, как он говорит»⁸.

Если в древнейшую эпоху отношения западных иберов с соседними народами покрыты мраком, то об их новых соседях мы знаем гораздо больше.

Постепенно в мир иберийских племен проникают различные этнические группы.

Среди них первое место занимают **кельты**.

Первое литературное сведение о кельтах относится к IV веку до н. э. В этот период кельты уже занимали территорию в окрестностях Франции, затем они переселились в Центральную и Южную Европу, а в III веке до н. э. распространились на обширных землях и на севере достигали границ современной Германии, на востоке — Дуная и Фракии, на западе — до Атлантического океана (в связи с этим кельты проникли и на Британские острова), на юге они заняли северную часть Италии.

Не совсем ясно, когда пришли кельты на Иберийский полуостров⁹.

Можно считать, что волны кельтских племен постепенно проникали в Иберию главным образом либо в конце VI в. до н. э. и начале V в. до н. э., либо же в IV в. до н. э.

Появление новой мощной этнической группы на Пиренейском полуострове, естественно, вызвало значительные изменения в населении Иберии, в номенклатуре иберийских племен. После того как окончилась война между ибе-

¹ Рафаэль Альтамира-и-Кревеа. История Испании, I, Москва, с. 10—11.

² Б. В. Казанский, Начало Испании. «Советская этнография», I, 1938, с. 192.

³ Н. Марр. Чем живет яфетическое языкознание? Петроград, 1923, с. 26.

⁴ Несомненно Кутаиси.

⁵ Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Собрал и перевел с подлинников К. Ган, I, Тифлис, 1884, с. 135.

⁶ Дж. О. Томсон. История древней географии (перевод с английского). Москва, 1953, с. 87.

⁷ Н. Марр. Термин из абх.-русск. этнических связей, 1924, с. 5.

⁸ Geographica, I, 1961, с. 30.

⁹ Предлагаются следующие даты (до н. э.): X—VI вв.; около IX в.; VII в.; около VI в.; конец VI в.; около V в.; VI—IV вв.; IV в.

рами и кельтами и определились географические границы владений этих двух народов, авторы античного периода четко отличают друг от друга кельтов и иберов и приводят сведения, связанные с их локализацией. Одну часть страны — окрестности Пиренейских гор, восточную и часть южной полосы При-средиземноморья — целиком занимали иберы; вместе с тем, возможно, иберы освоили побережье, южные и восточные окрестности после изгнания кельтов На северо-западе (Галисия) и в Португалии господствовали кельты.

В остальных пунктах Иберийского полуострова иберы и кельты жили вместе, что вызвало их этническое слияние. Этот район включает в себя центр Иберии, часть северного побережья и часть полосы Андалусского побережья.

Новую этническую разнородность, возникшую в этом секторе полуострова, древние авторы называют кельтиберами, а занятую ими территорию — Кельтиберией.

После иммиграции кельтов на Пиренейский полуостров авторы античного периода называют целый ряд племен, как то: галеги или галисийцы, астуры, кантабры, ауригоны, вардулы и васконы... Западнее, на всей территории Каталонии, жили: илергаконехи, баргусы, лаэтаны, суэсетаны, контретаны и индигеты, в Валенсии — элетаны, в Аликанте и Мурсии — турдетаны, в Центрально-восточной Андалусии — турдулы, в Португалии — лузитаны (по словам одного из греческих авторов — «могущественнейшие из иберийских племен»), кельтиберы — в части Новой Кастилии и Арагона, ветоны, карпетаны и другие.

Первым народом, о вторжении и поселении которого в Иберии летописи сохранили более или менее безошибочные письменные сведения, были карфагеняне, хотя и в этом вопросе кое-что остается спорным. Предполагают, что уже в XII веке до н. э. финикийцы основательно обосновались в юго-западной Иберии.

Весь полуостров финикийцы называли Спан, Спания (как было сказано выше, по мнению некоторых исследователей, это означало: незнакомый, скрытый, дальний край).

Постепенно финикийцы из окраинных районов углубились внутрь страны и повели торговлю с местным населением. Не следует думать, что «пришельцы» не встретили никакого сопротивления. Иберы провели целый ряд войн с финикийскими колониями, но все же не смогли победить их, и в целом ряде регионов «гости» прекрасно устроились, окончательно обосновались и соперничали с «хозяевами» в управлении страной. В VIII веке до н. э. господство финикийцев в Иберии заметно ослабло в результате вторжений ассирийцев и вавилонян. Финикийцы занесли в Иберию элементы азиатской и египетской культур.

Мощная этническая волна проникла в Испанию в лице греческих колонистов. Греки еще в VII веке до н. э. установили первые контакты с населением Испании.

С VIII века до н. э. в Италии утвердилась власть Рима. Римляне еще с IV века до н. э. покорили тирренов, заняли центральную часть Апеннинского полуострова и вторглись в южные районы. Естественно, что римляне стали соперничать с утвердившимися здесь карфагенянами. Некоторое время между ними царил мир, был заключен торговый договор, и они до некоторой степени одинаково господствовали на Средиземном море. С течением времени, однако, в Сицилии вспыхнула война, римляне одержали победу и полностью изгнали оттуда карфагенян (242 г. до н. э.). Было положено начало господству римлян на полуострове.

Начиная со II века н. э. полными господами на Пиренейском полуострове становятся римляне.

С этого времени началась романизация Иберии. По всему краю широко распространился латинский язык и была заложена прочная основа романизации местных племен. Процесс романизации осуществлялся с методической последовательностью и охватил всю территорию полуострова.

Некогда могучая Иберия окончательно рухнула. В Европе «осиротевшие» остатки старого племени истекали кровью, стремясь сохранить национальную самобытность. Однако проведение ассимиляторской политики великой империи решило судьбу малочисленного народа: в лучшем случае он должен был смешаться с завоевателями и в результате этого этнологического смещения навеки потерять собственный национальный облик.

В ходе этого мощного процесса романизации сумело уцелеть только племя басков — один из осколков древней иберийской этнологической группы; более того, вплоть до наших дней баски сохранили свою национальную самобытность, антропологические черты, язык, обычаи...

Мы познакомились с этническим составом древней Иберии и ее историческим прошлым, насколько это позволяют сохранившиеся до наших дней скудные и фрагментарные сведения.

Какова была структура иберийского языка или же, точнее говоря, — языка (или языков) большей части населения Иберийского полуострова?

Дать определенный ответ на этот вопрос довольно трудно, поскольку, как известно, древние иберы переродились, а письменных памятников их языка история не сохранила, хотя существовала иберийская письменность — своеобразная система письма, дошедшая до нас в виде фрагментарных надписей.

Выдвинута гипотеза о том, что на Пиренейском полуострове существовали три языковые зоны, а именно: а) васконская, то есть выродившийся в начале новой эры аквитанский язык (на территории современной Южной Франции), б) иберийская, в) тартесская (в районе древнего Тартеса).

Большое влияние на иберийские языковые группы оказывали другие языки: лигурийский, либийский, кельтский, этрусский, финикийский, греческий и другие.

С одной стороны, наблюдения над языком надписей, с другой стороны, изучение иберийской топонимики, а с третьей — проведение «раскопок» в языке басков (ведь баскский язык — единственный сохранившийся живым и представляющий западноиберийский мир) — все это позволило науке составить хотя бы приблизительное представление о первоначальном облике выродившегося иберийского языка и подготовить почву для восстановления лингвистической картины первоначального европейского населения.

Иберийский язык, видимо, был распространен в прибрежном районе от Энсеруна (Enserune), между Нарбонной (Narbonne) и Бесьерсом (Bezie), до Аликанте (Alicante), а также в глубь долины реки Эбро до Лериды (Lérida) и Сарагоссы. На том языке разговаривали и в районе, который располагался между Аликанте и Кордовой.

В Испании обнаружено до ста пятидесяти надписей, выполненных иберийскими буквами. Специалисты выделяют две системы письма: 1) иберийское письмо, в узком смысле этого слова, и 2) турдетанский или андалусский алфавит, то есть письменность древнего Тартеса (библейского Таршиша) и южной части Иберийского полуострова. Из них особое значение придается первой.

Надписи высечены на камне, на свинце, на бронзе, серебре или же выполнены красками на глиняной посуде либо на стенах. Некоторые надписи имеются на иберийских монетах. Текст одной из крупных надписей состоит из 14 строк, содержащих 342 знака. Надпись на глиняном сосуде, обнаруженная в 1933—36 гг. (опубликована в 1942 г.), датируется V веком до н. э. Несколько надписей, видимо, относятся к IV или III векам. Большинство надписей выполнено в последующие века — самая поздняя надпись относится к периоду Римской империи.

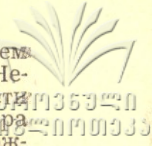
Направление письма горизонтальное, справа налево. Иногда встречается и вертикальное направление — сверху вниз. Если бы расшифровка иберийского алфавита, предложенная профессором Мануэлем Гомесом Морено, была полностью достоверной, мы получили бы следующую картину: 1. вся система письма включает в себя 30 букв, из которых 25 согласных, 5 — гласных; 2. «б» и «п», «г» и «к», «д» и «т» не отличаются друг от друга; звуки «ч», «р» и «ц» не имеют знаков; с другой стороны, существовали специальные знаки для удвоенных «н» и «р»; письмо смешанное: частично буквенное (фонетическое), частично — слоговое.

Происхождение иберийского алфавита окончательно не установлено. По мнению некоторых ученых, оба иберийских письма — разновидности одной и той же системы, некоторые же утверждают, что они происходят из различных источников. Турдетанское письмо считают вариантом древнеливийского письма, собственно иберийский алфавит же некоторые исследователи связывают с финикийским письмом, а другие (например, Тэйлор) — с древнегреческим. Полагают также, что иберийское письмо — явление местное, уходящее корнями в доисторические времена и связанное с геометрическими знаками, употреблявшимися в доисторической Испании¹.

Как видим, данная проблема довольно сложна. Выдающийся английский специалист Д. Дирингер полагает, что оба иберийских письма можно сравнить по происхождению с древнеливийским письмом, то есть нужно допустить, что древнее население Испании переняло идею письма и некоторые буквы у финикийцев или карфагенян, а также применило в своем письме геометрические знаки (использовавшиеся в древней Иберии), к которым добавило некоторые произвольные знаки и знаки, происходящие из других письменностей.

Несмотря на то, что ученые читают иберийские тексты (надписи), по существу содержание их все-таки остается недоступным. Дело усложняется тем, что надписи одноязычные — если бы они были двуязычными (билингвами), то, конечно, интерпретировать тексты было бы легче. В этом случае может помочь единственный живой иберийский язык — баскский, но и здесь мы сталкиваемся с большим затруднением: ближайший иберийский текст отделяют от

¹ Мы основываемся на книге Дирингера (Д. Дирингер. Алфавит. Перевод с английского. Москва, 1963, с. 298—299).

древнейшего баскского текста по меньшей мере 15 веков. Вместе с тем характерные черты языка басков начала христианской эпохи нам неизвестны. Несмотря на эти препятствия, все же удается установить некоторые особенности языка древнеберских надписей на основе баскского. По словам профессора Генэ Лафона, в настоящее время мы не можем с уверенностью сказать, можно ли объяснить эти реально существующие сходные черты как заимствование или как родственную связь, хотя эта вторая возможность кажется более убедительной. Французский ученый отмечает, что фонологическая система иберийского проявляет много сходства с аквитанским и баскским; некоторые морфологические элементы иберийских слов (-ба, -ке, -ан) напоминают баскские. «Несмотря на это, — продолжает тот же ученый, — мы не можем отождествить их с такими же элементами баскского, поскольку не знаем значения ни их самих, ни тех слов, к которым они прилагаются. В иберийском есть суффикс, который, видимо, обозначает генетив и по форме совпадает с суффиксом баскского генетива. Есть также суффиксы -ар -тар, которые обозначают происхождение из того или иного города или страны или из определенной семьи и которые похожи на аквитанские и баскские окончания, имеющие такие же функции: -ар, -тар. И наконец, приблизительно 40 иберийских слов совпадают с баскскими словами, либо похожи на них. Например: *bels*, которое напоминает аквитанское *beles*, баскское *beltz* «черный»; *argi*, напоминающее баскское *argi* — «светлый, блистательный». Такие совпадения не могут объясняться случайностью или заимствованием. Отсюда не следует, однако, что баскский происходит из иберийского, так как при таком предположении получится, что и аквитанский, и басконский — ранние формы современного иберийского баскского — иберийские языки. Правда, мы не имеем ни одного аквитанского или басконского предложения, но все же можем сопоставить друг с другом иберийский и аквитанско-басконский одной и той же эпохи — I и II вв. до н. э... Окажется, что различий гораздо больше, чем сходных черт, а это заставляет полагать, что мы имеем дело с двумя разными языками, а не с одним»¹.

Социальная жизнь иберов, их культура, цивилизация покрыты мраком; сравнительно легко проследить общественные организации иберских племен периода после V века до н. э. Надо полагать, что в эпоху, следовавшую за обоснованием кельтов в Иберии, выделяются два отличные друг от друга течения культуры: кельтское и иберийское. По сочинениям авторов античной эпохи трудно установить, какие элементы принадлежат кельтам, а какие — собственно иберам. Следует также учитывать, что отдельные племена, населявшие полуостров, имели и свои автономные черты. Указания древних источников в этом отношении, очевидно, не должны вызывать никаких сомнений. Изоляция и этническая раздробленность, естественно, должны были способствовать дифференциации и партикуляризации жизни различных областей, а это обстоятельство не могло не сказаться на общественных организациях всей Иберии в целом.

Иберы жили главным образом в больших или малых селениях, но существовали и многочисленные города. Каждое племя имело своих богов. Некоторые из них, принадлежавшие племенным федерациям или особенно влиятельным племенам, были более могущественными. К таким богам относятся Нетон и Баудваат — боги войны, Эндовелик, Юнин Юновис — верховные божества и богиня Атаззина. В качестве местных богов выступают «богиня-мать», «бог-солнце» и другие. У более богатых и развитых племен — турдетанов и турдулов высокого уровня достигло сельское хозяйство, а также ремесло и торговля; они имели свою письменность, создали ряд исторических сочинений, поэм и легенд, описывающих многовековую историю иберов. Эти письменные памятники иберийских племен полностью утрачены. Другие племена, например, галеги, астур, кантабры, были наполовину дикими. Лузитане нападали на соседние племена и были известны как грабители. Такие же обычаи были и у кельтиберов. Вообще в центральной части полуострова обитали крайне отсталые племена (им были не известны деньги), тогда как коренные жители южного и восточного побережья стояли на высоком уровне культуры и отличались сложной системой своеобразных обычаев.

Иберы в VIII веке до н. э. создали искусство, которое расцвело в V—IV столетиях. Иберийское пластичное искусство позднее подверглось влиянию финикийской и греческой культур. Важнейшим очагом, в котором зародилось иберийское искусство, как видно, были юго-восточные районы полуострова; однако такие очаги существовали и в других местах. Иберийская архитектура сохранилась и до наших дней в виде остатков таррагонских циклопических стен. Сохранились также остатки различных архитектурных деталей в других районах. Заслуживают пристального внимания и образцы скульптуры, выполненные с тон-

¹ Р. Лафон. Баскский язык, в сборн.: «Баскский язык и баскско-кавказская гипотеза», с предисловием и под ред. А. Чикобава, 1976, с. 70.

ким вкусом и высоким мастерством. К их числу относятся различные каменные скульптурные памятники, сфинксы. Обнаружены различные образцы фигур и идолов, а также скульптуры быков (главным образом в Кастилии), изображения воинов с иберийскими надписями и другие. Эти памятники по существу — произведения одного стиля, но некоторые из них, как видно, более поздние и, возможно, принадлежат к эпохе господства римлян. На развитие иберийского ювелирного искусства указывают несколько замечательных изделий: золотая диадема (найдена в Хавее) и обломки других диадем (найжены в Астурии), которые хранятся теперь в Лувре. Кроме того, обнаружены блестящие образцы цветной керамики, на которых запечатлены изображения фигур животных. Как полагают археологи, на этой керамике сказывается влияние микенской культуры. В большом количестве сохранились могильные плиты и жертвенники, оформленные различными изображениями.

Установлено, что мужчины северных и северо-западных племен носили накидки из шерсти и козых шкур, женщины же предпочитали одежду ярких тонов. Вооружение иберов составляли выпуклые щиты, латы, металлическая кольчуга и кожаный шлем, копья, кинжалы и ножи. Кельтиберы отличались от всех других своими обычаями и нравами. Как сообщают римские авторы, ежемесячно в период полнолуния члены каждой семьи собирались перед своими домами и исполняли ритуальную пляску в честь безымянного бога (вероятно, луны). В бою кельтиберы пользовались щитами разной величины и надевали бронзовые шлемы. Обычно на одном коне сидели верхом по два всадника. Воины носили на ногах шнурованную обувь.

Лузитане натирали тело растительным маслом и ароматическими эссенциями, купались в холодной воде, спали на земле и отпускали длинные волосы, как женщины. Вооружались они так же, как кельтиберы.

Западные иберы либо были автохтонами (аборигенами) Пиренейского полуострова, либо же пришельцами, переселившимися из другой страны. В науке на этот счет высказаны различные взгляды, с которыми читатель познакомится ниже.

Откуда происходит европейский этноним **ибер** и — соответственно — **Иберия**?

Об этимологии этого слова существует несколько мнений (греч. — *ibères*, лат. — *Hiberes*, греч. — *Iberia*, лат. — *Hiberia*).

Как известно, европейский термин подтверждается в литературных источниках с VI в. до н. э.

Данный этноним связывают с названием реки *Iber* (Каталония, совр. Эбро, и южнее — Рио-тинто). Наряду с этим существуют *Ibars* (Каталония) и *Ibero* (Наварра) и другие.

Некоторые исследователи полагают, что название полуострова Иберия и название реки Эбро происходит из финикийского слова *Ireb* или *Ereb*, которое означает: «по ту сторону света»¹.

В баскском языке мы имеем слова: **ибар** — «прибрежный лесок» и связанное с ними **ибай** — «река», **ибон** — «горное озеро», **иби** — «ручеек», **иби, ибасо** — «брод» и другие. Отсюда **ибна**, **ибнс**, **ибилла** (в древней Ливии засвидетельствовано Стефаном Византийским), совр. — **ибеас**, **ибасо**, **ибиде**, **боигорри** («красная река»), исп. **бахиа** — **бухта** и другие.

В слове **избр** некоторые выделяют баскское **иб** — «река, вода», эрри — «народ, нация», то есть получается «народ реки» или «название реки», хотя не исключена и такая этимология **иб**—**ар**, где «ар» означает: «мужчина» (ср. **арр-эба** — «сестра, брат», дословно: «родственная мужчине женщина»; **напбар** — **навар** — наваррец, дословно: «человек лодки, человек лоцины»)².

Продолжение следует

¹ А. Брут, Землеописание известного древним света. II, 1930, с. 204.

² Ю. В. Зыцарь, О родстве баскского с кавказскими. «Вопросы языкознания», 5, 1955, с. 54.

МОЛОД ДУШОЙ И ТВОРЧЕСТВОМ

МЕСТО писателя в истории народа определяет только время. Слишком много страстей, бушующих в этом мире, мешает современнику стать объективным судьей происходящего, беспристрастным ценителем художников слова, кисти, сцены или экрана. Это общеизвестная истина, которую незачем подкреплять историческими примерами. Современники, соплеменники часто ошибались в оценке тех или иных писателей. Ушли в литературное небытие иные литераторы, которые в юные годы автора этих строк были кумирами общества.

И все же мы не ошиблись, когда считали Владимира Маяковского конгениальным эпохе творцом. Есть и другая ситуация. Лилипутам никогда не нравились гулливеры. Если бы только не нравились! Сколько козней они строили, сколько сплетен сочиняли и распространяли. Сплетни забывались, лилипуты, исчезали, гиганты мысли, чувства, слова оставались в веках. Так было, есть и, наверное, так будет всегда.

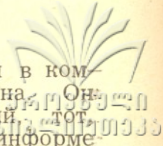
Недавно гостями Грузии была группа русских писателей. Возглавлял их Константин Михайлович Симонов. У грузинских писателей, наверное, были с ними встречи, разговоры, обсуждения. Время от времени такого рода общения необходимы и, нужно думать, обоюдно полезны. В этой заметке — не об этом речь.

Здесь хочется сказать несколько слов о Константине Симонове. Без его имени трудно себе представить необычную и необъятную по своей структуре, целенаправленности, качеству советскую литературу. Имя Симонова известно со времен Халхин-Гола, когда самураи сунулись туда, где ничего кроме отпора получить не могли. Так оно и случилось, и побитые вояки, убрались восвояси. Симонов хорошо писал тогда об этом. Мы, рядовые читатели, не знали, что эти репортажи принадлежали двадцатитрехлетнему автору. Писал К. Симонов умно, талантливо и, конечно же, зло.

Не знаю, существовало ли тогда понятие «молодой писатель». Все тогда было молодо — и страна, и люди, и настроения. Само понятие «молодой писатель» не укладывается в мою совсем не молодую голову. Есть начинающий писатель, есть зрелый литератор... При чем тут годы? По нынешним нашим понятиям Пушкин и Лермонтов были чуть не в комсомольском возрасте.

Я не знаю «молодого» или «старого» Константина Симонова. Я знаю писателя, который из фронтовых окопов просит, чтобы его ждали, и его ждут, во гневе требует, убей врага, и захватчика убивают. Ведь любовь и ненависть неразлучные чувства. Тот, кто не умеет ненавидеть врагов Родины, тот не может любить ближнего своего.

Константин Симонов мастер и стиха, и прозы. Сочетание двух жанров литературы в творчестве одного человека тоже дар природы, талант.

...Был февраль 1942 года, нелегкого времени для страны. Я сидел в комнате редактора газеты войск, сражавшихся под Керчью, Д. Березина. Он ушел на заседание Военного Совета. Душа редакции и ее чернорабочий, кто, собственно говоря, и делал газету, ныне работающий в Грузии. Марк Траскунов тоже куда-то вышел. К. Симонов спросил меня, можно ли достать машину и уехать поближе к переднему краю. Машину ему достали, и он уехал. Тогда наше февральское наступление захлебнулось не только в ливневых дождях и непроходимой крымской грязи, но и из-за некомпетентности тогдашних руководителей фронта. В начале 1942 года мы еще только учились воевать. Освоили сполна эту нелегкую науку чуть позднее. И экзамен сдали на «отлично», на пятерку в 1945 году в Берлине. А тогда, в 1942-м, К. Симонову, насколько я знаю, не удалось в «Красной Звезде» написать о крымских делах. Что было писать? О том, что лил дождь? Он об этом написал стихи и читал их в зале Грузинской филармонии на своем творческом вечере в конце ноября прошлого года, и меня, свидетеля тех дней, пробирала дрожь.

Как истинный поэт, знающий цену слову, этот многоопытный литератор в тот вечер в филармонии волновался, как молодой и начинающий: он, пожалуй, выпил перед этим теплого чая, часто доставал платок... И за это волнение нельзя не любить К. Симонова. Вспоминается большой поэт нашего времени А. Твардовский, который в Тбилиси, в концертном зале театра имени Руставели так же волновался; он начинал читать свои чудесные стихи с волнением ученика первого класса.

Волнение Константина Симонова и Александра Твардовского передавалось залу. Помню, Твардовский заключительное стихотворение читал аудитории, которая слушала его стоя. Позднее поэт скажет, что такого не было в его жизни...

К. Симонова в этот его приезд в Грузию в зале филармонии две тысячи пятьсот человек слушали затаив дыхание. Нам казалось, он готов был читать стихи всю ночь напролет и аудитория, не шелохнувшись, будет слушать его.

Я слушал К. Симонова, пожалуй, на самой представительной международной встрече писателей в Ленинграде в августе 1963 года. Тогда он полемизировал с известным французским литератором Роже Кайюа о мере ответственности писателя перед обществом.

Мы гуляли с Ильей Эренбургом белой ночью по ленинградским набережным, и он говорил мне: «Я слушал Симонова, у него удивительный дар найти, схватить существенное, не размениваясь на мелочи». Илья Григорьевич тогда был уже худ, бледен и, как было видно, болел. Скоро его не стало.

Не могу я забыть Симонова на трибуне международного конгресса ПЕН-клуба в Будапеште в октябре 1964 года. Это было утро того дня, когда к руководству нашей партией пришел Леонид Ильич Брежнев. До К. М. Симонова выступала американская писательница Маккарти. Она нарисовала апокалиптическую картину: убит Кеннеди, не помню, еще кто-то, вот утром сообщили о переменах в руководстве России (это ее термин). Что, мол, будет с миром?

После нее выступал К. Симонов. Его слушали с утроенным вниманием. Спокойный, уверенный тон речи советского делегата, скажем прямо, успокоил большую аудиторию, до отказа заполненную представителями интеллигенции из всех уголков мира.

А потом Италия, дни Достоевского в Венеции. К. Симонов чуть-чуть опоздал на заседание. Мне пришлось выступать до него. Смысл моего выступления сводился к одному тезису: гений Достоевского уходит в глубь истории, характера, философии жизни породившей его среды. Шутки ради я сказал, что Симонов опаздывает и в этом следует своему великому предшественнику. Затем выступал К. Симонов, который очень выразительно и глубоко обрисовал главное в Достоевском. Даже вечно ироничный Виктор Шкловский, рядом с которым я оказался во время выступления К. Симонова, с похвалой отозвался о его речи. Истины ради нужно указать, что во время венецианского конгресса все внимание его членов было обращено на двух людей, абсолютно разных по своим литературным взглядам и научным интересам, — на В. Шкловского и К. Симонова. Не могу не вспомнить Константина Михайловича и на обеде в Милане у ныне покойного известного итальянского писателя Гвидо Пьовене, который дружил с К. Симоновым. Г. Пьовене очень был огорчен, узнав от нас о смерти мцхетского кудесника сада и цветов Мамулашвили. После посещения Мцхета с супругой Мими Гвидо Пьовене прислал ему клубни каких-то исключительно редких голландских лилий...

К. Симонов не менее именитый прозаик, чем стихотворец. Это тоже в традициях больших писателей. Двухтомник дневников К. Симонова мы пока не читали; он только вышел из печати. По журнальным публикациям известно, что

это исключительно талантливая, крайне нужная книга и для молодежи, и для тех, кто воевал в те годы. Возможно, не все согласятся с оценками, которые дал К. Симонов тем или иным историческим деятелям эпохи Великой Отечественной войны, но проза эта сделана рукой мастера.

Еще об одном качестве К. М. Симонова. Помню, как-то в Москве он пригласил К. Каладзе, Н. Микава и меня в свою квартиру и прочел в рукописи несколько глав из повестей эпохи войны, которые касались встреч с грузинскими писателями тех лет. Наш известный поэт К. Каладзе подтвердит, что наши в сущности технического характера замечания Константин Михайлович тут же принял и внес в машинописный текст. Этот сборник сейчас вышел на двух языках — русском и грузинском и, как это случается у нас с хорошими книгами, тут же разошелся.

В свои шестьдесят лет Константин Михайлович душой и творчеством молод, как в том, ныне далеком году, когда я его впервые увидел в Керчи.

И еще об одном — об организаторском таланте К. М. Симонова. Он ведь был редактором «Литературной газеты». Был и сейчас является одним из секретарей правления Союза писателей СССР, членом редколлегии литературных журналов, председателем Совета по грузинской литературе. Он везде нужен, всюду вносит и советом, и делом свой большой, приобретенный годами опыт работы.

«СВОБОДНУЮ СУЩНОСТЬ СВОЮ Я СПАСАЮ»

БЕЗУСЛОВНО, непроста, метафорически усложнена поэзия Лианы Стуруа. Она многослойна, многоструктурна. И самобытна, уходя истоками в прошлое своей страны, культуры, народной поэзии. И предельно современна. Рождена человеком, оснащенным багажом не только читательского, но и научного освоения литературы. Она сама ее исследователь и творец. Поэтессе особенно близки вопросы художественного творчества, которые она реализует и в своих литературоведческих трудах, и в стихах. Не случайно даже в таком небольшом по объему поэтическом сборнике Л. Стуруа, как «Антенна над городом», выпущенном на русском языке издательством «Советский писатель» (Москва, 1976 год), ряд стихотворений посвящен художникам в широком смысле этого слова. Назову, к примеру, «Художника» и «Пабло Неруда». Но и в других стихах затронуты те или иные аспекты художественного освоения действительности. Один из них, на мой взгляд, присутствует и в стихотворении «Два глаза — две точки»:

И прямо на серой земле,
Посреди проезжей дороги,
У подножья больших домов,
Плашмя лежат человечки.
Это дети живут и рисуют мечту:
Два глаза — две точки
И рот до ушей.

(Перевод Ю. Мориз)

А вот еще один вариант этой проблемы, постоянно владеющей поэтессой:

Душа человека — великий художник,
Она оставила длинный свиток
Желаний возможных и невозможных,
Стремлений убитых и неубитых.

(Перевод Т. Жирмунской)

Творческий дух, проявляемый человеком всегда и во всем, присутствует почти в каждом стихотворении Л. Стуруа. Возьмем наудачу, ну, скажем, «Морскую раковину». И здесь — тоже:

Когда подносишь раковину к уху
И в ней что-то шумит глухо,

Ночью ты увидешь обречен
Море, нарисованное цветным
карандашом.

(Перевод Т. Жирмунской)

В стихотворении «Первому космонавту» — снова:

Великая красота поражает тебя —
Небывалого веса, окраски и формы,
Невероятная, касается твоего лба,
Мыслящего, упорного.
И не хочешь больше лежать
Среди подушек, мягких, как бархат,
На лбу высоком жилки дрожат
Под давлением чудо-метафор...

(Перевод Т. Жирмунской)

Глубочайшим проникновением в сущность творчества поражает стихотворение «Художник». Я бы осмелилась назвать его маленькой трагедией. «Всю жизнь любил он рисовать коней...». На каждом этапе жизни, постигая какую-то одну их сторону, художник бывал счастливым, схватив, как ему казалось, главное.

А время.. время проходило..
И понял он, что не постиг
Проклятой сути лошадей гнедых.

(Перевод Т. Жирмунской)

На что бы в наше бурное, сложное, быстротекущее время ни откликалась обнаженная душа поэтессы, ее образная мысль все чаще возвращается к творческому осмыслению человеком окружающего его мира. И вот стихотворение «Вьетнам, 1968 год», где речь идет о том, как сын фермера из Калифорнии спалил вьетнамскую деревню, обретает, казалось бы, неожиданную концовку:

Если бы мог он знать,
Что в Испании убили испанца
По имени Федерико Гарсиа Лорка,
Потому что он знал толком,
Кто он такой..
Но если бы знали невежды,
Убили бы трижды и четырежды

...плоть моя — не что иное,
как храм священный веры в образ твой.

(«Я та же, десять лет не изменили»,
перевод Ю. Мориц)

Двери — в двери. Я знаю,
так глядят из колодца.
Так последняя нежность сильна...
Удержи меня! Пусть
упадет и на плечи прольется
волос

малиновая
волна.

(«Это было — ушло...»,
перевод В. Леоновича)

И мне все равно, увижу ли, нет ли
Где-нибудь, когда-нибудь я тебя.
Я рада, что ты существуешь на свете
И что существуют большие поля.

(«Я ведь знала, знала заранее»,
перевод Т. Жирмунской).

Те же «большие поля» мы находим и
в другом стихотворении: «И мне, горо-
жанке, привиделись большие поля...».

Так через всю книжку проходят вос-
поминания, сны, мечты о зеленых по-
лях, фруктовых садах, сельских пейза-
жах, море, тяга к ним. Но и образ горо-
да не менее властно присутствует в ней.
Автор прямо признается: «А потом ме-
ня одолел город» и дает то зарисовку
знойного городского дня в стихотворе-
нии «По улице идет женщина», то
жанровую картинку тбилисского февра-
ля («Город. Кислый месяц»).

Но более знаменательно мироощуще-
ние, психология городского жителя, со-
временного интеллигента, которые по
существу и заявлены в образной, поэти-
ческой форме в сборнике стихов Лианы
Стуруа, очевидно, не случайно назван-
ном «Антенна над городом». В это на-
звание, служащее как бы символом вос-
приятия окружающего мира, вмещают-
ся и любовь к палевому Цикаре (быку,
герою грузинской народной сказки, оли-
цетворяющему родную землю), что-то
очень кровное, дорогое, исконное, и
жажда выйти за пределы земного тяго-
тения, дать размах полету мысли и фан-
тазии. Не потому ли среди аксессуаров
поэзии Л. Стуруа так много реалий
фольклорного мира (в книжку включе-
ны вариации на темы грузинского
фольклора, что расширяет ее рамки и
углубляет содержание, ибо это одни из
наиболее гармоничных, органичных твора-
ний поэтессы), и не меньше современ-
ных, без которых сегодня уже немисли-

мы наша жизнь и наш быт. Тут и теле-
визор. Причем цветной. И антенна. И
космический корабль. И аэродром. А так
же милый сердцу Цикара, родные боль-
шие поля...

Как совместить все это? И как вме-
стить разговор обо всем этом в одну не-
большую рецензию? Ясно, что многое, о
чем не сказано и о чем следовало ска-
зать, осталось за ее пределами. Но хо-
телось дать хотя бы некоторое пред-
ставление о поэтессе, которая мало зна-
кома русскому читателю, и о ее книжке,
которая очень быстро исчезла с прилав-
ков книжных магазинов, что позволяет
сделать предположение о ее созвучии
его раздумьям, интересам и устремлени-
ям. Это тем более примечательно, что
поэзия Л. Стуруа нелегка для восприя-
тия даже в оригинале. Непросто понять
ее и в переводе, в ходе которого неизбежно
что-то утрачено, недопроявлено, а по-
рой даже и упрощено, несмотря на са-
моотверженный труд таких серьезно ра-
ботающих в области перевода грузин-
ской поэзии русских поэтов, как Ю. Мо-
риц, В. Леонович, Ю. Ряшенцев,
Т. Жирмунская. Но многое благодаря
их же усилиям донесено до русского
слуха, и мы можем судить не только о
тематике, идейной направленности и исто-
ках поэзии Лианы Стуруа, но даже о
поэтических достоинствах ее стихов,
частности о таких, например, образах
метафор, как «и хоронил народ слезу
свою, простертую недвижно...», «хлеб
грустных раздумий моих...».

Последние слова взяты из стихотво-
рения «Цикара», помещенного в разде-
ле «Вариации на темы грузинского
фольклора», в котором есть такие стро-
ки:

Поплачь же, Цикара, с луной
Над ребенком былым:
Он мышь пожалел,
А души ему было не жалко...
Я взрослая нынче,
Теперь остаются со мной
Ковры,
Огнецветный их ворс,
Польхающий жарко...

(Перевод Ю. Ряшенцева)

В этот сложный и напряженный мир
нашей сегодняшней жизни, где надо
уметь противостоять текучке ее быстро-
течности, всем соблазнам власти вещей,
чтобы «свободную сущность свою спа-
сти», и вводит нас поэзия Лианы Сту-
руа.

Л. ТИХОНОВА.

Сдано в набор 10 февраля 1977 года. Подписано к печати 22 марта 1977 года.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 480

Тираж 7050

УЭ 08201

26-1977.

77-225
ქართული
ბიბლიოთეკა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კ. ც-ის გამომცემლობა